

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ-1981

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1981

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

К. М. МУСАЕВ

СОВРЕМЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Письменные тюркские языки в СССР представлены языками пяти союзных, шести автономных республик, двух автономных областей, а также языками части населения некоторых других автономных республик и областей. Как отметил академик П. Н. Федосеев, «В условиях зрелого социализма ускоряются процессы всестороннего развития социалистических наций. Предпосылками и средствами национального развития являются неуклонный рост экономики и научно-технического потенциала республик в общем экономическом и научно-техническом комплексе Советского Союза, развитие национальной социалистической государственности и культуры, а также родного языка»¹.

Все литературные тюркские языки как имевшие письменные традиции в дооктябрьский период, так и младописьменные в послеоктябрьский период получили возможность широкого развития в функциональном и в структурном планах.

Вместе с тем и в современных условиях существуют различия между отдельными литературными тюркскими языками в их функциональном и структурном развитии, что объясняется неодинаковыми условиями их функционирования. Можно было бы, например, провести своеобразную классификацию письменных тюркских языков по уровню развития терминологии.

Когда речь заходит о терминологии, специалисты прежде всего обращаются к письменным литературным языкам, хотя многие отрасли терминологии сложились и в бесписьменных языках, а также еще в дописьменную эпоху литературных языков.

В настоящее время на языках союзных, автономных республик и автономных областей выпускаются газеты и журналы, осуществляются передачи по радио и телевидению, издаются труды классиков марксизма-ленинизма, партийные и государственные документы, тексты выступлений руководителей партии и Советского государства. Осуществляется перевод с русского языка оперативной информации о важнейших достижениях науки и техники, экономики и культуры. На языках союзных республик издаются многотомные энциклопедии по всем современным отраслям знаний, что убедительно свидетельствует о высоком уровне развития этих языков в советскую эпоху, особенно их лексики

¹ П. Федосеев. Теоретические проблемы развития и сближения наций. — «Коммунист», 1980, № 1, стр. 61.

и терминологии, а также о большой работе лингвистов и специалистов различных областей знаний в Узбекистане, Казахстане, Азербайджане, Киргизии и Туркмении по созданию национальной терминологии, по всем отраслям современной науки и техники, экономики и культуры. Все это ставит повышенные требования перед специалистами, занимающимися вопросами разработки и совершенствования терминологии литературных тюркских языков.

Развивается процесс дальнейшего расширения функций тюркских языков, связанный с приростом населения в тюркоязычных республиках и подъемом их экономики и культуры. За последние двадцать лет количество говорящих на узбекском языке увеличилось на шесть миллионов человек, то есть удвоилось, количество говорящих на казахском языке возросло на три миллиона, на азербайджанском — на два с половиной миллиона, удвоилось количество говорящих на киргизском и туркменском языках (по одному миллиону человек), соответственно возрастает и роль этих языков. Неизмеримо вырос культурный уровень тюркоязычных народов.

Издаются труды на тюркских языках по таким отраслям знаний, на которые в прежнее время не распространялись функции тюркских языков.

Как подчеркнул академик П. Н. Федосеев, «при высоком уровне развития национальной культуры, в особенности национального языка, когда он выполняет самые широкие социальные функции, нет оснований полагать, что публикация научных трудов или преподавание специальных дисциплин на русском языке в высших учебных заведениях национальных республик может как-то ущемить национальный язык или национальную культуру...». И далее: «Нельзя признать нормальным, что значительная часть трудов общенаучного характера публикуется в республиках только на национальных языках и ими, следовательно, может пользоваться практически лишь ограниченный круг читателей, владеющих этими языками»².

База общественно-политической и научно-технической терминологии в письменных тюркских языках достигла высокого уровня и относительно устоялась, что позволяет оперативно перевести и опубликовать в местной печати на национальном языке любой материал центральной печати. Нередко русский и национальный тексты публикуемого материала появляются одновременно.

В национальных республиках издается большое количество универсальных и отраслевых терминологических словарей, рассчитанных на различные слои населения (для школьного обучения, для студентов вузов, научных работников, техников и т. д.). Это, несомненно, большое достижение в развитии литературных тюркских языков СССР.

Однако влияние этих многочисленных терминологических словарей на развитие того или иного языка еще не изучено, и перед лингвистами в этом плане открывается широкое поле деятельности.

Терминология тюркских языков, ее общие вопросы, проблемы, дальнейшие пути совершенствования еще не стали объектом специального коллективного обсуждения, несмотря на то, что в этом имеется большая потребность, поскольку решение ряда вопросов требует совместных усилий специалистов разных республик.

В каждой из союзных и автономных республик проблемы создания терминологии, ее распространения решаются изолированно, по усмотрению создателей терминов, терминологических комитетов и комиссий

² П. Федосеев. Указ. раб., стр. 67—68.

при различных учреждениях и на различных уровнях, без совместных обсуждений и консультаций со специалистами других республик, даже весьма близких по языку, его структуре, с почти одинаковыми сферами функционирования.

Кроме того, у многих издавна утвердилось представление, что якобы разработка и совершенствование терминологии национальных языков и вообще терминологическая работа довольно простое и чисто практическое дело, не требующее научных обоснований и не выходящее за пределы компетенции отдельной республики.

В относительно молодых литературных языках процесс роста терминологической лексики протекает особенно интенсивно.

Все это говорит о необходимости проведения глубокого и всестороннего исследования актуальных вопросов терминологии национальных языков СССР, в том числе, конечно, и тюркских, с целью научной разработки теоретических основ дальнейшего развертывания работ по созданию новых отраслевых терминов и упорядочению терминологии в современную эпоху бурного развития научно-технического прогресса.

Еще в дооктябрьский период тюркские языки имели богатую терминологию по наиболее развитым у данного народа отраслям хозяйства, а также по соответствующим отраслям культуры, образования и т. д. Например, гагаузский язык так же, как и другие языки, носители которых интенсивно занимались скотоводством, имеет богатую скотоводческую терминологию³, туркменский — помимо скотоводства, имеет развитую терминологию по ковроткачеству и ирригации⁴, якутский — по шаманизму⁵, азербайджанский — по добыче и переработке нефти, казахский и киргизский — по скотоводству, народному творчеству, охоте, узбекский — по шелководству, хлопководству, бахчеводству и ирригации и т. д.

Формирование терминологии в литературных языках с давними письменными традициями прошло сложный и длительный путь. Например, в памятниках письменности огузских языков средневековья («Китаби-Деде Коркуд» — XI век) зафиксированы географические термины: *тәпә*, *базы* 'холм', *дәрә* 'долина' и т. д. На формирование терминологии многих народов, исповедовавших ислам, оказали большое влияние арабский и персидский языки. Так, в Азербайджане вплоть до XIX века основным источником создания терминов служили арабский и персидский языки, а возможности самого азербайджанского языка в терминотворчестве почти не использовались. Арабские и персидские элементы в общей массе общественно-политической, научной, производственной и других отраслей терминологии составляли до 95%⁶, хотя одновременно для обозначения отдельных понятий наряду с арабскими и персидскими словами иногда параллельно употреблялись и азербайджанские термины. С XVII—XVIII веков в трудах по медицине, ботанике, географии и других специальные термины уже передаются лексическими средствами азербайджанского языка, а с XIX века после присоединения Азербай-

³ М. Губогло. Гагаузская терминология по скотоводству. — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 217—236.

⁴ С. Муратова. О терминологии туркменского ковроткачества. — Там же, стр. 243—255; И. Пенжиев. Из ирригационной терминологии туркменского языка. — Там же, стр. 255—264.

⁵ «Сборник трудов Научно-исследовательского института языка и культуры при СНК Якутской АССР», вып. I. М.—Якутск, 1937, стр. 9.

⁶ М. Ш. Гасымов. Из истории образования и развития терминологии в Азербайджане. — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография», стр. 195.

джана к России, когда происходит формирование единого азербайджанского литературного языка на основе общенародного языка, наряду с азербайджанскими в терминологии используются и русские слова.

Отличительной чертой дореволюционных терминологий является отсутствие строгой нормативности и унифицированности терминов. Каждый автор труда по определенной отрасли знания, каждый переводчик пользовались терминологией по своему усмотрению, на основе собственных познаний и в соответствии со своим вкусом.

Бурное развитие терминологии литературных тюркских языков СССР происходит в послеоктябрьское время. Оно началось в двадцатых годах нашего века, когда проводилась огромная работа по ликвидации неграмотности населения. Именно с этого периода возникает колоссальная потребность в создании терминологии по различным отраслям знания, прежде всего — по общественно-политическим вопросам, связанным с новым общественным строем. Многие народы, не имевшие письменности до Октябрьской революции, получают возможность издавать массовым тиражом газеты, журналы, книги на родном языке, создаются школы, в которых преподавание ведется на национальном языке местного населения. Возникает сеть вузов, развивается национальная культура, создаются новые отрасли национальной экономики.

Все это заставило малочисленную в то время народную интеллигенцию национальных республик в кратчайшие сроки разработать национальную терминологию, что в свою очередь выдвинуло проблему ее унификации и нормирования. С этой целью при правительствах союзных и автономных республик, при научных учреждениях были организованы терминологические комитеты и комиссии, которые взяли на себя функции главным образом контроля за созданием и упорядочением терминологии.

Первоначально возникла острая необходимость в разработке терминологии по основам наук для издания учебников начальной и средней школы, а также массовой общественно-политической терминологии.

На начальном этапе разработки терминологии главным принципом создания терминов признавалось использование лексических и морфологических средств родного языка. Работа велась каждой республикой самостоятельно без координации усилий специалистов-тюркологов других республик. В связи с этим в 20—30-х годах в ряде республик возникло течение, известное как «пуризм». Ср. термины того времени: *каз. отарба* (досл. 'огненная телега') 'поезд', *қараайғыр* ('черный жеребец') 'паровоз', ккалп. *пирха* 'партия', *қантерек* ('кровавое дерево') 'договор' и т. д., замененные впоследствии русскими словами.

В этот период из-за слабой научной и методической базы, силами самих республик и областей трудно было добиться больших успехов в разработке основных принципов терминологии. Поэтому обсуждение общих вопросов терминологии было вынесено на I Тюркологический съезд, состоявшийся в Баку в 1926 году, а также на заседание ВЦКНА. Первый всесоюзный пленум Научного совета ВЦКНА в 1932 году вынес по этому вопросу специальное решение, в котором было выдвинуто четыре главных принципа создания терминологии, принятых как основополагающие: «1. Использование средств родного языка. Развитие новой терминологии на основе родного языка необходимо проводить в следующих разрезах: а) создания новых слов из имеющихся основ в данном языке, используя хорошо развитую систему словообразующих суффиксов; б) смыслового перевода недостающих терминов по аналогии с уже развитыми языками; в) придания бытующим в данном языке словам нового значения; г) использования словарного запаса диалектов, не положенных в основу национально-литературных языков. 2. Использование

интернациональных терминов в условиях СССР. 3. Использование междunarодной научной и технической терминологии. 4. Использование терминов из других близких языков»⁷.

С современной точки зрения здесь не учтен еще один основополагающий принцип — «точность термина в системе».

Решения указанного пленума Научного совета были приняты за основу при разработке терминологии многих языков народов СССР, в том числе и тюркских.

Одно время специалистами по терминологии дополнительно к приведенным принципам выдвигался принцип минимальных расхождений, заключающийся в том, чтобы термины, обозначающие адекватные понятия в родственных языках, в максимальной степени передавались общей лексикой. Многие термины в тюркских языках вполне отвечают этому принципу, в первую очередь это относится к заимствованиям. Так, например, в тюркских языках общими являются лингвистические термины: *лексика, диалект, семантика, топонимика, табу* и т. д. Вместе с тем имеется много отклонений от этого принципа особенно при создании терминов на основе национального языка. Например, Ф. Р. Зейналов отмечает, что лингвистический термин «гласный» в тюркских языках передается следующими словами: азерб. *саит сас*, гагауз. *вокал сес*, каз. *дауысты дыбыс*, кбалк. *ачыкъ тауш*, кумык. *созукъ аваз*, тув. *ажак ѓн*, туркм. *чекимли сес*, узб. *унли* и т. д.⁸

Осуществление принципа минимальных расхождений терминологии близких языков требует постоянных консультаций специалистов-терминологов в различных республиках.

Из работ, посвященных принципам разработки терминов в национальных языках, следует, что основой для создания национальной терминологии является родной язык, и не только литературный, но также диалекты и язык фольклора. Причем применительно к каждому конкретному национальному языку возможно варьирование рекомендуемых принципов.

Вместе с тем следует отметить немало случаев, когда увлечение тем или иным принципом оказывается не в пользу дела и не оправдано потребностями практики. Термины, введенные лишь в угоду принципу и оторванные от социально-экономических запросов времени, как правило, не прививаются, несмотря на все усилия их создателей.

В последние годы разрабатываются более детализированные принципы создания терминов. Некоторые ученые предложили принципы использования интернациональных и русских терминов. Специалисты по казахской терминологии считают, например, что интернациональные термины могут вводиться в национальный язык при соблюдении следующих условий: 1. Интернациональные термины принимаются без перевода; пишутся по законам русской орфографии, поскольку существует общность алфавитной системы (*микроскоп, ракета* и т. д.). 2. Если нет эквивалента данного термина в национальном языке, то следует принимать термин русского языка: *пароход, самолет, паровоз, оптика* — *лык ось* 'оптическая ось' и т. д. 3. Переводить русский термин следует лишь при удачном его эквиваленте в национальном языке: *куат* 'мощность', *кернеу* 'напряжение'. 4. В некоторых случаях вместе с использованием интернационального термина допустимы и национальные эквиваленты: *космос* — *эле* и т. д.⁹

⁷ «Язык и письменность народов СССР». М., 1933, стр. 275.

⁸ См.: Ф. Р. Зейналов. О необходимости создания сравнительного словаря лингвистических терминов тюркских языков. — «Советская тюркология», 1973, № 4, стр. 69.

⁹ Х. А. Абишев. Выступление. — «Вопросы терминологии». М., 1961, стр. 208.

При создании терминов иногда считается допустимым образование синонимов. Однако такие синонимы-термины, как правило, недолговечны, например, казахский термин *әлем* ныне все больше функционирует в значении «вселенная», другое его значение передается интернациональным термином *космос*.

Попытки закрепить за термином одно единственное значение не всегда имеют успех. Даже такие термины, как *робот*, *синхрофазотрон*, в быту приобретают переносное значение: «Эх ты, робот!» и т. д.

На основе общих принципов терминотворчества разрабатываются принципы создания терминов по отдельным отраслям: биологии, географии, математике, строительству и т. д., и в связи с этим уточняются ранее принятые положения по разработке терминологии. Например, Т. Мусакуловым предложено свыше тридцати положений, выработанных на основе опыта преподавания биологии в школе и составления двуязычных терминологических словарей по биологии¹⁰. В этих положениях особое значение придается русским и интернациональным терминам, поскольку школьные учебники по естественным и техническим дисциплинам переводятся с русского языка, а оригинальные национальные учебники по этим предметам отсутствуют.

Из сказанного можно заключить, что в терминологической работе по тюркским языкам существует несколько уровней разработки основных принципов создания терминов: 1. Общие принципы терминологии для тюркских языков с учетом общего пласта в языках народов СССР; 2. Принципы терминологии для каждого конкретного языка с учетом его истории, традиций и т. д.; 3. Конкретные принципы для разработки терминологии отдельных отраслей хозяйства, науки и т. д. с учетом неравномерности их развития. Дальнейшее уточнение основных принципов всех этих уровней терминотворчества — актуальная задача лингвистов.

В тюркских языках главным источником создания новых терминов остается использование ресурсов национального языка, особенно при разработке терминологии учебных пособий для средней школы. При этом используются возможности общенародного литературного языка, языка художественной литературы, а также языковые материалы фольклора, диалектов и говоров.

Отметим следующие устоявшиеся способы образования терминов, которые в национальных литературных языках имеют положительные традиции и хорошо зарекомендовали себя. Эти способы образования терминов внешне почти ничем не отличаются от обычных способов пополнения словарного запаса языка.

Семантический способ образования терминов заключается в том, что слова литературного языка, устного народного творчества, диалектов и говоров используются как термины и приобретают новое значение или изменяют прежнее: азерб. *истисмар* «эксплуатация», *јорғунлуг* «усталость», диал. *ахмаз* «бассейн», *вардана* «валец», каз., ккалп. *бұйрұ* «приказ», *дәреже* «степень» и др., каз. *көсем* «козел, вожак, ведущий стадо овец» теперь всеми принят как термин «вождь» (вместо ранее функционировавшего маловыразительного *жол басшы*)¹¹.

В языке устно-поэтического творчества тюркских народов имеется немало резервов для пополнения терминологической лексики. В эпических произведениях встречается много терминов, обозначающих общеприродные, ботанические, животноводческие, агробиологические и другие понятия. То же можно сказать и о диалектной лексике, которая

¹⁰ Т. Мусакулов. Выступление. — «Вопросы терминологии», стр. 105.

¹¹ К. К. Юдахин. Терминология уйгурской газеты. — В сб.: «Языки зарубежного Востока», I. М., 1935, стр. 31.

является бесценным резервом дальнейшего пополнения терминологии по многим отраслям знания. Отсутствие достаточной четкости в деле различения диалектной лексики от профессиональной в известной степени препятствует введению в литературный язык народной профессиональной терминологии.

Во многих терминологических словарях недостаточно использует-ся богатство национального языка.

А. Н. Самойлович в 1936 году, анализируя азербайджанскую терминологию по астрономии, поставил закономерный вопрос: «В какой мере при выборе азербайджанских названий для звезд и созвездий учитывалась астрономическая терминология широких трудящихся масс земледельцев и скотоводов, в трудовом календаре которых звезды и созвездия занимали в недалеком прошлом видное место?»¹². Этот вопрос поныне является актуальным для многих отраслей терминологии тюркских языков.

Другие способы образования терминов — **морфологический, синтаксический, аналитический, калькирование**, — как правило, связаны с переводом терминов с русского и других наиболее широко распространенных современных языков мира.

Большое место в терминологии тюркских языков так же, как и многих других языков народов СССР, занимает заимствованная лексика. В современной тюркской терминологии заимствование терминов является одним из важных принципов создания и упорядочения терминологии.

До присоединения территорий, населенных тюркоязычными народами, к России основным источником заимствования для большинства тюркских языков были арабский и персидский языки. В советскую эпоху основным источником заимствования в развитии терминологии тюркских языков так же, как и многих языков народов СССР, стал русский язык, сыгравший большую роль не только в развитии терминологии, но и в пополнении лексики тюркских языков. В последние годы заимствование терминологической лексики происходит в основном из русского языка или через его посредство.

В терминологии народов СССР появился большой пласт русских заимствований. Особенно велик этот пласт в терминологии младописьменных языков. Он охватывает почти все области знания и культуры. Во многих тюркских языках русские и международные термины заменили старые заимствования из арабского, иранских, монгольских и других соседних языков, а также искусственно созданные на базе национального языка термины, не выдержавшие испытания временем. Этот процесс начался относительно давно, о нем еще в 1935 году писал К. К. Юдахин¹³.

Большие изменения в составе терминологии почти всех тюркских языков произошли благодаря увеличению интернационального лексического фонда, особенно в научно-технической терминологии в связи с бурным развитием научно-технического прогресса. Это следует рассматривать как нормальное явление в формировании терминологии тюркских языков. Преобладание русских заимствований по химии, физике и некоторым другим точным наукам, а также по технике — естественный и вполне закономерный процесс, например, в башкирском языке, хотя Башкирия — один из крупнейших центров химической промышленности¹⁴. Этот пример свидетельствует о том, что создание тер-

¹² А. Н. Самойлович. Разработка научной терминологии на языках тюркской системы. — В сб.: «Революция и письменность». М., 1936, № 2, стр. 24.

¹³ К. К. Юдахин. Указ. раб., стр. 35.

¹⁴ А. И. Харисов. Выступление. — «Вопросы терминологии», стр. 128.

минов в национальных языках не всегда определяется уровнем развития промышленности и науки на данной территории.

Научно-техническая терминология в значительной степени интернациональна по своей сущности, так как в современную эпоху каждое новое открытие, новое достижение в науке и технике быстро становится достоянием всех народов. Общественно-политическое развитие народов также закономерно связано с созданием интернациональной общественно-политической терминологии.

Все это определяет ярко выраженную тенденцию в развитии терминологии, в частности, в языках народов СССР — увеличение в национальных языках международных и советских терминов.

Ряд русизмов, например, *совет, ударник* и т. д., вошел в некоторые языки народов СССР еще в досоветскую эпоху, однако значение их было совершенно иное. Переосмысленные семантически, они стали советизмами подобно таким словам, как *СССР, колхоз, совхоз* и т. д.

В некоторых языках сохраняются укоренившиеся в них термины, заимствованные в свое время из арабского и персидского языков и давно уже не воспринимаемые носителями языка как заимствования: азерб. *миллат* 'нация', *тэнгид* 'критика', каз. *ілім* 'учение', *есеп* 'счет' и т. д.

В ряде языков имеются термины, состоящие из синонимов-параллелей, причем один из синонимов является интернациональным словом, а другой — национальным или заимствованным из арабского или иранских языков: азерб. *образ//сурат, коэффициент//әмсал*; калп. *политэкономия//саясий экономия* и т. д.

В некоторых национальных языках развитие отдельных терминов, обозначающих определенные понятия, прошло сложный путь, например, в каракалпакском для обозначения понятия «договор» поэтапно употреблялись следующие слова: *қантерек, келисим, договор*; для понятия «закон» — *заң, нызам, закон* и т. д.

Соотношение национального и интернационального в терминологии тюркских языков в разных языках различно, что обусловлено историей развития этих языков. Для выражения десяти терминов, возникших в советское время, — «класс», «рабочий», «искусство», «доска», «кружок», «мораль», «указ», «коммунизм», «союз», «политэкономия» — в каракалпакском языке в восьми случаях употребляются русские заимствования, в двух — национальные эквиваленты; в узбекском — девять выражено национальным эквивалентом, а один — русским, в казахском — соответственно шесть и четыре, в туркменском — пять и пять, в киргизском — два и восемь (как в каракалпакском)¹⁵.

Соотношение национальных и интернациональных терминов неодинаково также в разных отраслях терминологии. Национальный пласт преобладает в терминологии по общественным наукам и его процентный состав уменьшается в отраслевых терминологиях по естественным и техническим наукам.

В связи с обилием заимствованных терминов из русского и через его посредство возникает проблема правописания заимствованных слов. Во многих тюркских языках термины, заимствованные из русского и через русский язык, пишутся согласно русской орфографии, несмотря на различия в произношении. Это имеет положительное практическое значение для преподавания русского языка в тюркоязычных республиках, а также в усвоении населением общего нового фонда терминологии языков народов СССР. Эта проблема приобретает общесоюзное значение,

¹⁵ Е. Бердимуратов. О терминологии каракалпакского языка. — «Тюркская лексикология и лексикография», стр. 213—214.

поскольку решается вопрос о правописании заимствованных слов в языках с единой славяно-русской графической основой. Следует отметить, что и в западноевропейских языках общие международные термины пишутся единообразно, хотя произносительные нормы и разные, например, слово «революция» в языках с латинской графикой пишется: *Revolution*, но читается по-разному. Думается, и тюркологам в терминологической работе необходимо четко различать письменную и устную формы слов, которые не всегда могут совпадать.

Возрастающая интернационализация понятий, национальных терминов является объективным процессом в нашей стране, где сложилась новая историческая общность людей — советский народ. Правописание заимствованных и вновь созданных терминов в национальных языках должно учитывать этот объективный процесс. Следует проводить четкую границу между новыми заимствованными терминами и старыми адаптированными словами-заимствованиями, которые могут не подчиняться новым требованиям, поскольку они уже никем, кроме лингвистов, не воспринимаются как иноязычные.

Сфера терминологии относится к области деятельности человека, поддающейся сознательному воздействию. В связи с этим возникает задача — тщательно исследовать соотношение национального и интернационального в составе терминов различных отраслей деятельности в разных тюркских языках для дальнейшего научно обоснованного совершенствования терминологии.

Поскольку в наше время большинство терминов переводится на языки народов СССР с русского языка, наряду с проблемой правописания заимствований возникают и морфологические проблемы, в частности, проблема способа передачи тех морфологических категорий, которые отсутствуют в национальных языках. Так, например, в тюркских языках нет категории рода, в связи с этим возникает вопрос: как различать в них понятия мужского и женского рода: «работник» и «работница», «колхозник» и «колхозница» и т. д. (Ср. перевод русского обращения «Колхозники и колхозницы!» на казахский язык — раньше: «*Колхозшылар мен колхозшы әйелдер!*» и ныне — «*Колхозшылар!*»).

В тюркских языках отсутствуют префиксы и предлоги, что ставит теоретическую проблему передачи значения многочисленных префиксов в заимствованных терминах: *анти-, контр-* и т. д. Передать на казахском языке выражение «борьба против антипартийной группы» совсем непросто; например: 1) *антипартиялық топқа қарсы күрес* и 2) *партияға қарсы топқа қарсы күрес* и т. д. — во втором случае в переводе заметны существенные стилистические недостатки: повторяется послелог *қарсы* 'против'.

Одной из морфологических проблем является передача словообразовательных интернациональных суффиксов, вошедших в русский язык вместе с заимствованиями: *-ист, -изм, -ция* и другие, которые в тюркских языках выражаются при помощи соответствующих словообразовательных аффиксов, например, в казахском: *маркшіл*//марксист, *лениншіл*//ленинец, ср. название газеты «*Лениншіл жас*».

Перевод новых терминов с русского языка в свою очередь повлиял на развитие тюркского словообразования, активизировав определенные словообразовательные модели, ранее не получившие распространения.

С разработкой национальных терминологических систем неразрывно связано составление терминологических словарей. Следует отметить, что основные их типы уже определились: одноязычные и двуязычные. Начали появляться также трехязычные и многоязычные.

Одноязычный терминологический словарь, как правило, представляет собой толковый словарь национальных терминов на национальном

языке. Этот тип словарей менее распространен, чем второй тип — двуязычный терминологический словарь, который в свою очередь имеет несколько подтипов: переводной, толковый, энциклопедический.

Наиболее распространенными являются русско-национальные терминологические словари. Это объясняется тем, что основным ориентиром в терминотворчестве и использовании новых терминов является русская терминологическая система, на основе которой создаются посредством перевода термины большинства национальных языков. Русско-национальные терминологические словари охватывают наряду с национальными терминами заимствования из русского и через его посредство — и из других языков. Этот вид словарей находит широкое практическое применение; ими пользуется многочисленная армия преподавателей средних школ и вузов, научные работники, составители учебников и учебных пособий, переводчики литературы по разным отраслям знания.

Национально-русских терминологических словарей сравнительно немного, они пока мало применяются на практике. Подобные словари содержат в первую очередь термины национального языка, которые не всегда имеют эквиваленты в русском и других европейских языках, и отражают специфику национального языка, национальной жизни. В связи с возрастающей потребностью в новых источниках создания терминов в различных отраслях знания, специфические национальные термины могут быть использованы в дальнейшем с этой целью другими языками мира.

В национальных республиках издано большое количество терминологических словарей по различным отраслям науки, техники, экономики, культуры. Можно сказать, что в настоящее время наблюдается своеобразный «терминологический бум». Только на киргизском языке (первая книга на котором появилась лишь после Октябрьской революции) уже издано свыше восьмидесяти терминологических словарей по многим отраслям знания и продолжаются работы над новыми словарями. Издание большинства словарей протекает в два этапа: первоначально выходит в свет проект, а после обсуждения и учета высказанных замечаний и предложений словарь дорабатывается и публикуется уже в окончательной редакции. Подобный метод во многом себя оправдывает.

Сопоставительный анализ однотипных терминологических словарей по химии на современных тюркских языках союзных республик¹⁶ (узбекском, казахском, азербайджанском, киргизском и туркменском) свидетельствует о значительных расхождениях в подаче материала.

По внешним признакам совпадают три из упомянутых словарей, имеющие аналогичные названия: русско-казахский, русско-киргизский и русско-туркменский.

Азербайджанский словарь, во-первых, является трехязычным (англо-азербайджанско-русский), во-вторых, помимо химии, включает также терминологию по нефтепереработке. Узбекско-русский словарь является двуязычным, однако толковым и назван кратким, хотя по объему словника (6000 слов) он превосходит казахский и туркменский словари (4000 слов). Азербайджанский словарь самый большой по объему (10000 слов), но, в отличие от других словарей, в нем отсутствует толкование терминов.

¹⁶ З. Н. Саиднасырова и др. Русско-узбекский краткий словарь по химии. Ташкент, 1975, 696 стр.; Б. А. Беремжанов и др. Русско-казахский словарь химических терминов. Алма-Ата, 1969, 396 стр.; Л. Ш. Зулфугарова. Англо-азербайджанско-русский словарь по химии и нефтепереработке. Баку, 1968, 372 стр.; С. А. Арбаев и др. Русско-киргизский словарь химических терминов. Фрунзе, 1966, 317 стр.; А. Н. Ныязов. Русско-туркменский словарь химических терминов. Ашхабад, 1954, 204 стр.

Большинство словарей начинается с термина «абсолютная температура»: азерб. *мүтләг температур*, узб. *абсолют температура*, кирг. *абсолюттук температура*. В казахском же этому термину предшествуют четыре термина: «абиетиновая кислота», «абразивы», «абсолютирование», «абсолютная влажность». Затем следует термин, с которого начинаются другие словари — «абсолютная температура» *'абсолют температура'* (как в узбекском). Много и других различий можно указать в этих словарях, что свидетельствует о неидентичности словника и характера самих словарей. Приведем некоторые сравнительные данные для обозначения в различных словарях русских терминов: «гидросфера», «гидроокиси», «водород», «квасцы», «кислоты», «кислород».

В узбекском	В казахском	В киргизском	В азербайджанском	В туркменском
<i>гидросфера</i> <i>гидрооксидлар</i> <i>водород</i> <i>аччиқтошлар</i> <i>кислоталар</i> <i>кислород</i>	<i>гидросфера</i> <i>гидрототықтар</i> <i>сутек</i> <i>ашуытастар</i> <i>қышқылдар</i> <i>оттек</i>	<i>гидросфера</i> <i>суу кычкылдары</i> <i>суутек</i> <i>ачыкташтар</i> <i>кислоталар</i> <i>кычкылтек</i>	— <i>гидроксид</i> <i>гидроген</i> <i>зәјләр</i> <i>туришу</i> <i>оксиген</i>	<i>гидросфера</i> <i>гидроокись</i> <i>водород</i> <i>зәкләр</i> <i>кислоталар</i> <i>кислород</i>

Как видно из таблицы, различия в терминологии весьма существенны, в частности, название кислорода в пяти языках передается четырьмя разными словами. Разнообразие наблюдается также в соотношении использования национального, русского и международного лексических фондов.

В отличие от других словарей в киргизском часть термина «гидро-» передается разными способами: 1) *гидросфера*, *гидрометаллургия* и т. д., то есть слово-элемент *гидро-* в полных заимствованиях сохраняется; 2) *суу кычкылдары* 'гидроокиси', *суу өтө кычкылдар* 'гидроперекиси' (ср. кислород 'кычкылтек') — в терминах, переведенных на киргизский язык, элемент *гидро-* передается словом *суу* 'вода'.

Общий анализ изданных терминологических словарей показывает, какие области науки, техники, культуры нуждаются в создании национальной терминологии в большей степени, какие — в меньшей (отрасли, где 70—80 и более процентов терминов составляют русские заимствования).

О недостатках изданных словарей, как и вообще всей терминологической работы, в тюркоязычных республиках писалось немало. Как отмечает Б. О. Орузбаева, изданные киргизские словари «не отвечают полностью всем лексикографическим и терминологическим требованиям... Серьезным недостатком выпущенных словарей является разрыв между утвердившимися терминосистемами и постоянной необходимостью их пополнения в процессе развития науки и появления новых отраслей знаний. Отсутствие единой методики составления словарей связано с недостаточной разработанностью отдельных теоретических проблем в области терминологии тюркских языков и прежде всего проблемой тюркской лексикографии»¹⁷.

Недостаточно разработаны научно-теоретические принципы создания главного, практически самого важного вида терминологических словарей — русско-тюркского. Отсутствие координации, обмена опытом в терминотворчестве и составлении терминологических словарей неоднократно отмечалось многими лингвистами (М. Ш. Гасымовым, Б. О. Орузбаевой, А. Асанбаевым, А. Абдрахмановым, Х. Рахимовым, Т. Мусакуловым, Е. Бердимуратовым, Г. Бабушкиным, П. Азимовым и другими),

¹⁷ Б. О. Орузбаева. Современная киргизская терминология. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 74.

активно участвующими в терминологической работе, в деятельности терминологических комитетов союзных и автономных республик. Создание национальных терминов не ограничивается переводом или калькированием терминов с русского или других языков. Это серьезная и ответственная творческая работа, поэтому следует максимально стремиться не повторять и не усугублять недостатки и ошибки терминов-источников.

Многие недостатки в разработке терминологии тюркских языков обусловлены спешкой в создании терминов по отдельным отраслям знания, отсутствием широкого обсуждения возникающих проблем, нечеткостью научно-теоретических основ и принципов составления словарей, слабой координацией в этом деле, недостаточным использованием чужого опыта, частой сменой состава переводчиков, редакторов, слабой теоретической подготовкой составителей терминологических словарей и их редакторов.

Несмотря на то, что последние двадцать-тридцать лет характеризуются активным терминотворчеством в тюркоязычных республиках, задачи по совершенствованию этой терминологической работы не подверглись специальному обсуждению во всесоюзном масштабе со времени Первого тюркологического съезда (1926 г.).

Опубликованные словари свидетельствуют о том, что тюркская терминология по многим отраслям пока не стабилизировалась и лингвистам предстоит еще много работы по ее совершенствованию. Необходимо выделить круг лингвистических вопросов, решение которых требует активного участия специалистов. Как нам представляется, к таким вопросам относятся прежде всего следующие: 1) разработка принципов составления терминологических словарей; 2) разработка принципов правописания терминов; 3) исследование существования (жизни) терминов в языке, в тексте; 4) собирание и внедрение «забытых», но существующих в языке народа терминов; 5) исследование социолингвистического аспекта разработки терминов и некоторые другие. Разрешение этих вопросов имеет не только практическое, но и большое теоретическое значение как для лингвистики, так и для социологии, истории, культуры. Для этого требуется объединение усилий специалистов разных отраслей знания.

Перед республиканскими терминологическими комитетами стоит немало задач, решение которых в современных условиях массового терминотворчества является весьма актуальным.

Целесообразно было бы созвать специальный симпозиум по вопросам дальнейшего совершенствования всей терминологической работы в тюркоязычных республиках и областях, который послужил бы толчком к ее улучшению.

На этом симпозиуме можно было бы рассмотреть многие актуальные вопросы современной терминологии тюркских языков, в частности: 1. Изучение и обобщение опыта терминологической работы в целом; создание и упорядочение отраслевых терминологий, включая составление банка терминов. 2. Разработка принципов составления двуязычных, многоязычных и одноязычных толковых терминологических словарей. 3. Установление степени использования принципа минимальных расхождений терминов в родственных и других национальных языках народов СССР. 4. Определение соотношения способов: использования национальных языковых средств, калькирования и заимствования в создании и упорядочении терминологии. 5. Изучение результатов практического функционирования терминов, рекомендованных официальными терминологическими организациями (терминологическими комитетами и др.). 6. Установление принципов собирания и публикации народных терминов.

нов. 7. Обобщение опыта систематизации терминов национального языка и его диалектов, так называемой профессиональной лексики. 8. Исследование социологических вопросов терминологии (периодизация развития терминологии, развитие общества и терминология и т. д.).

Каждый из перечисленных вопросов заслуживает самостоятельной разработки в тюркоязычных республиках и областях.

Как подчеркнул в свое время академик В. В. Виноградов, «история терминологии — это проблема не только национально-историческая, но и интернациональная, проблема истории мировой науки и проблема истории человеческих цивилизаций, истории культурных взаимодействий и группировок народов». Актуально звучат и сейчас его слова о том, что «попытки упорядочения терминов без предварительного анализа понятий, которые им выражаются, чаще всего остаются безрезультатными... Особенно слабо обстоит дело с разработкой теоретических вопросов терминологии. У нас мало кто занимается обобщением нашего огромного опыта в этой области. Не разработаны принципы унификации терминологии в национальном и интернациональном масштабах... Все это вызывает тревогу за состояние терминологической работы в нашей стране, особенно сейчас, когда терминологическая работа получила невиданное развитие»¹⁸.

Для совершенствования терминологии следует проводить глубокий научный анализ существующих терминов, терминологических словарей, применяя различные методы (сопоставительный, статистический, систематизация и т. д.), выявлять соотношение исконных и заимствованных терминов, а также разных способов создания терминов, изучить степень употребляемости терминов в языке и т. д. Это позволит дать объективную научную оценку существующим терминам.

¹⁸ В. В. Виноградов. Вступительное слово. — «Вопросы терминологии», стр. 7—9. См. также: Н. А. Баскаков. Современное состояние терминологии в языках народов СССР. М., 1959.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Д. С. СЕТАРОВ

ТЮРКИЗМЫ В РУССКИХ НАЗВАНИЯХ ЛОШАДЕЙ

История русского народа с давних времен тысячами нитей сплетена с историей тюркских народов. Это обусловило проникновение в русский язык разнообразной тюркоязычной лексики. В ряду многочисленных заимствований особое место занимают термины, относящиеся к коневодству. «Тюркизмы в русском языке это слова, обозначающие бытовые понятия... в частности — названия лошадей и вообще понятий, относящихся к коневодству» (Булаховский, 113).

«Немотивированные» тюркизмы этой лексико-семантической группы в самих тюркских языках также неоднородны. Одни из них имеют «прозрачную» этимологию, другие — трудно прослеживаемую: процесс деэтимологизации слов носит общезыковой характер. Отдельные тюркизмы в русских названиях лошадей как гиппологизмы в тюркских языках не употребляются.

В данной статье автор ставит целью не только выявление тюркизмов в русских названиях лошадей и сведение их к тюркскому источнику, но и усиленное этимологизирование этих слов.

АКТАЗ — «белая арабская лошадь». Засвидетельствовано только в др.-русс. языке под 1225 год: «„Мьстислав же прия зятя своего любовью и поч/е/стивъ его великими дарми и да ему конь свои борзнии актазъ, акого же в та лета не быс/тъ/” Ипат. лет., 746»¹ (СлРЯ XI—XVII вв., I, 27). Название образовано из двух слов: тюрк. ак 'белый' и перс. tazu 'арабский'. Можно предположить, что в летописи первоначально было *актазы*, изменившееся затем в *актазъ*. (В Словаре русского языка XI—XVII веков ошибочно приводится персидское *tari* 'арабская лошадь').

АРГАМАК — «рослая и дорогая азиатская лошадь, под-верх» (Даль, I, 21); «(тюрк.) старинное название породистых верховых лошадей в странах Ближнего и Среднего Востока» (БСЭ, II, 166). В памятниках русской письменности XVI—XVII веков слово встречается в различных формах: *аргамак*, *оргамак*, *аргамачек*, *аргамачий*, *аргамачишко*, *аргамачник*, *аргамачный* (*аграмачный*). В духовной грамоте И. И. Салтыка, относящейся к 1483 году, слово употреблено в контексте: «А дати ми Волку Ухтомскому аргамакъ буръ» (СлРЯ, I, 45).

«Аргамак — так преимущественно называют у нас в России лошадей трухменской породы, производя это слово от двух монгольских слов, значащих: скакать (*гүтап*) и неутомимый (*тау*)» (Бурнашев, 8). На

¹ Здесь и далее *ять* заменяется прописным Е.

монгольское происхождение слова указывает и В. Н. Ключева: «Слово *аргамак*, означающее у монголов хорошую рысистую лошадь, имеется и в составе современного монгольского языка» (Ключева, 55). И. И. Огиенко относил *аргамак* к татаро-монгольским заимствованиям (Огиенко, 31, 34). В Словаре И. Ф. Бурдона и А. Д. Михельсона (1866, 57) это слово характеризуется как заимствование из татарского языка. «Аргамак, — пишет Г. Ф. Одинцов, — слово тюркское, заимствованное некогда у татар, у которых оно означает „кровная лошадь“... Тюркизм *аргамак* — бродячее слово и отмечено во многих языках: в тюркских, монгольских, некоторых угро-финских, индоевропейских...» (Одинцов, 1972, 156—158). Г. Ф. Одинцов приводит этимологию, предложенную в 1883 году полковником В. А. Сухомлиновым: тат. *аргамак* образовалось из существительного *ѣрга* 'иноходь' и глагольного окончания *-мак* 'ствовать', букв. *ѣргамак* значит «иноходствовать», то есть «бежать иноходью» (там же).

«Заимств. из чаг., тат. *агуатак* 'арабский благородный конь', уйг. *агуштак*, алт. *агуутак*, монг. *аргатаг*, калм. *агуатаг*» (Фасмер, I, 84). Н. М. Шанский относит это слово к заимствованиям из татарского языка, в котором *агуатак* — суффиксальное производное от *агуа* 'сила', 'ловкость' или от *агуа* 'скакать' (Шанский, 1963, 136). Однако Э. В. Севортян считает это невозможным как морфологически (*-таг* не сочетается с именными основами в значении носителя процесса), так и семантически (ЭСТЯ, 1974, 171). А. М. Щербак предполагает этимологическую связь с уйг. *агуу* 'жеребец', уйг. *агуш*, кирг. *агуш* 'гибрид дикого жеребца и домашней лошади', а также *агуалу*, *агуалу* 'газель'. «Исходя из того, что основа *-агу-*, *-аг-* выражает понятие смешения, метизации, данную основу в порядке этимологического объяснения можно было бы возвести к слову *аг(а)* 'середина', 'промежность'» (Щербак, 89). Более вероятным нам представляется связь с кирг. *агуи* 'бежать крупным карьером (о скаковом коне)'. «Агуу- — учащательная форма с аффиксом *-гу* — от **аг-*, вероятно, со значением 'идти, бежать крупным шагом': ср. кирг. *агуш* (< **аг* — *уш*) 'шаг', 'размах', *агуш* (< **агуш*) 'крупный шаг', 'размах'» (ЭСТЯ, 1974, 172). Ср. также кирг. *егги* 'скакать', *игги* (в кыпчакских и уйгурских языках) 'прыгать', 'вскакивать'.

Э. В. Севортян приводит и другое значение слова *аргамак*: «породистая собака» (ЭСТЯ, 1974, 171). С этим значением слово было заимствовано из тюркских языков осетинским: осет. *агъопаг* 'породистая собака', 'борзая'. Перенос значения с лошади на собаку В. А. Абаев объясняет тем, что уже на тюркской почве слово получило атрибутивное употребление: *агъатаг* ат 'породистая лошадь'. Передвижению значения способствовало то, пишет ученый, что в *аргамаке* и в борзой ценится одно и то же качество: резвость (Абаев). Этот пример и выводы этимолога также говорят в пользу возведения слова *аргамак* к тюрк. *агуи*, *агуу*, *агуу* 'бежать крупным карьером', 'скакать'.

Слово *аргамак* известно многим тюркским языкам: тат. *агуатаг* 'скаковая лошадь', башк., калп., каз. *агууатаг*, кирг. *агууатаг* 'породистая, кровная лошадь', ног. *агууатаг* 'порода быстроногих верховых лошадей', уйг. *агушатаг*, уйг. диал. *агуатаг* 'породистая верховая лошадь', туркм. *агуатаг* 'порода верховых лошадей', узб. *агушатаг* 'скакун'. Ср. монг. *агуатаг/аргатаг* 'быстрая скаковая лошадь', 'породистый конь'.

В памятниках русской письменности слово встречается и в форме *оргамак*: «Дати мне князю Ивану Телеляшки оргамак «Ерь» (ДДГ, 407). По мнению В. Д. Аракина, это может свидетельствовать о татарском происхождении слова, так как в татарском гласный (*а*) первого слога несколько сдвинут назад и лабиализован (Аракин, 139).

БАЛАБАН, БАЛОБАН — «тат. „жеребец”» (Даль, I, 41). В тюркских языках слово *balaban* имеет значение «большой», «сильный», «полный» и в значении «жеребец» не употребляется. Это слово могло иметь атрибутивное употребление в качестве эпитета большого, сильного коня, жеребца: *balaban ajuu* 'большой, сильный жеребец'.

Ф. Миклошич сравнивал с тюрк. *balaban*, серб. *balaban* 'толстый', польск. *balaban* 'хвостун', рум. *belebenos* 'колода', 'глыба', а также основу *болван*, *балван* в польск. *bałwan* 'идол', 'масса', венг. *balvány* 'статуя', 'идол', русск. *болван* 'балка', 'кукла', болг. *bulvan* 'глыба', 'масса', серб. *balvan* 'бревно', 'балка'. [Этимологически сюда же следует относить русское *болван* 'помесь от псовой собаки и овчарки, волкодав' (Даль, I, 109)]. Тюрк. *balaban*, точнее его производная основа *bal(a)* известна также в монгольском. Ср. *balxai*/балхайх «быть/становиться очень откормленным, тучным или мясистым и неуклюжим» (ЭСТЯ, 1978, 50).

БАХМАТ — «стар. „малорослая крепкая лошадь”» (Даль, I, 56; СРНГ, II, 155); «выносливый конь татарской породы» (СлРЯ XI—XVII, I, 81). В последнем словаре слово датируется 1503 годом и приводится в контексте: «„А околничего смоленского Ивана Кошкины слуги ... побЕгли отъ него и взяли зъ собою дванадцатЕро чилиадей невольныхъ, а три кони велми добрыхъ, бадавЕю, а валахъ, а бахматъ, готовыхъ грошей тридцать копъ”. Полск. д. I, 446». В памятниках русской деловой письменности и в живой речи слово *бахмат* употребляется до XVIII века, позже его можно встретить лишь в исторических художественных произведениях: «Атаман! — вскричал один разбойник ... — Аргамачи и бахматы под ними рублей во сто каждый и более!» (А. К. Толстой «Князь Серебряный»).

В. И. Даль указывает на татарский источник. И. И. Срезневский также считает, что «слово татарское, употребляется и в польском *bachmat*» (Срезневский, I, 46). В Большом польско-русском словаре 1980 года слово *бахмат* 'киргизская лошадь' дается без всяких ограничительных помет. Ф. Миклошич выводил слово из тат. *рахп ат* < перс. *rehp* 'широкий' и тюрк. *ат* 'лошадь'. На маловероятность этого указал М. Фасмер. Он, ссылаясь на К. Менгеса, возводит *бахмат* с первоначальным значением «татарская лошадь» к тюркскому имени «Магомет» (Фасмер, I, 136). Ср. др.-русс. *Богмитъ* 'Магомет' в «Повести временных лет» под 986 год. В фонетическом отношении такое объяснение можно признать вполне допустимым. Начальный согласный *б* вместо *м* мог возникнуть как результат диссимиляции. Ср. *бахрома* < тюрк. *taḡmata*, *басурман*, *бусурман* < тюрк. *musulman*. Последняя этимология слова *бахмат* объясняет и причину отсутствия его в тюркских языках как гипологического названия.

БИТЮГ, БИТЮК — «крепкий ломовой конь: костистая, плотная и рослая лошадь под извоз (от речки Битюг)» (Даль, I, 90); *битюг* — «русская порода упряжных лошадей, выведенная на реке Битюг» (БСЭ, III, 401).

«По Коршу, это слово заимств. из чаг. *bitü* 'верблюд', узб. *bitäü*» (Радлов, IV, 1774). К. Менгес видит в нем заимствованное из тюркского *bitük* 'здоровый, сильный' (Фасмер, I, 169). Н. К. Дмитриев допускал обе этимологии как одинаково возможные (Дмитриев, 38—39). Мы разделяем мнение Н. М. Шанского, считающего эти объяснения сомнительными по лингво-историческим основаниям и возводящего название лошади к гидрониму Битюг (см. Даль, I, 90), где была выведена эта порода лошадей (Шанский, 1965, 126). В свою очередь, сам гидроним *Битюг* является тюркизмом. По мнению Е. С. Отина, в его основе лежит древняя диалектная форма болгарской группы языков: *bädük*, *pädük*

‘высокий, рослый’. Река могла получить такое название по крутизне одного из своих берегов (Отин, 230—241). П. Я. Черных связывал слово *битюг* (вместе с названием реки *Битюг*) с глаголом *бить*, от которого образовано *битливый* ‘драчливый’; нарицательное имя *битяг*, по мнению этимолога, могло иметь значение «крепыга», «силач» (Черных, 35). Однако это, по нашему мнению, менее убедительно.

Топонимический способ наименования лошадей является весьма продуктивным. В русском языке название лошадям часто дается по географической местности, где они были выведены или распространены: *вятка*, *донец*, *дончак*, *кабардинец*, *карабах*, *монголка*, *нормандка*, *обвинка*, *першерон*, *финка*, *шведка*. Среди подобных названий имеются и тюркские топонимы или этнонимы: *киргиз* — «лошадь степной, киргизской породы» (Даль, II, 109); *казанка* — «лошадь казанской породы, татарка; она малорослая, плотная, б. ч. саврасая или бурая» (Даль, II, 73 на слово *казан*). По названию города Казань < тюрк. *qazan* ‘котловина, котел’ < *qaz* — ‘копать’ и афф. *-an* со значением результата действия. *Крымка* — «крымская порода лошадей, легкая под верхом, ходкая по горам» (Даль, II, 205). Название топонима восходит к тюрк. *qugut* ‘яма, окоп’ (Будагов, II, 51).

БУЛАННЫЙ — «светло-желтый с черным хвостом и гривой (о масти лошадей)» (ССРЛЯ, I, 682). «Маленький буланый маштачек споро бежал по укатанной дороге» (А. С. Серафимович «Ночной рассказ»). «Буланая и саврасая масти свойственны дикой лошади, кулану или тарпану; лося также зовут буланым, по масти» (Даль, I, 140).

Это слово уже в Словаре Академии Российской 1789 года (стр. 380) объясняется как заимствование из татарского языка. Однако специалисты сводят его к разным этимонам. Н. М. Шанский, ссылаясь на Локоча, считает, татарское *bulan* «светло-желтый» дериватом от *bug* ‘дым’, ‘чад’ (Шанский, 1965, 222). Вместе с тем татарскому языку слово *bulan* со значением «светло-желтый» не известно. Н. К. Дмитриев (Дмитриев, 22) и И. И. Назаров (Назаров, 266) соотносят термин *буланый* с названием оленя в тюркских языках: «Буланый отмечается в чаг. и тат. в форме *bulan* ‘лось’, алт. *puḷan* (то же), кирг. *bulan* ‘вид газели’, ‘буланый’. В одних башкирских диалектах *bolan* означает „олень“, в других — „лось“ и одновременно указывает на соответствующую масть» (Дмитриев, 22).

«По В. Бангу, *bulan* могло возникнуть под влиянием *qulan*, но в общем автор признает, что этимология этим не проясняется. Б. Мункачи сравнивал *bulan* с *buḷu* „олень“, то есть **buḷulan*, что В. Банг также считал возможным. Так же полагает М. Рэсэнен» (ЭСТЯ, 1978, 260).

А. М. Щербак название оленя в тюркских языках *bulan* сводит к китайскому *p’au* ‘одноногий олень’ и др.-кит. *li-ēn* ‘единорог’: *p’auliēn* > **b’au-liēn* > **baulān* > **bolān* > *bōlān* ~ *bolan* ~ *bulan*.

Первое употребление данного термина в русском языке словари датируют 1570 годом (Шанский, 1965, 222; СлРЯ XI—XVIII вв., 352). Однако Г. Ф. Одинцов приводит примеры более раннего употребления слова: «„да в Смоленск ... конь/ гнЕд да конь/ булан“ (1535 г., Медынь)» (Одинцов, 1973, 202).

Тюркизм *буланый* вытеснил исконно русское название светло-желтой масти — *половый* и встречается также в других языках: украинском *буланий*, в белорусском *буланы* и польском *bulany*.

БУРЫЙ — «конская масть, между рыжею и вороною», *бурко*, *бурка* — «конь бурой масти», *буркосмый конь* — «конь бурый, с богатым хвостом и гривой» (Даль, I, 144). В современном русском языке *бурый*

имеет значения «серовато-коричневый»; «черный с красноватым оттенком (о масти, шерсти)».

Для этимологизации слово представляет определенные трудности, так как созвучные слова имеются и в восточных и в западных языках. Однако отсутствие этого слова в некоторых западнославянских языках говорит в пользу его восточного происхождения. По мнению Н. М. Шанского, менее вероятно толкование этого слова как заимствования, передающего лат. *buggus* 'красный, рыжий' (Шанский, 1965, 236). «Бернекер возводит это слово к некоему тюрк. *bug* 'серый', 'красно-желтый', а Корш — к монг. *bügüj*» (Дмитриев, 45). М. Фасмер (I, 249) и Н. М. Шанский (1965, 236) считают слово древнерусским заимствованием из тюркских языков: тюрк. *bug* 'рыже-красный' является переоформлением перс. *بور* *bōr* 'красно-коричневый'. И. И. Огиенко считал слово бурый татарским заимствованием (Огиенко, 34), Ср. боги (крым.) 'лошадиная масть', *bugly* (казан.) 'бурый', *bugul* (алт., тел., леб., шор., саг., койб., кач.) 'чалый' (Радлов, IV, 1366, 1663, 1830).

По этимологическому словарю русского языка (Шанский, 1965, 236), слово *бурый* в памятниках письменности отмечается с XII века. Однако Словарь русского языка XI—XVII веков (СлРЯ, 358) приводит употребление этого слова в Лаврентьевской летописи под 1237 год в контексте: «(Татары) послаша послы своя ... ко княземъ рязаньскымъ, прося у нихъ десятины во всем: во князехъ, и в людехъ, и в конех, десятое в белых, десятое в вороных, десятое в бурых, десятое в рыжихъ». В современном русском языке слово *бурый* употребляется для обозначения не только масти лошадей, но и других животных. Вот примеры его употребления А. С. Пушкиным: «Не велеть ли в сани кобылку бурую запречь?» («Зимнее утро»); «Двор, ... теперь обращен был в некошенный луг, на котором паслась бурая корова» («История села Горюхина»); «В темнице там царевна тужит, а бурый волк ей верно служит» («Руслан и Людмила»).

По мнению В. Д. Аракина, в русский язык прилагательное «бурый» перешло из языка волжских булгар, возможно еще в домонгольский период (Аракин, 141).

ГУНАН, обл. (сиб.) — «трехлетний жеребенок или теленок» (СРНГ, VII, 231). В словаре В. И. Даля это слово отсутствует. «Из монг. *gupaп* 'трехгодовалый бык', калм. *gupp* — то же» (Фасмер, I, 474). Ср. алт., тел., леб., каз., чаг. *kupaп* 'трехлетний жеребенок' (Радлов, II, 910); кирг. *kupaп* 'жеребенок по третьему году, жеребенок — третьяк' (Юдахин, 1965, 455). В тюркские языки слово заимствовано из монгольского: *yupaп* 'трехгодовалый бык', 'трехлетний (о самцах животных)'; *yupzип* 'трехлетняя (о самках животных)' < *yu* 'три'.

ДАГАН, обл. (астрах., сиб.) < калм. «стригун, жеребчик по другому году, лошак, друголеток» (Даль, I, 414; СРНГ, VII, 264). «Из калм. *dāyap* то же, монг. *dagagan*» (Фасмер, I, 481).

ДЖИГИТАЙ, обл. (сиб., кирг.) — «осляк, между конем и ослом» (Даль, I, 434; СРНГ, VIII, 44). М. Фасмер считает заимствованием из тат. *zigitai* — то же и приводит мнение Локоча, возводящего это русское слово к этнониму *zagatai* (Фасмер, I, 511). Ср. *čigātāi* (тур.) 'кулан', *čigittāi* (тел.) = *čigātāi* 'дикий осел, лошак' (Радлов, III, 2114).

ДУНАН, обл. (оренб.) < монг. — «трехлетний киргизский баран»; (сиб.) «теленка или жеребенок по четвертому году, трехлеток» (Даль, I, 501; СРНГ, VIII, 257). «Из калм. *dönp* 'четырёхлетний (о животных)', монг. *dünen* — то же» (Фасмер, I, 553). Ср. тур., чаг., тар. *dönpān* 'лошадь по четвертому году', каз. *dönpōn* 'четырёхлетняя лошадь', тел., алт., леб. *tönpōn* — *dönpōn* 'жеребенок или теленок по четвертому году', каз. *dönpōnšo*

‘четырёхлетний верблюд’, тел. töpöjüp ‘кобыла, телка по четвертому году’ (Радлов, III, 1249, 1734). Ср. также ног. döпөп ‘трехлетний жеребец’, башк. dūpāp — то же, ккалп. dөпөп ‘самец-трехлетка’. Как видно из примеров, монгольское слово döпөп ‘четырёхлетний (о животных)’ < dö ‘четыре’ в русский язык вошло через посредство тюркских языков.

ИГРЕНЕВЫЙ — «рыжий, со светлой гривой и хвостом (о масти лошади)» (ССРЛЯ, V, 31—32); *игрений* — «конская масть: рыжий, с гривой и хвостом белесоватыми, светлее стана» (Даль, II, 8). В памятниках русской письменности отмечается с XVI века в формах: *игрений*, *игриненый*, *игренец*, *игренина* («Взял у Оринки кон/ь/ игрен/ь/», 1503 г., СлРЯ XI—XVII вв., 82—83). Современная форма *игрениный* образована с помощью суффикса *-ев-* от заимствованного тюркского *igren* ‘красный, рыжий’, в диалектах еще известного (КрЭС, 168). «...Займств. из тюрк.: алт. jägrāp, jägāp ‘рыжий’, также ‘дикая степная коза’, лөб. jīgāp, каз. žijgāp, тат. žigāp ‘рыжий’, žigāp at ‘лошадь рыжей масти’, чув. sögen — то же» (Радлов, III, 511; IV, 65, 142)» (Фасмер, II, 116—117). В современном татарском языке рыжая масть лошади обозначается словом žigāp, начальная аффриката ž (дж), которого в русском языке отпала. Возможно, что звук *г* в слове *игрениный* в древнейшие времена был и в татарском žigāp. Об этом говорят др.-тюрк. jęgrāp ‘гнедой’, ‘рыжий’ (ДТС, 253) и современная туркменская форма этого слова — žęgren. Надо полагать, что русский язык сохранил древнетюркскую форму этого слова.

ИМНЮШКА, обл. (казан.) — «лошаденка, кляча» (Даль, II, 42 на слово *имать*). «Из мар. б. imni, imnä ‘лошадь’, алт. происхождения; ср. монг. emneg ‘дикий, неукротенный (о лошади)’, калм. emnāg, алт. äm-dik ‘дикий’ (из *emlig)» (Фасмер, II, 129).

И. Г. Добродомов соотносит название с тюркскими словами: якут. ämnik, ämnjik ‘отпущенный с маткой детеныш, свободно сосущий ее; опоек’; кирг. qysug или qysug ämdi ‘теленка или жеребенок, сосущие мать после положенного им срока (когда мать остается яловой)’ (Юдахин, 1965): чаг. ämlük ‘сосун’, набитая телячья шкура, которую ставят под корову, чтобы она дала себя доить’ (Будагов, I, 210; Радлов, I, 963); азерб. ämlük ‘кормленный молоком, молочный ягненок (теленка)’, ср. названия молодых ягнят и козлят в турецких диалектах: emlik, emilik, emplik. «Этимология названий сосунков ясна: все они являются прозрачными образованиями с помощью суффикса *-lik* от корня *äm-* ‘сосать’. В области коневодства *äm-lik* стало употребляться как наименование молодой лошади, которая еще не была обучена...» (Добродомов, 1970, 253—254).

ИШАК, обл. (сиб., оренб., кавк.) — «осел» (Даль, II, 67). В современном русском языке слово *ишак* успешно конкурирует с русским словом, становясь его семантическим дублетом (толковые словари отмечают: *ишак* — то же, что осел), а в отдельных случаях даже вытесняют общеславянское название *осел*: «По дороге ... то в одиночку, то караванами, попадались ишаки, груженные свежим табаком» (К. Федин «Член делегации»). О полном освоении этого тюркизма русским языком говорит наличие производных: *ишачок*, *ишачий* («ишачья тропа», «ишачья работа»), *ишачить* ‘выполнять тяжелую работу’.

Слово *ишак* имеется почти во всех тюркских языках: др.-тюрк. ešāk, ešgāk, туркм., крым.-тат., кум., кбал., кирг., ног., ккалп. ešek, узб., уйг. ešāk, каз. esek, чув. ašak, тат., башк. išāk, азерб. eššāk, узб. диал. eššak. Близость фонетических форм этого слова в тюркских языках затрудняет точное установление места заимствования. Как справедливо заметил Н. К. Дмитриев, русское заимствование могло произойти на той территории, где ишак обычное животное. Таким местом могли быть Кавказ и

Средняя Азия (Дмитриев, 24). В фонетическом отношении источником мог быть тот язык, где во втором слоге слышится широкое *ə* (*ä*), откуда возникло русское *а*. И этому требованию отвечают тюркские языки Кавказа и Средней Азии: азерб. *eşşäk* и узб. *eşäk*.

В памятниках русской письменности слово *ишак* впервые встречается в уменьшительной форме *ишечькѣ* (от слова *ишекѣ*): «А лошадей добрыхъ, катырей и ишечковъ много» («Путешествие в Китай Ивана Петрова и Бурнаша Елычева в 1567 году»). Встречающееся в этом примере слово *катырь* также является тюркским словом, означающим «мул».

Датский лингвист Х. Педерсен тюркское *eşek* возводит к армянскому *äš* 'осел', а относительно второго, формального, элемента этого слова *äk* говорит, что это «весьма обычный суффикс» (ЭСТЯ, 1974, 317). Немецкий тюрколог Вилли Банг на основании некоторых аналогий из латинского и греческого квалифицировал *äšäk* как производное слово, образовавшееся от тюрк. *äš* 'товарищ' с помощью аффикса уменьшительности *-aq ~ -yaq* (ЭСТЯ, 1974, 318).

Суффикс уменьшительности *gäk* в слове *eşäk*, *eşgäk* выделяет и А. Н. Кононов. Однако в основе слова, по его мнению, лежит тюркское *eşä ~ eşi ~ iči* 'старший родственник, мать, отец' (**eşi* + *gäk*). Современное трехсложное слово в связи с ударением, приходящимся на последний слог, стало двусложным, а согласный *ç* перешел в *š*: *eşiğäk* > *eşgäk* > *eşgäk* (Кононов, 133—141).

Мы полагаем, что предпочтительней точка зрения исследователей, считающих, что название данного животного образовано от тюркского *äš*. Следует учитывать то, что, кроме значения «товарищ», тюркское *äš* имеет еще значение «спутник», «близкий», «опора, поддержка, надежда» и т. п. (ЭСТЯ, 1974, 314).

КАЛТАРЫЙ, обл. (сиб.) — «гнездоржий, гнедой белогривый» (Даль, II, 305 на слово *масть*). В словаре М. Фасмера слово отсутствует. Ср. *kaltar* (алт., тел., саг., койб., чул., леб.) 'мухортый' (Радлов, II, 259). В тюркские языки перешло из монгольского — *qaltar* — то же, калм. *xaltr* 'карий и беломордый конь'.

КАРАБАИР — «местная порода лошадей, выведенная в Узбекистане» (БСЭ, XI, 371); «от аргамака и киргизской породы родится карабаир» (Даль, I, 21 на слово *аргамак*). Этимологическими словарями термин не рассматривается. «Кипчаки разводили в основном карабаирскую породу лошадей. Для выведения ее, помимо местной лошади, были использованы туркменская, арабская и монгольская породы» (Калинин, Яковлев, 263). К. Ш. Шаниязов считает, что свое название эта порода получила, по-видимому, от кыпчакского рода «карабайир», который в прошлом был одним из основных поставщиков указанной породы лошадей на рынке (Шаниязов, 205). Однако, возможно, название непосредственно сводится к двум тюркским корням: *qara* 'черный', узб. *baġir* 'привычный (к местным условиям — о лошади)', туркм. *baġir* 'холм, возвышенность', кирг. *baġir* 'привязанность, привычка (к месту)'. Название лошади могло отражать выносливость, приспособленность этой породы к местным среднеазиатским условиям. Ср. тат. *karabaer*, *karabaer aty* 'карабаир', кирг. *karabaġur* 'помесь кровной лошади с простой; лошадь не чистокровная, но выносливая', узб. *karabaġir* 'карабаир'.

КАРАКОВЫЙ — «темно-гнедой с подпалинами (о масти лошадей)» от тюрк. *qara* 'черный' (ССРЛЯ, V, 800); *караковый, каракулый* — «темногнедой, почти вороной, с подпалинами, желтизной на морде и в пахах» (Даль, II, 90). «Хлудова разъезжала по городу на сытых караковых рысаках» (И. С. Соколов-Микитов «На теплой земле»). В па-

мятников письменности это слово отмечается с XVI века в форме *каракулой*. «*Каракулы* — это еще более черные пятна на вороной шерсти» (Бурнашев). Тюрк. *qaraquly* 'буро-пегий' образовано путем сложения двух корней: *qaga* 'черный' и *qula* 'буланный', 'саврасый'. Ср. кыпч. *qula* 'саврасый'. ног., ккалп. *qula* — то же, тат., башк. *qola* 'саврасый, буланный', каз. *kūla* — то же. Изменение *каракулой* в *караковый*, по мнению А. Г. Преображенского, связано с влиянием русских прилагательных с суффиксом -ов (типа — *одинаковый*) (Преображенский, I, 296). Н. К. Дмитриев считает слово *караковый* сочетанием двух тюркских корней: *qaga* 'черный', 'вороной' + *quba* 'темный', 'буланный' (Дмитриев, 40—41). Ср. тат., башк. *qoba* 'бледно-бурый', каз. *kūba* 'бледно-желтый цвет', 'светло-желтая масть', кирг. *quba* 'белый, бледный, пепельного цвета', ног. *quba* 'багровый, бурый', др.-тюрк. *quba* — это цвет между красным и желтым: *quba at* 'светло-бурая лошадь' (ДТС, 462).

КАРИЙ — «каряя лошадь — самая темная гнедая, но посветлее караковой» (Даль, II, 90 на слово *караковый*). В словарях современного русского языка *карий* — это «темно-коричневый (о цвете глаз и о масти лошадей)». В памятниках конца XIV века в форме *каръ*, *карий* зафиксировано в духовной грамоте Патрикия Строева: «А двое конев есмь велел брату своему Костену продати да долг заплатити, жеребчик ворон да кобылу карую» (ПРП, 50).

«Из тур., тат. и т. д. *qaga* 'черный' (Фасмер, II, 199). Этого же мнения придерживаются Н. К. Дмитриев (Дмитриев, 41), авторы КрЭС (КрЭС 189), В. Д. Аракин (Аракин, 142). В дальнейшем в др.-русск. *карий* произошло смягчение конечного согласного и слово закрепилось в форме *карий*. Уже в духовной грамоте князя волоцкого Федора Борисовича (1506) встречается: «Дати ми Ивану Фомину сыну Иванова ..., да лошадь карю» (ДДГ, 407).

Выведению русского *карий* из тюркского *qaga* препятствует семантическое несоответствие: *каряя* 'темно-коричневая масть лошадей', а *qaga* 'черный', 'вороной'. «А ведь в названиях лошадиных мастей тщательно учитывались все оттенки» (Добродомов, РЯШ, 105). В связи с этим этимолог связывает *карий* не с *qaga*, а с другим тюркским словом, обозначающим также конскую масть: тат., каз. *kerъ* 'мухортый', кирг., ккалп. *ker* — то же, алт., тел. *kär* 'карий, гнедой'. Ср. монг. *keger* 'коричневый'. Переход тюрк. *e* (*ä*) в *a* (*ker* > *кар*), по мнению ученого, произошел в чувашско-булгарских языках, в которых общетюркскому *e* (*ä*) регулярно соответствует *a*. Из какого-то языка булгарского типа, усилив мягкость полусмягченного согласного *p*, русский язык и заимствовал это слово (Добродомов, РЯШ, 105). Семантически тюрк. *ker*, *kär* 'мухортый' (гнедой с желтоватыми подпалинами) ближе к русскому *карий* 'темно-коричневый', чем. тюрк. *qaga* 'черный, вороной'.

КАТЕР, обл. (кавк.) — «осляк, лошак, помесь осла и кобылы» (Даль, II, 98). «*Катер* — 'мул', диал., др.-русск. *катырь* (1567 г.). Заимств. из крым.-тат., азерб., кыпч. тур. *qatug* — то же (Радлов, II, 286)» (Фасмер, II, 210). Ср. кирг. *qaşug* 'мул, лошак', каз. *qaşug* 'мул'.

КАУРЫЙ — 'светло-каштановый, рыжеватый (о масти лошадей)'» (ССРЛЯ, V, 880—881); «конская масть: стан рыжеватый, светлорыжевато-бурый» < тат. (Даль, II, 98). «Пегие, буланные, каурые лошадеики возили для насыпи гремучие рельсы, землю и песок от реки» (А. Караваева «Лесозавод»).

В памятниках русской письменности слово зафиксировано в различных фонетических вариантах: в грамоте князя Ивана Борисовича от 1503 года в сочетании со словом *конь* — «взял есми оу Звенцова сына конь

кооуръ» (ДДГ, 351). Встречается употребление слова и в форме *куръ*: «Конь сивъ, да конь куръ, да конь гнедъ» (Срезневский, I, 1380).

«Из тюрк., ср. каз., чаг. *qoŋuŋ* 'саврасый, буланый' (Радлов, II, 522; устное сообщение Менгеса), сев.-тюрк. *qovug* 'карий' (см. Горяев, ЭС, 137; Преобр., I, 302, 372)» (Фасмер, II, 211). «Каурый ... по-видимому, один из фонетических вариантов слова *qoŋuŋ/qiŋyŋ* 'темно-серый', употребительного, по разъяснению Будагова, в чаг., каз., ойрот., тат., башк.» (Дмитриев, 41). «Займств. в XVIII в. из тюрк. яз. (ср. тат. *qovug* — 'карий')» (КрЭС, 191).

Ср. др.-тюрк. *qoŋuŋ* 'рыжеватый, каштановый, коричневый', тат. *qoŋ-gug* 'русый (о волосах), бурый', ног. *qoŋuŋ* 'темно-бурый', каз. *qoŋuŋ* 'русый (о волосах)', 'коричневый (о материи)', 'темно-серый (о масти скота)', кирг. *qoŋuŋ* 'темно-бурый, смуглый', туркм. *qoŋuŋ* 'бурый, темно-коричневый'. Небезынтересно, что русское *каурый* по своему значению ближе к др.-тюрк. *qoŋuŋ*, чем к значениям этого слова в современных тюркских языках.

КОБЫЛА. Слово является общеславянским, однако этого факта еще недостаточно для признания его исконно славянским. Вероятнее всего мы имеем дело с очень ранним заимствованием в эпоху общеславянского единства. М. Фасмер допускает образование слова с помощью суффикса *-la* от лат. *saŋo* 'мерин' (Фасмер, II, 269). Авторы Краткого этимологического словаря русского языка признают, что происхождение слова неясно и приводят этимологию, предложенную М. Фасмером (КрЭС, 201). Однако в этой этимологии есть весьма уязвимые места. Самые серьезные возражения вызывают семантические несоответствия. Хорошо известно, что в русском языке и в других славянских языках названия самца и самки домашних животных резко разграничиваются: они обычно образуются от разных корней. Трудно поэтому предположить, что в данном случае было допущено смешение названий самца и самки и лат. *saŋo* 'мерин' было заимствовано в значении «кобыла». Учитывая также то обстоятельство, что коневодство и многие связанные с ним термины распространялись с востока на запад, а не наоборот, мы разделяем следующее мнение О. Н. Трубачева: «В качестве культурного заимствования названное слово распространилось очень широко в Европе, однако оно не является исконным ни для одного из местных индоевропейских языков. Затрудняясь пока в определении и локализации первоисточника, мы тем не менее вынуждены предположить заимствование в индоевропейские языки Европы через посредство Малой Азии из какого-то азиатского языка, ср. тюрк. *käväl* (at) 'быстрая (лошадь)' у Махмуда Кашгарского (XI в.), перс. *kaval* то же» (Трубачев, 52). Ср. также узб. и тадж. *qobil* 'тихий, смирный, послушный'.

КОСЯК — «гурт кобылиц с одним жеребцом» (ССРЛЯ, 1956, V, 1531—1532); «отдел приплодного табуна: каждый жеребец со своими кобылами и жеребятами образуют косяк» (Даль, II, 174 на слово *косой*).

А. Преображенский (I, 369) и М. Фасмер (II, 349—350) считают слово звукоподражательным (от междометия *козь-козь* для подзывания лошадей). Однако здесь же в примечании О. Н. Трубачева говорится, что название, по-видимому, не имеет ничего общего с приведенными междометиями. Такого же мнения и авторы Краткого этимологического словаря русского языка, полагающие, что восточнославянское *косяк* образовалось от *косой* с помощью суффикса *-як* (КрЭС, 216). В. И. Даль также рассматривал слова *косой* и *косяк* в одном словообразовательном гнезде, как родственные слова.

На наш взгляд, слово *косяк* имеет этимологическое родство с такими словами, как *кошара* 'овечий завод, все заведение для приплода в степях

овец', *кошма* 'большой кусок войлока', (спец. обл.) 'многорядный плот из мелкого леса (на Волге)', а также *кошелять* 'насажать куда-либо слишком много людей' (Даль, II, 181—183). Все эти слова восходят к тюрк. *qoş* 'соединять, присоединять, добавлять' (ДТС, 460). Ср. *кош* (южн.) 'загон, овчарня', 'табор, стоянка, стан, становище, казачий обоз, лагерь, стойбище' (Даль, II, 183). В. В. Радлов приводит тур. *qoş* 'гурт, стадо' и каз. *qo sak* (от *qosa* + *k*) 'двое животных, запряженных вместе'; 'ряд овец, связанных вместе головами на одной веревке' (Радлов, II, 632, 636). В современном казахском языке *qosaq* 'овцы, связанные во время дойки', перен. — «судруги».

КУЛАН — «непарнокопытное животное семейства лошадиных» (ССРЛЯ, 1956, V, 1811); «дикий азиатский осел (тюрк.)» (Сл. ин. слов, 381); «онагр, дикий осел (в южной киргизской степи)» (Даль, II, 215). «На ужин удалось купить у смотрителя мясо кулана, т. е. дикого осла» (В. А. Обручев «В дебрях Центральной Азии»).

«Из каз., тур., чаг., кирг. *kulan* то же (Радлов, II, 974), монг. *qula*, калм. *hulu* 'дикая лошадь' (Фасмер, II, 409). Ср. также др.-тюрк. *qulan* 'дикий азиатский осел', тат. башк. *qolan* 'дикая лошадь', ног. *qulan* 'дикая лошадь', каз. *qılan* 'дикий осел, кулан', 'лошадь Пржевальского', туркм. *gulan* 'кулан, онагр', узб. *qulon* 'дикий осел'.

Этимологически название животного восходит к тюркскому *qula*: др.-тюрк. *qula* 'буланный', тат., башк. *qola* 'буланный', 'саврасый', ног., кирг. *qula* 'саврасый', тув. *qula*, хак. *hula* 'саврасый'. С тюркским *qula* связано и название жеребца-сосунка: др.-тюрк. *qulun*, тат. *qolup*, башк. *qolon*, каз. *qūlup*, ног. *qulup*, узб., кирг. *qulun*, туркм. *gulun*, тур. *qulun*, тув. *qulun*, хак. *hulun*.

По мнению А. Н. Кононова, названия *qulan*, *qulun* образованы при помощи уменьшительных аффиксов *-(u) n*, *-n* от слов *qul*, *qula* 'желто-серый, буланный, гнедой' (Кононов, 133—141).

ЛОШАК, ЛОШАК обл. (тамб.), ЛОШНЯК (новг., перм.) — «годовалый жеребенок» (Даль, II, 270, 266 на слова *лошадь*, *лони*). Можно предположить, что название возникло в результате контаминации тюрк. *loşa* 'маленькая, низкорослая лошадь' и русского диалектального *лони* (сев., вост.) 'прошлого года, в прошлом году'. В южных говорах встречается и прямое заимствование тюркского слова: *лоша*, *лошенек* 'жеребенок'.

ЛОШАДЬ. С праславянской эпохи уже существуют названия *конь* и *кобыла*, обозначающие самца и самку лошади. Однако общий родовой термин для этого животного в славянских языках фактически отсутствует. «Вполне возможно, что известное в большинстве индоевропейских языков **ekuos* 'лошадь' еще существовало в праславянском или протославянском, а затем исчезло, как это, например, произошло уже в период письменной истории в литовском языке, а также во всех романских языках» (Трубачев, 48). В функции забытого родового термина в русском языке первоначально употреблялось слово *конь*, а затем заимствованное из тюркских языков слово *лошадь*. Это одно из древнейших заимствований и встречается оно впервые в Лаврентьевской летописи (1103 г.) в знаменитой речи Владимира Мономаха: «Дивно ми, дружино, оже лошади жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приехавъ половчинъ ударить и стрелой, а лошадь его поиметь ... То лошади жаль, а самого не жаль ли?» (ПСРЛ, I, 277). Вполне вероятно, что в русский язык слово лошадь попало из болгарского или печенежского задолго до XII века. Ф. П. Филин наиболее вероятным непосредственным источником заимствования считает болгарский язык (Филин, 562). И. Г. Добродомов допускает, что им мог быть и печенежский язык, подвергшийся значительной болгаризации

(Добродомов, 1966, 9). До нас дошли письменные свидетельства того времени о продаже печенегами лошадей восточным славянам.

В 1769 году в журнале «Поденщина» Василий Тузов опубликовал списки восточных слов в сопоставлении с русскими. В этой работе имеется довольно удачное для того времени объяснение русского названия *лошадь*: алаша — ‘мерин’ и ат — ‘конь’, а от сих двух слов происходит российское название лошадь. Ф. Миклошич также сближал слово *лошадь* с тюрк. алаша ‘мерин’. Безударное начальное *а* легко могло отпасть в русском языке, как это случилось в словах *лачуга* (тат. алашуг ‘хижина’, ‘шалаш’) и *лафа* (араб. علوفه alufa ‘корм’, ‘фураж’). Однако можно допустить, что начальное *а* могло исчезнуть и на тюркской почве (алаша > āлаша > лаша). Чувашское лаша ‘мерин’ позволяет предположить эту форму и в языке предков чувашей — болгар, откуда она и могла попасть в древнерусский язык.

Этимологизацию слова *лошадь* значительно затрудняет окончание *-дь*. «Начало слова *лошадь* есть *лошя*, уменьшительное от тур. алаша ‘низкий, мелкая порода лошадей’ (казан.), ‘мерин’» (Корш, 43). И. И. Срезневский также допускал форму *лошя*, как *свиня*. Многие исследователи, в том числе и Н. К. Дмитриев, слово *лошадь* сводят к комбинации двух тюркских слов: алаша + ат ‘мерин + лошадь’ (Дмитриев, 28). Однако все это не объясняет окончание *-дь*. Высказывалось мнение, согласно которому слово *лошадь* было заимствовано из одного из тюркских языков с окончанием местного падежа *алашада* ‘на лошади’ (Булаховский, 123). Однако в таком случае остается неясным, почему отпал конечный *а* и произошло смягчение *д*.

Р. Брандт развил высказанную Ф. Миклошичем мысль о том, что форма *лошадь* есть имя собирательное, подобное сербским *ждрѣбад* ‘жеребята’, *тѣлад* ‘телята’, которое уже в дальнейшем вновь превратилось в «имя единичности» (Брандт, 34). «Это было бы недурно, если б в русском языке были употребительны подобные собирательные, а между тем Р. Брандт не приводит ни одного примера. Как кажется, нам удалось найти один: это *рухлядь* от ‘рухло’ или ‘рухла’. С другой стороны, слово *лошадь* в сербском языке неизвестно», — писал П. М. Мелиоранский (Мелиоранский, I). М. Фасмер выразил свои сомнения в допустимости ссылок на сербские собирательные имена и относительно элемента *-дь* в слове *лошадь* предложил аналогию в др.-русс. и ц.-слав. *ослЕдь* ‘дикий осел’ (Фасмер, II, 525). Н. М. Шанский также считает *лошадь* древнерусским производным с помощью суффикса *-адь* < *Едь* от заимствованного тюрк. лаша (КрЭС, 247).

Г. Ф. Одинцов предполагал контаминацию тюркского алаша, лаша ‘мерин, низкорослая лошадь’ и краткого прилагательного *лоша* ‘плохая’ (ц.-слав. *лошь* ‘плохой, дешевый’, диал. костромск. *лоший* ‘плохой, дурной’). От основы прилагательного *лоший*, по мнению ученого, образовалось слово *лошадь* с помощью суфф. *-ядь*. «На такое словообразование названия *лошадь* могли отчасти натолкнуть тюркские формы *алаша* — *алашада* (местный падеж), *алашат* из *алаша ат*» (Одинцов, 1970, 7—8).

Было также высказано предположение о том, что русское *лошадь* «имеет какой-то иранский источник»: «В осетинском языке (иронский диалект) имеется слово *ласаг* (лашаг) ‘рабочий скот (отличающийся большой физической силой)’ и глагол *ласын* (лашуп) ‘возить, перевозить, увозить, транспортировать’» (Серебренников, 211). Однако, на наш взгляд, и лингвистические, и экстралингвистические факторы говорят в пользу тюркской этимологии слова *лошадь*. Как справедливо пишет Г. Ф. Одинцов, «осетин. диал. *ласаг*, не являясь непосредственным источником русского термина, может, действительно, оказаться родственным тюрк. *лаша*, *алаша*: тюрко-монгольские племена неоднократно

вступали на протяжении своей истории в тесный языковой контакт с иранскими народами» (Одинцов, 1974, 128).

Первоначально слово *лошадь* обозначало лишь крестьянскую, рабочую лошадь, но не воинского и верхового коня, то есть сохраняло значение, близкое к тюркскому прототипу: *alaša* (*laša*) 'мерин' (туркм., крым.-тат., кум., кбал., ног., тат., башк., чув.); 'кляча' (азерб.); 'маленькая низкорослая лошадь' (узб. диал.); 'худая невзрачная лошадь' (тур. диал.); 'высокая неуклюжая лошадь' (башк. диал.). Тюркское *alaša* этимологически связано с *al-*, имеющим основное значение «быть, становиться слабым, бессильным, немощным» (ЭСТЯ, 1974, 136).

О том, как слово *лошадь* осваивалось русским языком и об отношении к нему некоторых архаистов, свидетельствует высказывание А. П. Сумарокова: «В славянских наших книгах конь лошадью нигде не называется, и слово „лошадь“, хотя и неисходимо нашему языку присвоено, однако всегда пребудет словом низким, как „кафтан“ и все новые некстати введенные в наш язык, дикое слова» (Сумароков, IX, 274—277). Постепенно «некстати введенное в наш язык, дикое слово» *лошадь* не только вошло во всеобщее употребление, но и в значительной степени вытеснило исконное наименование *конь*.

В древнерусских текстах слово *лошадь* имеет сниженную стилистическую окраску и некоторый семантический оттенок дурной, плохой лошади, не коня. В Толковом словаре В. И. Даля слова *конь* и *лошадь* уже не противопоставляются одно другому: «конь — лошадь добрая, не кляча; лошадь (тат.) — вообще конь, особенно не жеребец и не кобыла, мерин» (Даль, II, 155, 269). А в последнем до революции выпуске Словаря Известий Академии наук (1913) написано: «В литературном языке слова *конь* и *лошадь* одинаково употребительны; слово *лошадь* даже употребительнее слова *конь*».

В современном русском языке слова *конь* и *лошадь* часто несут различную стилистическую нагрузку. Слово *конь* стало экспрессивным и употребляется для выражения высокого стиля, имитации фольклора и в профессиональной кавалерийской лексике. *Лошадь* — слово нейтральное, будничное, рабочее.

ЛОШАК — «полуконь, животное от осла и кобылы» (Даль, II, 270); ср. мул «помесь от ослицы и жеребца, но ученые наши путают эти названия», — читаем мы у В. И. Даля (II, 98). Действительно, в современном русском языке эти слова поменялись своими значениями: *лошак* — «помесь жеребца и ослицы» (БСЭ, XV, 39), а *мул* (лат. *mulus*) — «помесь кобылы и осла» (БСЭ, XVII, 107). *Лошак* — др.-русс. производное посредством суффикса *-акъ* от тюрк. *laša* (см. *лошадь*). В памятниках русской письменности встречается с 1270 года (Срезневский, II, 48). М. Фасмер считает, что «форма *лошак* возникла в связи со сближением с *ишак*» (II, 526). Однако следует заметить, что слово *ишак* в русских памятниках встречается с 1567 года и дата появления в письменном памятнике того или иного слова лишь приблизительно отражает время его проникновения в язык.

МАШТАК — «небольшая плотная лошадь» (ССРЛЯ, 1957, VI, 736); «очень малорослая лошадка, лошадь карлик» (Даль, II, 310). Слово зафиксировано уже в словаре Нордстета (1780) (Нордстет, I, 349).

«Из калм. *maštäg* 'маленький (о лошади)', каз. *maštäk* — то же» (Фасмер, II, 586). В словаре В. В. Радлова каз. *mäštäk* 'крестьянская лошадь, кляча, лошадь башкирской породы' (Радлов, IV, 2110), кирг. *maštäk* 'плохой конь' (Радлов, IV, 2055), тоб. *mäštäk* 'очень маленький, крошечный' (Радлов, IV, 2116). Ср. нор. *maštak* 'низкий, невысокий, маленького роста', кирг. *mišteḱ* 'невзрачный'. Название лошади в тюркских

языках, по нашему мнению, восходит к иранскому *pišt* 'кулак' и буквально означает «крошечный, с кулак».

МЕРИН — «общерусское название холощенного жеребца». Исследователи очень долго пытались объяснить это слово как западное заимствование. А. Г. Преображенский (I, 528), Н. В. Горяев (СЭСРЯ, 207) вслед за Ф. Миклошичем считали, что это слово было заимствовано у варягов, так как в древнеисландском языке существовало слово *тегг* 'кобыла'. Однако трудно согласиться с этой этимологией из-за семантических несоответствий. Хорошо известно, что в русском и в других славянских языках, как уже выше отмечалось, названия самца и самки домашних животных резко разграничиваются: они обычно даже образуются от разных корней. Трудно предположить, что в данном случае было допущено смещение упомянутых названий и древнеисландское *тегг* 'кобыла' было заимствовано в значении «мерин», а латинское *саво* 'мерин' — в значении «кобыла» (см. выше *кобыла*).

Как и подавляющее большинство коневодческих терминов, слово *мерин* в русский язык пришло не с запада, а с востока. «В монгольском языке есть слово *тог* 'конь', которое в древнемонгольском имело форму *тögin*, *тогін*, а в одном из современных монгольских языков — в калмыцком — это же слово засвидетельствовано в форме *тöгп* (мёрин)» (Откупщиков, 164). По мнению некоторых ученых, слово *мерин* проникло в русский язык не непосредственно из монгольских языков, а, как о том свидетельствует его фонетический облик, через тюркские языки (Баскаков, 55). В киргизском эпосе встречается слово *тöгүн* в значении «конь».

В памятниках русской письменности слово *мерин* употребляется с конца XV века; как заимствование из русского с XVII века встречается в польском языке: *mierzyn*, *mierzyniek* 'низкорослая рабочая лошадь'.

ОГЕР — «жеребец < тат. айгыр» (Даль, II, 642). Название является заимствованием и переоформлением тюрк. *ајуг* 'жеребец', перен. «темпераментный, горячий» (туркм. диал.), 'боевая, удалая, смелая (о женщине)' (ног.). (ЭСТЯ, 1974, 107). Тюркское слово образовано при помощи аффикса *-qur*, *-yur*, обозначающего носителя процесса, от **ај* 'возбуждаться', 'бесноваться', 'иметь сильное половое влечение' (там же, 108).

Тюркское заимствование известно и некоторым другим славянским языкам: укр. *огер*, *огир*, бел. диал. *вогер*, болг. *айгър*, макед. арханч. *ај-гар*, сербохорв. *ајгир* 'жеребец'. И в славянских языках тюркизм сохраняет тенденцию к переносному употреблению: бел. диал. *вогер* 'ухарь', 'хват', 'хлюст', 'хвастун'; сербохорв. *ајгир* 'похотливый мужчина'. Переносное употребление этого слова мы встречаем и у Т. Г. Шевченко: «Дивися, огирем яким сам пан круг тебе похожае» («Словник мови Шевченка», II, 10).

САВРАСЫЙ — «'светло-гнедой с желтизной', *савраска* — 'кликка лошади этой шерсти» (Даль, IV, 127); в словарях современного русского языка — *саврасый* — «светло-гнедой с черным хвостом и гривой», *саврас* (разг.) — 'саврасая лошадь'. Слово зафиксировано в духовной грамоте Патрикия (1391—1428 гг.): «Кобыл саврас (съ) жеребяте, да кобылка голуба» (Срезневский, III, 239).

Этимологические словари отмечают, что происхождение данного слова неясно. А. Преображенский предполагал заимствование тюркского *сого* 'серый' (II, 244). М. Фасмер приводит ряд этимологий: «... менее убедительна этимология Горяева — из фран. *saur* 'светло-коричневый' или сравнение с лит. *saulė* 'солнце', лат. *sōl*» (Фасмер, III, 542). Н. М. Шанский предполагает связь с тюрк. *sapsary*, производного от *sary*

‘желтый’ (КрЭС, 1971, 399). Ср. кыпчак., каз. *sarsaŋy* ‘ярко-желтый’, тат., ног., каз. *saŋy* ‘желтый’, ‘золотисто-рыжая масть лошади’.

ТАБУН — «стадо лошадей, а также оленей и некоторых других копытных животных, пасущихся вместе» (ССРЛЯ, XV, 17—18); «конское стадо» (Даль, IV, 385). И. И. Огиенко относит слово к тюркизму, заимствованным у татар (Огиенко, 31, 34). Н. К. Дмитриев причислял это слово к тюркизмам, подтвержденным фактами (Дмитриев, 31). М. Фасмер также считает слово заимствованием из тюркских языков. Ср. чаг., тат. *tabun* ‘табун’, тур., крым.-тат. *tabun* ‘толпа, табун’, балк. *tabun* ‘табун’ (Радлов, III, 975, 978); каз. *tabun* ‘табун, стадо’.

ТАРПАН — «европейская дикая лошадь, подвид домашней лошади» (БСЭ, 1976, XXV, 280); «дикий конь киргизских степей» (Даль, IV, 391).

«Из каз. *tarpan* — то же (Радлов, III, 871)» (Фасмер, IV, 24). В словаре В. В. Радлова отмечается также кирг. *tarpan* ‘дикая лошадь’; ‘лошадь, нетерпящая на себе седока’ (III, 871). Ср. каз. *tarpan* ‘норовистый конь’, *tarpan at* ‘невъезженный конь’, кирг. *tarpan* ‘лошадь с плохим ходом’ (Юдахин, 1940, 487). Этимологически, возможно, связано с кирг. *tarpana* ‘тяжело и неуклюже двигаться’ или с кирг. *tarpu* ‘бить передней ногой’.

ХАЛЮНИЙ, обл. (вост.-сиб.) — ‘буланный, светлобуланный или саврасый’ (Даль, IV, 541). «Ср. калм. *xulu* ‘буланный с черной гривой’» (Фасмер, IV, 219).

ЧАГРАВЫЙ, *чегравый*, обл. (вост.) — «темно-пепельного цвета, бурый, смурый» (Даль, IV, 580). В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» слово *чагравый* ‘темно-пепельный’ (о масти лошадей) дается с пометой устаревшее и иллюстрируется примером из первоначальной редакции «Мертвых душ» Н. В. Гоголя: «Верхом на гнедой лошади! ... Ты думаешь, Алексаша, наш чагравый хуже его?».

«Заимств. из тюрк., ср. чаг. *čeg* ‘буланный (о лошади)’, каз. *šayār* ‘сероглазый’, алт. *šokur* ‘пестрый’, чув. *tšagār* ‘желтоватый, бурый’» (Фасмер, IV, 310). Ср. тур. *čakir* ‘голубой, серовато-голубой’, тат. *čagur* ‘пестрый’, ккалп. *šegir* ‘серый (о глазах)’.

ЧАЛЫЙ — о шерсти и масти: «серый, с примесью другой шерсти (лошадь бурочалая, рыжечалая, сивочалая, вороночалая, чалопегая); *чалка*, *чалко* — чалая лошадь, кличка; *чалуха* — чалая кобыла» (Даль, IV, 581). В словарях современного русского языка *чалый* — это «серый с примесью другого цвета (обычно о масти лошади)» и «лошадь такой масти». «Чалый жеребчик, играя головой и круто забирая ногами, подбежал к моим саночкам» (В. Г. Короленко «Соколинец»). В памятниках русской письменности встречается с XVI века («Взяла княгиня оу Петра ж жеребец чал», 1503 г.) (ДДГ, 351).

«Известно в тюрк. яз., начиная с Махмуда Кашгарского, в форме *čal*, *sal* (Codex Cumanicus), *šal* со значением „серый“, „седой“» (Дмитриев, 47). «Заимств. из тур., тел., уйг. *čal* ‘серый, седой’, ‘чалый’ (о масти лошадей) (Радлов, III, 1874)» (Фасмер, IV, 313).

Первоначальное тюркское *čal* означало только масть лошадей. В последующем значение его расширяется и слово употребляется для обозначения поседевших людей и серо-бурого цвета. Ср. тат. *čal* ‘седина, проседь’, азерб. *čal* ‘чалый (серый, с примесью другой шерсти)’, ‘седой’, ‘сивый’, ‘поседелый’, ‘с примесью’, кирг. *čal* ‘седой’, хак. *čal* ‘серый, седой’, крым.-тат. *čal* ‘седой’. Тюркское *čal* ‘седой, серый’ относится к числу «культурных слов» и примыкает к большой группе монгольских слов, содержащих древний корень *ča-*: монг.-письм. *čayan* ‘белый’, *časun* ‘снег’, *čaji* ‘белеть’, *čal* ‘седой’; эвенк. *čalbān* ‘берёза’, *čalka* ‘лебедь’.

ЧАНКИРЫЙ, обл. (сиб.) — «белый, серый, пегий; но морда, ресницы, подпашье и самые копыта белые» (Даль, IV, 581). «Из монг. *čaŋ-kir*, калм. *tsaŋkir* 'светлый, белый'» (Фасмер, IV, 314). Е. Н. Шипова приводит соответствия из тюркских языков: азерб. *çalğara* (< *çal*) 'чальный, седоватый, пегий', тур. *çakir* 'голубой, серовато-голубой' (Шипова, 376).

ЧУБАРЫЙ — «с темными пятнами по светлой шерсти или вообще с пятнами шерсти другого цвета (о масти лошади)», «лошадь такой масти» (ССРЛЯ, 1965, XVII, 1141); «пестрый, пятнастый, крапчатый», обл. (южн.) «замаранный, в пятнах» (Даль, IV, 610). «Кучер делал весьма дельные замечания чубарому пристяжному коню» (Н. В. Гоголь «Мертвые души»). В некоторых современных говорах слово *чубарый* употребляется в значении «грязный, запачканный»: «Ты глянь, какой чубарый, лицо все грязное» (Оссоветацкий, 600).

А. Г. Преображенский отмечал, что это слово неизвестного происхождения, но, вероятно, заимствование. «Заимств. из тюрк., ср. тат. *çubag* 'пятнистый, чубарый', чаг. *çubag* 'лошадь серой масти', каз. *şubag*, башк. *sybag* 'пятнистый'» (Фасмер, IV, 375). Н. К. Дмитриев также приводит тюркские соответствия: тат. *çuağ*, башк. *syuağ*, каз. *şuağ*, кирг. *çar* < *çubag*, туркм. *çubag* (Дмитриев, 36).

Мы рассмотрели далеко не все названия лошадей в русском языке, однако и этого достаточно, чтобы заключить, что почти вся заимствованная лексика этой лексико-тематической группы тюркского происхождения. Немногочисленные западные заимствования, бытовавшие в древнерусском языке, со временем были забыты и вышли из употребления; например, *фарь* 'породистый конь, скакун' < греч. *faris* 'арабская лошадь' < араб. *fāris* 'конь'; *шкабатъ* 'лошадь' (Срезневский, III, 1596). Последнее слово отмечено В. И. Далем в форме шкапа «южн., зап. 'лошадь', 'плохая, изнуренная лошадедка, кляча'» (Даль, IV, 637). Слово встречается в укр. шкапа — тоже, болг. шкапа 'кляча', 'старуха', чеш. *škara* 'кляча', польск. *szkara* — то же. Утратилось в русском языке и древнерусское название коня — *комонь*.

Из рассмотренных в статье названий многие являются диалектизмами, профессионализмами или составляют пассивный лексический пласт современного русского языка. Однако они были зафиксированы художественной и лексикографической литературой и остаются достоянием русского языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Абаев	— В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958.
Аракин	— В. Д. Аракин. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода. — «Тюркизмы в восточнославянских языках». М., 1974.
Баскаков	— Н. А. Баскаков и др. Развитие и обогащение русского языка за счет заимствований из языков народов СССР. — «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». М., 1969.
Брандт	— Р. Брандт. Об этимологическом словаре Миклошича. — «Русский филологический вестник», т. 18. Варшава, 1887.
БСЭ	— «Большая Советская Энциклопедия».
Будагов	— Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869; т. II. СПб., 1876.
Булаховский	— Л. А. Булаховский. Введение в языкознание. М., 1953.
Бурдон и Михельсон	— И. Ф. Бурдон, А. Д. Михельсон. 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М., 1866.

- Бурнашев* — В. П. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. I. СПб., 1843.
- Горяев, СЭСРЯ* — Н. В. Горяев. Сравнительно-этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.
- Даль* — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I—IV. М., 1956.
- ДДГ* — «Духовные договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.—Л., 1950.
- Дмитриев* — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», вып. III. М., 1958.
- Добродомов, 1966* — И. Г. Добродомов. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1966.
- Добродомов, 1970* — И. Г. Добродомов. К этимологии марийского названия лошади. — «Советское финно-угроведение», 1970, VI, 4. Таллин.
- Добродомов, РЯШ* — И. Г. Добродомов. Карий. — «Русский язык в школе», 1970, №4.
- ДТС* — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
- Калинин, Яковлев* — В. И. Калинин, А. А. Яковлев. Коневодство. М., 1956.
- Клюева* — В. Н. Клюева. Взаимные связи словарного состава двух языков (русские слова в монгольском языке и монгольские в русском). — «Ученые записки I Московского пединститута иностранных языков», т. XI. М., 1957.
- Кононов* — А. Н. Кононов. (Рецензия на книгу) «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961. — «Вопросы языкознания», 1963, № 2.
- Корш* — Ф. Е. Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», ИОРЯС, 1903, т. VIII, кн. IV.
- КрЭС* — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
- Мелиоранский* — П. М. Мелиоранский. Заимствованные восточные слова в памятниках русской письменности домонгольского времени. — «ИОРЯС», 1905, т. X, кн. IV.
- Назаров* — И. И. Назаров. Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности. — «Ученые записки Казанского пединститута», вып. 15. Казань, 1958.
- Нордстет* — И. Нордстет. Российский с немецким и французским переводом словарь, сочиненный Иваном Нордстетом. Ч. I—III. СПб., 1780—1782.
- Огиенко* — И. И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.
- Одинцов, 1970* — Г. Ф. Одинцов. История русских названий лошадей. Автореф. канд. дисс. М., 1970.
- Одинцов, 1972* — Г. Ф. Одинцов. Аргмак. — «Русская речь», 1972, № 2.
- Одинцов, 1973* — Г. Ф. Одинцов. Два ногайских заимствования в современном русском языке. — «Этимология. 1971». М., 1973.
- Одинцов, 1974* — Г. Ф. Одинцов. Еще раз к этимологии слова лошадь. — «Этимология. 1972». М., 1974.
- Отин* — Е. С. Отин. Из этимологических исследований донской гидронимии. — «Этимология. 1970». М., 1972.
- Оссовецкий* — «Словарь современного русского народного говора». Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Откупщиков* — Ю. В. Откупщиков. К истокам слова. М., 1973.
- Преображенский* — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914.
- ПРП* — «Памятники русского права», вып. III. М., 1953.
- ПСРЛ* — «Полное собрание русских летописей». Тт. I—XV. М., 1962—1965.
- Радлов* — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Тт. I—IV. СПб., 1893—1911.
- Серебренников* — Б. А. Серебренников. Этимологические заметки. — «Этимология. 1968». М., 1971.
- Сл. ин. слов* — «Словарь иностранных слов». М., 1954.
- СЛРЯ* — «Словарь русского языка XI—XVII вв.», вып. I—IV. М., 1975—1979.
- Срезневский* — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Тт. I—III. СПб., 1893—1912.
- СРНГ* — «Словарь русских народных говоров». Под ред. Ф. П. Филина. Вып. I—X. М., 1965—1974.

- ССРЛЯ — «Словарь современного русского литературного языка». Тт. I—XVII. М.—Л., 1950—1965.
- Сумароков — А. П. Сумароков. О истреблении чужих слов из русского языка. — «Полное собрание сочинений». Т. IX. М., 1781—1782.
- Трубачев — О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. — «Этимологические исследования». М., 1960.
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Тт. I—IV. М., 1964—1973.
- Филин — Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М., 1962.
- Черных — П. Я. Черных. Этимологические заметки. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1958, № 1.
- Шаниязов — К. Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974.
- Шанский — Н. М. Шанский. Этимологический словарь русского языка. М. вып. 1, 1963; вып. 2, 1965.
- Шипова — Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Шербак — А. М. Шербак. Названия домашних и диких животных. — «История развития лексики тюркских языков». М., 1961.
- ЭСТЯ — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974 (основы на гласные); 1978 (основы на букву «Б»).
- Юдахин — К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1940, 1965.
-

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

А. М. АДЖИЕВ

КУМЫКСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ-ПАРОДИИ

Элементы сатиры в кумыкском фольклоре отмечаются уже в древних *йырах* (песнях) при создании образов врагов. Дальнейшее развитие эти элементы получили в поздних произведениях. Сатирой часто проникнуты прозаические жанры: притчи, анекдоты и в особенности бытовые сказки. Если в вышеназванных жанрах высмеивались в основном пороки отдельных людей, то в анекдотах и бытовых сказках сатира уже приобретает заметно выраженный социальный характер. Это относится и к *йырам-пародиям*.

Пародия на старинные героико-исторические песни звучит в «Йыре о Еже»¹. Начинается *йыр* с традиционной формулы, встречающейся в песнях героического характера:

*«Атлан, атлан сен, Бийсолтан», — дегенде,
Атланмагъа мени кепим суйгенде...*

*‘Когда сказали: «Седлай, седлай коня, Бийсолтан»,
Когда оседлать коня мне захотелось...’*

Обычно в старинных *йырах* после этого зачина описывается, как *батыр* поспешно седлает коня, берет в руки ружье с «жемчужным дулом» и отправляется совершить подвиг. В «Йыре о Еже» Бийсолтан, «изготовив из кожи тесемку, латает свои чарыки»², берет в руки «жемчужную пеструю палку» и отправляется ... охранять бахчу.

Эпический герой, как известно, должен совершить подвиг. Совершает «подвиг» и Бийсолтан, однако не по своей воле, а из боязни прослыть трусом перед неким Нухаем.

Наигранный драматизм *йыра* возрастает в полном соответствии с традициями героического эпоса, но в комическом противопоставлении с вполне современными ситуацией и лексикой.

Весь «Йыр о Еже», в отличие от «серьезных» традиционных героико-исторических песен, пронизан легким юмором, иронией. Этому способствует и искусно создаваемый комизм ситуаций, и то, что повествование ведется от первого лица.

Однако было бы ошибкой считать, что в *йырах-пародиях* нашло отражение лишь отрицательное, ироническое отношение народа к прошлому. Анализ кумыкских сатирических *йыров* показывает, что в них па-

¹ «Къумукъланы йыр хазнасы». Махачкала, 1959, стр. 225—226; «Дослукъ (Къумукъланы йыр хазнасы)». Махачкала, 1979, стр. 47.

² Чарык — обувь из сыромятной кожи.

родируются только традиционные штампы старинных героико-исторических песен, а не их идейное содержание. Это связано с особенностями исторического и социально-экономического развития края, с зарождением и постепенным укреплением капиталистических отношений.

Высмеивая патриархально-феодалные эстетические идеалы, безвестные авторы в то же время зло критиковали свойственный новым социально-экономическим условиям дух наживы, эксплуатации. Однако в поисках идеала, который можно было бы противопоставить всему этому, люди невольно снова обращались к нравственным идеалам минувшей эпохи. Так, в «Йыре о казаке, укравшем гуся»³ нашло достаточно ясное выражение отношение народа не только к «старому», но и к тому «новому», что вторглось в жизнь горцев вместе с капиталистическими отношениями.

Само название песни уже несет в себе комический заряд. В традиционных героико-исторических йырах казак — это суровый и мужественный джигит, совершающий героические подвиги. Он иногда, случается, и крадет, но только что-то значительное, например, табуны коней у феодала, проявляя при этом свою храбрость, силу и определенную социальную зрелость. Однако мелкая кража в целях личной наживы снижает образ эпического героя йыров — казака.

Комизм в йыре достигается возвышенным, патетическим описанием, характерным для героико-исторических йыров, действий и поступков весьма и весьма прозаических, чтобы не сказать больше.

«Йыр о казаке, укравшем гуся» начинается с традиционной эпической формулы:

*Тавланы алашаракъ туманы —
Абдурагъман, Байболатны уланы,
Эртен туруп алашасын ерлеген,
Яхсай ерни баврун тутуп тербеген.*

‘Низкостелюющийся туман гор —
Абдурахман, сын Байболата,
Утром встав, оседлал своего алашу,
И тронулся в путь вдоль Аксая’⁴.

Повествование ведется в традиционном эпическом духе, и слушатель вправе ожидать от казака Абдурахмана отважных поступков и героических подвигов. Но повествование, оставаясь по форме и стилю возвышенно-эпическим, вдруг делает неожиданный сюжетный поворот, развенчивая героя, уличая его в неблагоприятных поступках, чем и достигается комический эффект:

*Яхсайланы орамына бурулгъан,
Уллу табун къаз сырыгъга урунгъан.
Къазлардан эрвюлюн сайлагъан,
Ону да алып, базарлагъа гъайдагъан.*

‘Он свернул в аксаевские улицы
И наткнулся на табун гусей.
Выбрал он из гусей самого крупного
И повез его на базар’.

Батыр-казак в традиционных йырах, уводя табун аргамаров, обычно вступает в сражение с врагами, Абдурахман «нападает» на «табун» гусей; герой йыров ведет единоборство с предводителем врагов (бием, офицером и т. д.), Абдурахман тоже бросается на наиболее крупного...

³ «Къумукъланы йыр хазнасы», стр. 228; «Дослукъ...», стр. 45—46.

⁴ *Алаша* — лошадь, часто фигурирует в героико-исторических йырах. *Аксай* — крупнейший кумыкский аул на севере Дагестана.

гуся; батыр отрубает голову врага и уносит ее к матери или возлюбленной как свидетельство его силы и мужества, Абдурахман же... везет гуся на базар.

В эпическом стиле описывается и дальнейшее далеко неэпическое, мелочное и торгашеское поведение казака:

*Гъайдап гелген алывчулар уьстюне:
— Гъайт, сатывчу, къазынга не айтасан?
— Алма суйсенг, бир манат деп айтаман!*

*Ол алывчу бир манатга алмагъан —
Ол гъайванны арыкъ да этген, ач да этген.
Ол гъайваны талпына экен къартындан.
Он шайыгъа элтип берген артындан.*

Прискакали покупатели к нему:
— Хайт⁵, продавец, сколько просишь за гуся?
— Если хочешь купить, один рубль прошу!

Тот покупатель за рубль не купил —
То животное и похудело, и проголодалось,
То животное тряслось от старости⁶.
Пошел он сам за покупателем и отдал (гуся) за десять
пятаков⁷.

Таким образом, поле деятельности «героя» в йыре значительно уже, чем в традиционных песнях. В реальной жизни в торговлю постепенно вовлекались многие «бывшие батыры», которые, забыв былые обычаи и величие, стали торгашами и стяжателями.

В данном йыре ироничность повествования все более усиливается. Мы видим в лице Абдурахмана, как «измельчали» некогда гордые казаки: вырученные за гуся деньги казак «спрятал глубоко за пазуху»⁷ и пошел в лавку, там «батыр» купил за двадцать копеек пачку чаю, мышеловку и мыло для жены. С этими покупками он приходит к себе домой. В старинных йырах герой, совершив подвиг, возвращается к матери, чтобы получить у нее одобрение за совершенный им подвиг. Здесь же Абдурахман приходит к жене и ей рассказывает о своем «подвиге». Замещение образа матери образом жены — это, на наш взгляд, тоже сделано для комизма, ибо по традиционному этикету кумыков настоящий мужчина, обязанный прислушиваться к мнению матери, в своем доме должен был оставаться полновластным хозяином и не отчитываться перед женой.

В финале песни согласно канонам старинных йыров подводится итог «подвигам» казака, но только устами жены, а не матери. Речь жены выдержана в традициях героико-исторических песен, однако по содержанию противоположна им: «Милый муж мой, нет у тебя ни страха, ни боязни, и ты ни одну ночь не спишь спокойно дома!». Жена беспокоится, что о «мелком воровстве» ее мужа могут узнать и его сошлют в Сибирь (ср. с героями традиционных йыров, которых ссылают в Сибирь за мужественную борьбу против угнетателей). И явно пародирован традиционный финал йыров в заключительных словах супруги Абдурахмана:

⁵ *Хайт (гъайт)* — восклицание, в йырах — элемент возвышенного эпического стиля. Сочетание этого междометия с дальнейшим весьма прозаическим повествованием («продавец, сколько просишь за гуся?») способствует комизму и пародийности всего описываемого.

⁶ Хотя в йыре речь идет о гусе, для комического эффекта намеренно употреблено традиционное в эпических песнях слово «животное». Выбор гуся казаком оказался неудачным: вместо желанного самого крупного гуся ему попался самый старый.

⁷ В исторических песнях герой прячет обычно «глубоко за пазуху» письмо, которое он, рискуя жизнью, должен доставить в нужное место.

*Сен гетерсен Сибирлени ёлуна,
Мен къалырман къарт атангны къолунда.
Мен яяман къолларымны, яяман!
Сени йимик яхиш эркекден айрылып,
Осаллагъа олжа болсам, займан!*

Тебя сошлют в Сибирь,
А я останусь у твоего старого отца.
Я простираю (к тебе) руки, простираю!
Если, лишившись такого славного мужчины, как ты,
Стану супругой слабого (недостойного) мужчины, зря
пропаду!

Итак, в пародийном йыре комический эффект создается посредством широкого использования поэтического арсенала героико-исторических песен для описания явно негероических и даже недостойных поступков. С проникновением капиталистических отношений в Кумыкию эти «негероические» и недостойные с точки зрения горского этикета действия и поступки получали все большее распространение, постепенно вытесняя прежние, устоявшиеся на протяжении многих веков нормы горского быта и поведения. Этим и следует объяснить появление песен-пародий. Народное творчество не могло быть молчаливым свидетелем того, как бывшее «рыцарство», сила, удаль и мужество джигитов постепенно девальвировались и подменялись мелким меркантильным расчетом, духом наживы и стяжательства.

Кумыкский поэт И. Казак в письме к поэту-просветителю Магомед-эфенди Османову (1872 г.) резко осуждал «прогрессировавшую порчу общественных нравов и все ухудшавшиеся взаимоотношения даже между близкими людьми под влиянием денежного ажиотажа и слепой страсти к обогащению»⁸.

*«Если спросишь о людях — торгуют,
Сотни тысяч устремлений в их сердцах,
В магазинах, на базаре, на бахчах, в садах
Для мирской наживы суетятся, ненасытны, Эфенди...*

*Больную (скотину) продают, клянясь, что здоровая...
Ей богу, нет правды ни в родных, ни в друзьях!
И друг не честен, если присмотришься потихоньку.
Странные времена настали, Эфенди!»⁹*

Следует отметить, что в сатирических и юмористических йырах героями нередко выступали животные и птицы, так же как и в древних, связанных с тотемизмом («Йыр о Минкюллю»), однако этот прием не был характерен для более поздних героико-исторических песен. Введение образов животных и птиц в сатирические и юмористические йыры как бы снижало образ героя (борьба с ежами), создавало комическую ситуацию (кража старого гуся).

Примечательно, что в ряде йыров отчетливо выражается иносказание, и это сближает их с баснями.

Аллегорична песня «Клятва Волка Барсуку»¹⁰.

Волк обращается к Барсуку, скрывающемуся в норе, в стиле героико-исторических песен:

*— Чыкъсана, Порсукъ досум, чыкъсана,
Бу тавлардан о тавлагъа барайыкъ,
О тавлардан ирк ясакълар жыыйыкъ!*

⁸ Г. Б. Мусаханова. Очерки кумыкской дореволюционной литературы. Махачкала, 1959, стр. 39.

⁹ «Къумукъланы йыр хазнасы», стр. 250; «Дослукъ...», стр. 136—137.

¹⁰ «Къумукъланы йыр хазнасы», стр. 226—227; «Дослукъ...», стр. 47—48.

— Выйди, друг мой Барсук, выйди,
Пойдем из этих гор в те горы,
В тех горах соберем ясак баранами!

Но Барсук не столь глуп, чтобы поверить Волку, и отказывается выйти из норы. Тогда Волк начинает клясться и уверять Барсука в том, что у него нет злых намерений.

...Ашайгъанлар магъа, хариш, ошаймы?!
Сени ашасам, сѣнген отгъа тюшейим!
Яйда сувукъ сувгъа тюшюп бишейим!
Къаракъарамны ольген итлер гемирсин!.. и т. д.

— Да разве съедающие, бедняга, похожи на меня?!
Если тебя я съем, пусть сгорю я в потухшем огне!
Пусть обварюсь я, упав летом в холодную воду!
Пусть тело мое изгрызут мертвые собаки!..

За шутивным настроением йыра, его иронией и игрой алогизмами кроется басенная мораль: не верь жадным и корыстным хитрецам, добра от них не жди.

Более явственная аллегория в «Йыре о Пиявке»¹¹. Впилась Пиявка в Лягушку и стала сосать ее кровь. Сколько ни билась Лягушка, не могла освободиться от Пиявки. Наконец, Лягушка взмолилась:

— Алагъисен, Сюлюк, мени къойсана!
Сени булан ябушмагъа гъалым ёкъ,
Сагъа ичме къаркъарамда
Къашикъ чакъы къаным ёкъ!

— Ради аллаха, Пиявка, оставь меня!
Нет у меня сил, чтобы с тобою биться;
Нет, чтобы тебе сосать, в моем теле
Даже одной ложки крови!

Пиявка на это ответила, что она присосалась к Лягушке не ради ее крови, а чтобы излечить ее, бедняжку, от ревматизма.

В этом произведении в сатирической форме отражен характер взаимоотношений между вполне определенными социальными слоями населения дореволюционного Дагестана — угнетателями и угнетаемыми.

Откровенно аллегоричен «Йыр о трусливом Петухе». Он, видимо, создан позднее упоминавшихся выше йыров: на это указывают и стиль, и форма песни, значительно сближающие ее с литературными произведениями. В йыре высмеивается хвастливый, но трусливый Петух, который не смог защитить своих птенцов от Коршуна. Под Петухом, несомненно, подразумеваются горе-батыры, которые, как поется в одном казачком йыре, в кунацкой искусно разглагольствуют о своих подвигах, а в трудный час их голоса не услышишь.

Появление песен-пародий на традиционные героико-исторические йыры является свидетельством дальнейшего развития устного народного творчества, его возвышения на новую ступень. Вместе с тем это говорит и о том, что время традиционных героико-исторических йыров уже миновало. Новые йыры, все больше отделяясь от пародируемых ими традиционных фольклорных произведений, приобретали ироничность и индифферентность, постепенно сближаясь с литературными формами, в первую очередь — с баснями.

¹¹ «Дослукъ...», стр. 47.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ОПРАВДАНЫ ЛИ ПРИМЕНЕННЫЕ ЗДЕСЬ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ?

Вопрос о происхождении показателя взаимного залога *-yŝ-*, *-ŝ-* в тюркских языках является одной из самых трудных проблем истории тюркских языков. Поэтому появление всякой новой статьи на эту тему, в особенности статьи, содержащей новые факты и идеи, невольно порождает надежду, что автором сделан какой-то шаг вперед на пути к разрешению этой труднейшей проблемы.

В недавно опубликованной статье «Историческое развитие взаимного залога тюркского глагола» А. А. Юлдашев высказывает предположение, что показатель взаимного залога *-yŝ-*, *-ŝ-* восходит к древнему показателю множественности *-z*.

«В основе взаимного залога, — замечает А. А. Юлдашев, — лежит, вероятно, форма множественного числа, как это предполагают отдельные тюркологи, возводя морфему *-ŝ* к рудиментарному показателю множественности *-z* ($>s>\hat{s}$) и ссылаясь на широкое ее употребление в киргизском и узбекском языках для выражения множественного числа глагола»¹.

Здесь сразу же могут возникнуть два вопроса: существовал ли в тюркских языках звукопереход $z>s>\hat{s}$ и идентичен ли показатель множественного числа глаголов *-ŝ* предполагаемому множественному числу на *-ŝ*.

Во-первых, сразу же можно сказать, что звукопереход $z>s>\hat{s}$ нмнмй, ибо подобной закономерности звукоизменения в тюркских языках никогда не наблюдалось. Правда, оглушение конечного *z* в некоторых тюркских языках, в особенности в языках Сибири, имело место, ср. алт. *as*, хак. *as*, тув. *as*, мор. *as* 'мало' из *az*. Оглушение конечного *z* встречается в некоторых диалектах татарского языка. Однако никогда не отмечалось случая, чтобы возникшее таким путем *s* превращалось в *ŝ*. Показатель взаимного залога *-yŝ-* в тюркских языках является очень древним аффиксом. Совершенно отсутствуют какие-либо сведения о том, что в древнетюркскую эпоху происходило повсеместное оглушение конечного *z* и превращение его в *ŝ*. Гипотеза не может быть построена на не существующем фонетическом законе.

¹ А. А. Юлдашев. Историческое развитие взаимного залога тюркского глагола. — «Советская тюркология», 1980, № 4, стр. 7.

Во-вторых, показатель множественного числа *-yŋ* в глаголах (ср. кирг. *жазышат* 'они пишут') это не первичный показатель множественного числа *-ŋ*, а результат последующего переосмысления значения взаимного залога.

Имеются основания предполагать, что такое употребление возникло под влиянием монгольских языков. Ц. Б. Цыдендамбаев отмечает, что «в бурятском языке для выражения множественности в глаголах широко используется форма взаимного залога тогда, когда она, перестав выражать взаимность действия субъектов, обозначает многих субъектов: *Удабашьегүй эндэ тэндэ хүнүүд хурхиралдаба* (Х. Н., I, 40) 'Вскоре люди захрапели там и сям'; *Манай зарсанууд шэшэрэлдэжэ байдаг хаям* (Х. Н., I, 61) 'Наши слуги всегда трясутся же'; *Сэбэр хайхан үндэр набтар байшангууд тэбхылдэнэ* 'Красивые, как высокие, так и низкие, здания выглядят ровными четырехугольниками'; *...Хойнохоонь хаххаралдааг, энеэлдэдэг болооһэн* (Х. Н., I, 124) '...Вдогонку ему товарищи стали кричать и смеяться'».

В монгольском языке, как отмечено в литературе, форма учаща-тельного вида довольно часто употребляется для обозначения действия многих: *Бугд авцгааж байна* 'Все получают'; *Та сууцгаа* 'Вы садитесь' и т. п.²

Доказать, что в монгольских и тюркских языках в данном случае нашло отражение первоначальное значение аффиксов, фактически невозможно, поскольку аффиксы здесь материально различны. В пользу того, что здесь сказалось влияние монгольских языков на тюркские, говорит факт территориального распространения этого явления в тюркских языках. Десемантизация *-yŋ* и превращение его в простой показатель множественности зафиксированы только в тюркских языках Средней Азии — киргизском, казахском, узбекском и в некоторых среднеазиатских древних языковых памятниках.

Таким образом, в гипотезе А. А. Юлдашева оказываются сомнительными сразу два аргумента: во-первых, она построена на не существующей фонетической закономерности, во-вторых, невозможно доказать первичность абстрактного значения множественного числа *-ŋ*.

Справедливости ради отметим, что мы тоже некогда связывали показатель взаимного залога в тюркских языках с показателем собирательного множественного числа *-ŋ*. Приведем некоторые выдержки из нашей статьи «Из истории звуков и форм тюркских языков»:

«Некоторые данные тюркских языков указывают на то, что аффикс *-ŋ* мог употребляться для обозначения совокупности людей, каким-то образом между собою связанных. С этой точки зрения обращает на себя внимание встречающийся в тувинском языке аффикс *-ŋky*, способный также выступать в соединении с другими аффиксами (*-ŋky-lar*), *-lyŋky* (*-lyŋky-lar*). При помощи этого своеобразного сложного аффикса образуются (от обычных терминов родства и свойства) собирательные имена существительные со значением „группа людей (членов семьи), объединенных данной степенью родства или свойства“. Приведем примеры: *авалышкылар*//*авашкылар* 'мать со своими детьми' от *ава* 'мать', *адалышкылар*//*адашкылар* 'отец со своими детьми' от *ада* 'отец', *иешкилер* 'мать со своими детьми' от *ие* 'мать', *кудашкылар* 'сваты' от *куда* 'сват', *бажашкылар* 'свояки' от *бажа* 'свояк'».

Если проанализировать аффиксы в таких образованиях, как *авашкылар* 'мать со своими детьми'..., то можно вскрыть более древний слой

² Ц. Б. Цыдендамбаев. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979, стр. 37.

этих образований. Конечный аффикс *-lar* представляет собой широко распространенный в тюркских языках аффикс множественного числа. Легко выделяется также аффикс *-ki, -ky*, встречающийся в относительных прилагательных типа татар. *борыңғы* 'древний', алт. *кышкы* 'зимний', эртенги 'утренний', азерб. *индики* 'теперешний', *сонки* 'последний'.

В результате мы получаем образование типа *аваш* 'мать со своими детьми', *адаш* 'отец со своими детьми', *иеш* 'мать со своими детьми' и т. д. Иными словами, это — гипотетически предполагаемые формы собирательного множественного числа, характеризующиеся показателем *-š* и обозначающие группу людей, взаимно между собой связанных»³.

В другой своей работе для подтверждения нашего предположения мы привели форму из языка тофаларов *уба-лышкы* 'старшие сестры', где показатель собирательной множественности *-ш* выступает в соединении с показателем собирательной множественности *-л*⁴.

«В дальнейшем аффикс *-š* стал присоединяться к именам существительным со значением соучастия двух или более субъектов...».

Аффикс *-š*, первоначально аффикс многократного действия, стал средством выражения взаимности действия. «Катализатором, ускорившим это развитие, явились имена существительные с аффиксом *-š*, обозначающие взаимную связь субъектов действия... типа тув. *ада-ш* 'отец со своими детьми', *иеш-ш* 'мать со своими детьми' и т. д.»⁵.

Обо всех этих наших высказываниях А. А. Юлдашев почему-то умалчивает.

Центральным вопросом во всей этой проблеме является, по нашему глубокому убеждению, констатация не просто связи показателя взаимного залога с показателем множественного числа, а связи с показателем множественного числа определенного качества.

Если аффикс взаимного залога *-уш-* в тюркских языках действительно происходит от показателя множественного числа *-š*, то в самом источнике и в его производных должно быть нечто, специфически общее.

Семантика глаголов взаимного залога совершенно явно показывает, что исполнители всех этих действий должны быть как-то особо тесно между собой связаны, ср. тур. *sevişmek* 'любить друг друга', тат. *сугыш-* 'драться', то есть 'бить друг друга', *үбеш-* 'целоваться', то есть 'целовать друг друга', *ю-ыш-* 'мыть друг друга', ног. *барыс-* 'идти вместе', туркм. *алышмаг* 'обмениваться', чув. *ятлаш* 'спорить', *вәрәш-* 'бороться', узб. *ўпишмоқ* 'целоваться', *ёзишмоқ* 'переписываться', каз. *жарыс-* 'соревноваться', *жазыс-* 'переписываться' и т. д.

Непременным условием доказательства здесь должно быть семантическое уравнение:

множество людей, тесно между собой связанных = взаимность совершаемого ими действия.

Минуя эти условия, мы не получим взаимного залога.

В настоящее время мы можем показать развитие аффикса собирательной множественности *-š* на прилагаемой ниже схеме:

обозначение множества людей, тесно между собой связанных;

использование аффикса собирательной множественности *-š* в сфере глагола, для обозначения взаимного или совместного действия;

утрата именами существительными аффикса *-š*, поскольку глагольный суффикс *-š* делал его употребление плеонастичным;

³ Б. А. Серебрянников. Из истории звуков и форм тюркских языков. — «Советская тюркология», 1974, № 6, стр. 10—11.

⁴ Б. А. Серебрянников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 93.

⁵ Б. А. Серебрянников. Из истории звуков и форм тюркских языков, стр. 11.

под влиянием монгольских языков в тюркских языках средней Азии — киргизском, узбекском и казахском и в некоторых древних памятниках *-uŝ* появляется дополнительное значение простой множественности, ср. кирг. *алышат* 'они берут'.

Стремясь доказать, что аффикс взаимного залога связан с аффиксом собирательной множественности *-ŝ*, А. А. Юлдашев приводит такие примеры множественных чисел, которые этой семантикой не обладают, ср. *toquŝ* 'скот, предназначенный для убоя', *oquŝ* 'племя', 'родственник' (родственники могут быть между собою тесно не связаны), *arquŝ* 'караван', *jaŝtaŝ* 'крупа', *jeŝiŝ* 'фрукты', *ökiŝ* 'множество'⁶.

Если мы далее попытаемся рассмотреть эти множественные числа с точки зрения их структуры, то можем прийти к выводу, что они даже не являются формами множественного числа.

Если, по мнению А. А. Юлдашева, эти формы выражают собирательную множественность, то параллельно для сравнения нужно было бы привести форму единичности. Если *toquŝ* 'скот, предназначенный для убоя', то где здесь форма единичности? Совершенно очевидно, что это отглагольное имя с аффиксом *-uŝ*, ср. *aluŝ* 'взятие', *baŝuŝ* 'хождение' и т. п., тем более, что есть глагол *toqu-* 'стучать', 'бить'. *Toquŝ* имеет параллельную форму *toquŋ*. Аффиксы *-uŝ* и *-uŋ* часто чередуются, ср. *alun* 'долг' и *aluŝ-* 'взимание долга': где же форма единичности у формы *arquŝ* 'караван'? Это опять-таки отглагольное имя на *-uŝ* и связано, по-видимому, с исчезнувшим глаголом *arq-* 'нести на спине'.

Не указывается форма единичности от *oquŝ* 'племя'. Формы *oŋ* вообще не существует. Похоже, что и это слово представляет отглагольное имя на *-uŝ*.

Довольно подозрительно наличие аффикса собирательного множественного числа в слове *jaŝtaŝ* 'крупа', выражавшем в древнетюркском значение «мелкий», «тонкий»: *jaŝtaŝ* оп 'мука мелкого помола' (МКШ, 40)⁷. Поэтому *jaŝtaŝ* 'крупа' могло возникнуть в результате эллипсиса. Приводимое А. А. Юлдашевым слово *üküŝ* 'много' также может рассматриваться в своей основе как отглагольное или на *-uŝ* от глагола *ük-* 'собирать', 'накапливать'. Никаких форм собирательного множественного числа на *-ŝ* фактически здесь нет.

А. А. Юлдашев утверждает далее, что форму на *-ŝ* можно возвести к *-l* со значением множественности с большим основанием, чем к *-z*... Морфемы *-ŝ* и *-l* дублируют друг друга в значении множественности и в отдельных формах глагола типа древнетюркского *täriŝ ~ täril* 'собираться' (о многих) от *tär-*: *Imrân tariŝdi* (МК I, 107) 'народ собрался', *op-tümän sü täriltili* (Тон., 36) 'собралось десять тысяч войска'⁸.

Нельзя здесь не заметить, что такое возведение уже производилось предшественниками А. А. Юлдашева, на которых он также не ссылается.

Э. В. Севортян тоже считал возможным сблизить показатель *-ŝ* как фонематически, так и семасиологически с показателем *-l*, используя при этом наблюдаемое в тюркских языках чередование *ŝ ~ l*. Он приво-дил два примера из словаря Махмуда Кашгарского: *ton kirdin tograŝdi* и *ton kirdin tograldi* 'от грязи одежда разлезлась'⁹.

Следует отметить, что все эти сопоставления указывают на недооценку закономерностей исторической фонетики тюркских языков. Про-

⁶ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 8.

⁷ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 243.

⁸ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 9.

⁹ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 138.

стое *l* в истории тюркских языков никогда не переходило в *š*. В *š* могло переходить только *l* особой артикуляции (возможно билатеральное *l*). В чувашском языке оно переходило в *l*, а в остальных тюркских языках в *š*, ср. **qu:l* 'зима', чув. *xēl*, тат. *quš*.

Источники очень ясно свидетельствуют о том, что показатель взаимного залога -*ç* в чувашском восходит к *š*, а не к *l*, ср. чув. *văřç-* 'бороться', *çana-ç-* 'драться', *ятла-ç-* 'спорить' и т. д., но если бы здесь было *l* особой артикуляции, то оно в чувашском языке перешло бы неизбежно в *l* простое. Что же касается наличия таких примеров, как *tärišdi* и *tärgildi* 'собрался', то это говорит лишь о том, что, вследствие некоторой семантической близости взаимного и страдательного залогов, в отдельных случаях они могли взаимозаменяться.

В тюркологии давно установлено, что *l* особой артикуляции превратилось в чувашском языке в *l*, а в остальных тюркских языках — в *š*. По А. А. Юлдашеву же получается, что это *l* во многих случаях сохранилось: оно сохранилось в окончании множественного числа -*lar*, в аффиксе -*luq*, в аффиксе -*lap/-läp*, в значении приблизительного множества и т. д.¹⁰

Однако здесь нужно объяснить, почему фонетический закон перехода *l* в *š* оказался в данном случае нарушенным. А. А. Юлдашев, по-видимому, считает, что это мелочь, на которую можно и не обращать никакого внимания. Однако без объяснения этого факта его утверждения становятся совершенно недоказуемыми.

А. А. Юлдашев утверждает, что постулируемый им показатель множественности -*š* содержится в таких формах числительных, как баш. *ikešär* 'по два', *altušar* 'по шести' и т. д.¹¹

Эта гипотеза явно противоречит типологии образования форм числительных. К числительному не может быть присоединен аффикс множественного числа, так как числительное само по себе имплицитно содержит множественность в своем значении. Формы *ikeš*, *bišeš*, *altuš* и т. п. фактически невозможны.

Существующая гипотеза о возникновении этих форм в результате неправильного морфологического разложения формы *beşer* 'по пяти' гораздо лучше объяснит историю происхождения форм разделительных числительных.

В другом месте своей статьи А. А. Юлдашев утверждает следующее: «Особое разветвление в деривационном развитии формы на -*š*, базирующееся тоже на значении результативности, составляют: 1) редкие отглагольные имена типа древнетюркского *buşuŝ-* 'отрез (шелковой материи)'. Далее им приводятся отглагольные имена *kečiš-* 'переправа, переход...', *kileš лингв.* 'падеж', *kigiš* 'вступление', *köiniš* 'вид, явление в пьесе' и т. д.¹²

Вторую часть этих отглагольных имен обычно составляют различные причастные аффиксы. Аффикс -*uŝ-* никакой связи с показателем множественности -*š* в действительности не имеет.

А. А. Юлдашев пишет: «Залоговые значения совместности и взаимности по существу представляют собой суженное значение множественности, то есть количественное ограничение как самих сопряженных действий, так и их исполнителей, вызванное прежде всего синтаксическими потенциями глагола (взаимное значение) или условиями контекста (совместное значение), в конечном итоге тоже зависящими от синтаксических потенций глагола и коммуникативных запросов. Во мно-

¹⁰ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 9.

¹¹ Там же, стр. 8.

¹² Там же, стр. 20.

гих формах типа *qaraš-* 'смотреть друг на друга' (о двух или нескольких сопряженных субъектах, но не более того), *qavuş-* 'сойтись', 'соединиться', 'вступить в брак', *örüş-* 'целоваться' (только о двух сопряженных субъектах), взятых вне контекста, значение множественности исключено, зато неизбежно возникает значение взаимности, которое при всей его стабилизированности было и остается лексически обусловленным значением формы на *-š*, производным от ее значения множественности»¹³.

Нам вновь хотелось бы подчеркнуть, что А. А. Юлдашеву не удалось доказать наличие у аффикса *-uş-* первичного значения простой множественности.

Если все здесь зависит от синтаксических потенций и условий контекста, то почему же аффикс *-uş-* сугубо специализирован в своем значении? Ведь простая множественность действий могла быть передана в тюркских языках любым аффиксом многократного действия, которых в тюркских языках в древние времена было довольно много.

Неоправданные методы исследования не могут, по нашему мнению, привести к достижению поставленной цели.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- МК — М. Kāşgari. *Divanū lūgat-it-Türk tercümesi*. I—III. Ankara, 1939—1941.
Тон. — Памятник в честь Тоньюкука.
Х. Н. — Хоца Намсараев. *Собрание сочинений* в 5-ти томах. Рассказы и повести, т. I, Улан-Удэ, 1957.

¹³ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 11—12.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

В. Д. АРАКИН

СЕМЕН ГРИГОРЬЕВИЧ ЦЕРУНИАН (К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

В теперь уже далекие двадцатые годы в Москве, в Армянском переулке можно было почти ежедневно встретить человека преклонного возраста, слегка сгорбленного, с добрыми, ясными глазами, с палкой под левой подмышкой, шагавшего несколько нетвердой походкой по своему неизменному маршруту — в Лазаревский институт восточных языков. Работе в этом единственном в своем роде востоковедческом учебном заведении Семен Григорьевич Церуниан, выдающийся педагог, блестящий знаток турецкого языка отдал более сорока лет своей жизни.

С. Г. Церуниан (Дзеруниан) родился в Стамбуле в 1860 году. Он получил отличное образование в турецкой школе, а затем в горно-лесном училище. Окружавшая его многоязычная среда способствовала овладению способным юношей, помимо

родного — армянского, также языками турецким, французским (широко распространенным в те годы среди турецкой интеллигенции), и наконец, итальянским (также бывшим в обращении в кругах образованных слоев населения турецкой столицы).

1885 год оказался переломным в жизни будущего педагога. По приглашению профессора Московского Лазаревского института восточных языков Ставра Элевтериевича Сакова (1846—1921) С. Г. Церуниан приехал в Москву и был избран преподавателем кафедры турецко-татарского языка этого института, которую тот тогда возглавлял.

С. Г. Церуниан в Лазаревском институте провел всю свою трудовую жизнь, занимаясь преподаванием практического курса турецкого языка и турецкой каллиграфии, прививая студентам-османистам навыки разговорной речи и любовь к своему предмету.

Не получив специального педагогического образования молодой лектор в несколько необычных и новых для него условиях столь специфического высшего учебного заведения, каким в то время был Лазаревский институт, без стабильных программ, без четко сформулированных требований по отдельным курсам и, наконец, без каких-либо учебников и учебных пособий сумел блестяще проявить свой педагогический талант и преодолеть все многочисленные трудности. Как отмечал академик В. А. Гордлевский: «Лазаревский институт стоял тогда на распутье. Преподаванию восточных языков, шедшему в институте с 1844 года, грозила ликвидация — институт должен был превратиться в обычную классическую гимназию...»¹.

К счастью, как раз в этот период (16 декабря 1872 года) специальные классы получили новый устав и статус высшего учебного заведения с теми же правами, что и соответствующий университетский факультет². Был установлен трехгодичный срок обучения, причем особое внимание в учебном плане было обращено на изучение трех основных языков Ближнего Востока — арабского, персидского и турецкого (по 4 часа в неделю в течение всех трех лет). Весь учебный курс был разделен на теоретические и практические курсы. Теоретический курс вел С. Э. Саков. Этот курс, как отмечал В. А. Гордлевский³, состоял в чтении и комментировании текстов, без проверки и опроса студентов. Активное же овладение речью на турецком языке (практический курс) проводилось на занятиях, которыми бесценно и с большой любовью руководил тогда еще молодой С. Г. Церуниан.

Теперь может показаться удивительным и необъяснимым тот факт, что практические занятия по турецкому языку проводились без установленной и одобренной соответствующими органами программы и без каких-либо разработанных учебных материалов. Однако это так. И все же из стен Лазаревского института выходили люди, глубоко и основательно владевшие далеко не простым по своей структуре и стилистическим особенностям турецким разговорным и книжно-письменным языком. Этому во многом способствовали педагогическое мастерство С. Г. Церуниана и его удивительно тонкое и всестороннее знание турецкого языка.

Как правило, занятия по практическому курсу турецкого языка начинались в 9 часов. А С. Г. Церуниана же можно было видеть сидящем в своей аудитории уже в 8.30 или 8.45. Он был удивительно аккуратен и исключительно добросовестно до педантизма относился к своим педагогическим обязанностям. И эта его точность и обязательность положительно влияли на студентов. Казалось совершенно невозможным и невероятным заходить в аудиторию, где занимался Семен Григорьевич, после положенного начала занятий, хотя он никогда не высказывал видимого неудовольствия и не делал опаздывавшим никаких замечаний. Память у С. Г. Церуниана была поразительная: он не держал никаких списков студентов группы, но знал всех по фамилиям. Он помнил, кто пропускал его занятия, и всякий раз, когда студент, пропустивший несколько занятий, вновь появлялся, С. Г. Церуниан неизменно приветствовал его словами: «Siz çoktan görölmez oldunuz» («Вас давно не было видно»).

Проводя в течение более чем тридцати лет занятия по практическому курсу турецкого языка, С. Г. Церуниан сумел выработать свою собственную и, надо сказать, весьма действенную методику преподава-

¹ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Т. IV, М., 1968, стр. 402.

² А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, стр. 156.

³ В. А. Гордлевский. Указ. раб., стр. 405.

ния студентам разговорной турецкой речи. Постановкой турецкого произношения он не занимался, но обращал особое внимание на правильное использование гармонии гласных, особенно на употребление узких гласных в аффиксальных морфемах после корневых латинских (*ı*) и (*ü*). С большой любовью и терпением обучал он студентов турецкой каллиграфии, добиваясь овладения красивым почерком *рик'а*.

Обучение турецкой разговорной речи на его уроках начиналось с простых, обычных, но практически полезных фраз: например, *ilkbaharda çiçekler açılır* 'весной цветы распускаются (зацветают)'; *sonbaharda yapraklar dökülür* 'осенью листья опадают'; *yazın yağmur yağar, kışın kar yağar* 'летом идет дождь, зимой снег идет'. Эти фразы и подобные им мы, студенты, должны были записывать, а затем отвечать на многочисленные вопросы преподавателя, а также задавать вопросы друг другу и отвечать на них. В результате такой очень живой и непринужденной беседы у студентов вырабатывались необходимые навыки турецкой речи.

Граматику С. Г. Церуниан объяснял редко, так как параллельный курс грамматики турецкого языка в то время очень интересно и доходчиво читал для студентов-первокурсников профессор В. А. Гордлевский.

К концу первого семестра С. Г. Церуниан переходил к изучению знаменитых анекдотов (*latife*) или, лучше сказать, образцов острословия Ходжи Насреддина, излюбленного героя фольклорной литературы народов Ближнего Востока. Студенты получали собственноручно выполненные С. Г. Церунианом четким красивым почерком *рик'а* стеклографированные тексты, которые должны были служить пособием для овладения ими разговорной речи.

С. Г. Церуниан, переходя к новому тексту, обычно сам рассказывал студентам его содержание, выписывая новые слова и словосочетания на доске, а затем предлагал каждому из них пересказать текст с использованием новой лексики. Такой прием способствовал запоминанию текстов почти дословно. А так как все тексты изучаемых «анекдотов» были написаны простым и выразительным живым турецким языком и в изобилии содержали бытовую лексику, то к концу учебного года (первого курса) результаты оказывались поразительными. Студенты приобретали прочные навыки разговорной речи в пределах простого нераспространенного и распространенного предложения, то есть фактически могли объясняться на любые бытовые темы с использованием элементарной грамматики и применением достаточного числа свойственных турецкому языку речевых оборотов. Употребление каких бы то ни было придаточных предложений С. Г. Церунианом категорически запрещалось, поскольку овладение этой особенностью синтаксиса турецкого языка входило в программу студентов второго и старших курсов, где уже изучался книжно-письменный язык. На следующих курсах работа над речью продолжалась — помимо материалов «анекдотов» еще на базе написанного С. Г. Церунианом пособия «Турецко-русские разговоры», изданного литографическим способом в 1909 году. В. А. Гордлевский в своем предисловии к этому труду высоко оценил его достоинства.

В одно время с С. Г. Церунианом работали такие блестящие знатоки турецкого языка, как академик В. А. Гордлевский, которого востоковеды И. Ю. Крачковский, В. В. Струве, В. М. Алексеев, С. А. Козин называли лучшим в нашей стране знатоком турецкого языка и Турции⁴, основатель новой школы тюркологов, член-корреспондент Академии наук СССР Н. К. Дмитриев, Д. А. Магазаник — составитель первого турец-

⁴ А. П. Базилянц, Владимир Александрович Гордлевский. М., 1979.

ко-русского словаря современного турецкого языка⁵ и многие другие крупные ученые. С. Г. Церуниан, не будучи теоретиком, тем не менее обогатил нашу научную литературу по туркологии двумя уникальными трудами: упоминавшимся выше «Турецко-русскими разговорами» и «Курсом османских разговоров»⁶. Опубликованию последнего активно содействовал Н. К. Дмитриев, снабдивший его отличными комментариями и грамматическими пояснениями, что сделало этот, ставший в настоящее время библиографической редкостью труд, не имеющим себе равных⁷.

Скромный, педантично честный и крайне деликатный человек, С. Г. Церуниан умел увлечь своих учеников и внушить им любовь к изучаемому предмету. С. Г. Церуниан пользовался глубоким уважением у коллег, студентов и вообще у всех, кому посчастливилось знать этого замечательного человека.

Общественность Москвы высоко оценила педагогическую деятельность С. Г. Церуниана и, как отмечает историк Лазаревского института А. П. Базиянц: «На юбилей С. Г. Церуниана откликнулись многие московские газеты, в которых были помещены его портреты и приветственные речи сослуживцев и учеников»⁸. Среди них были такие корифеи пауки, как А. Е. Крымский и В. А. Гордлевский.

После Великой Октябрьской революции С. Г. Церуниан продолжал свою плодотворную педагогическую деятельность уже во вновь организованном Институте востоковедения, отдавая много сил подготовке кадров для молодой советской науки. Газета «Известия» в 1925 году в заметке «Чествование героев труда» писала: «В Институте Востоковедения имени Нариманова состоялся вечер смычки профессуры с пролетарским студенчеством по случаю исполнившегося сорокалетия научно-педагогической деятельности двух старейших преподавателей Института по кафедре турецкого языка товарища Церуниана и персидского языка — товарища Мирза-Джафара... Студенческими организациями Института вынесено постановление, поддержанное правлением Института, о возбуждении ходатайства о присвоении тт. Церуниану и Мирза-Джафару, ввиду их исключительных педагогических заслуг, звания профессоров»⁹.

Прошло уже пятьдесят лет после смерти С. Г. Церуниана (он умер 25 декабря 1931 г.) и мы, его благодарные ученики, с глубоким почтением склоняем свои уже поседевшие головы перед светлой памятью учителя — талантливого педагога, ученого и человека, чей благородный образ навсегда запечатлелся в наших сердцах.

⁵ Д. А. Магазаник. Турецко-русский словарь. 40 000 слов. Под редакцией В. А. Гордлевского. М., 1931.

⁶ С. Церуниан. Курс османских разговоров. (Материалы по османской фразеологии). Ч. 1. М., 1924.

⁷ См.: «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период». М., 1974, стр. 287.

⁸ А. П. Базиянц. Указ. раб., стр. 28.

⁹ А. П. Базиянц. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973, стр. 121—122.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

М. И. ТРОФИМОВ

О ПРОГРЕССИВНОЙ ГУБНОЙ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

По мнению большинства специалистов-тюркологов, губная гармония в современном уйгурском языке выражена слабо и непоследовательно¹ как в литературном языке, так и в диалектах². Отметим, что нечто подобное утверждает К. Брокельман относительно старого литературного языка Средней Азии³. А. Т. Кайдаров и Т. Талипов придерживаются такого же мнения, причем исходят они, по-видимому, главным образом из того, что форма проявления губного сингармонизма в уйгурском отличается от формы проявления его в киргизском и некоторых других тюркских языках⁴.

По общему мнению большинства ученых, степень проявления гармонии может сильно варьироваться как в различных говорах, так и в одном и том же говоре, и даже у одного и того же лица. Следует учитывать также переплетение двух планов — орфографии и фактического произношения.

Правила губной гармонии для уйгурского языка можно сформулировать следующим образом: после губных гласных *о, ö, и, ü* следуют узкие гласные *и, ü*⁵. Ассимиляции подвержены лишь узкие гласные⁶.

¹ W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türksprachen*. Leipzig, 1882, стр. 13, 25; G. Jarling. *Studien zu einer osttürkischen Lautlehre*. Lund—Leipzig, 1933, стр. 69; В. М. Насилов. *Грамматика уйгурского языка*. М., 1940, стр. 10; Ф. Г. Исхаков. *Гармония гласных в тюркских языках*. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 157; Л. А. Аганина. *Гармония гласных (сингармонизм) в илийском диалекте уйгурского языка*. — «Вестник Академии наук Казахской ССР». Алма-Ата, 1954, № 3, стр. 32, 37.

² А. К. Боровков. *Учебник уйгурского языка*. Л., 1935, стр. 6; А. Т. Кайдаров. *Развитие современного уйгурского литературного языка*. Ч. I. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1969, стр. 163.

³ C. Brockelmann. *Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens*. Leiden, 1954, стр. 52.

⁴ А. Т. Кайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка. — В кн. «Уйгурско-русский словарь». Алма-Ата, 1961, стр. 292; *его же*. Развитие современного уйгурского литературного языка, ч. I, стр. 278; Э. Кайдаров, Г. Сэдвакасов, Т. Талипов. *Назирки заман уйғур тили. 1-нчи кисим*. Алмута, 1963, стр. 266.

⁵ Н. А. Баскаков. Узловые вопросы уйгурской орфографии. — «Просвещение национальностей», 1935, № 3, стр. 32; *его же*. Уйгурский вокализм. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 118; Э. Наджиш. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 36—37; G. Raquette. *Eastern Türki Grammar*. P. I. — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin», Jg. XV, Abt. II, Westasiatische Studien, Berlin, 1912, стр. 45.

⁶ W. Radloff. Указ. раб., стр. 92; Н. А. Баскаков. Узловые вопросы уйгурской орфографии, стр. 32; *его же*. Уйгурский вокализм, стр. 118; Э. Наджиш. Указ. раб., стр. 37; Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 32; Т. Талипов. Система гласных в современном уйгурском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1960, стр. 11.

По-видимому, в уйгурском языке могут встречаться факультативные делабиализованные варианты с узким *i*. Поскольку в этой позиции противопоставление узких губного и негубного нейтрализуется, *i* и *и* или *й* представляют собой варианты одной архифонемы и могут обозначаться для экономии одной и той же буквой. (В более детализованных системах транскрипции картина может соответственно видоизменяться, так, например, Г. Ярринг дает следующий набор вариантов аффикса: *-m*: *-im*, *-it*, *-um*, *-üm*, *-ut*, *-ot*, *-öt*, *-et*, *-эт* и др.⁷).

Приведенные ниже примеры (если это специально не оговаривается) относятся к литературному языку и илийскому говору. Инициатором губной гармонии может быть не только начальный слог, но и средний, например: *täkšürdüm* 'я проверил', *täkšürüş* 'проверка, исследование', *jañsüüm* 'мой карман', *qajyuluq* 'грустный', *rajonluq* 'районный', *dirižöglük* 'дирижерский'⁸ (ср. пример из старого литературного языка *jazuqum* 'мой грех'⁹).

Наиболее последовательная гармония наблюдается в аффиксах. Поэтому рассмотрение ее в морфологическом плане представляет определенный интерес.

1. Губная гармония осуществляется в вокальных препозитивных призывах одноконсонантных аффиксов (К. Брокельман называет их «связующими гласными»). Сюда относятся:

а) именные притяжательные аффиксы: *dostum* 'мой друг', *öjüm* 'мой дом', *quşuq* 'твоя птица', *küñuq* 'твоя сила' и т. д.;

б) личное окончание второго лица повелительного наклонения *-η*: *qujuq* 'лей', *qojuq* 'поставь', *köñuq* 'посмотри' и т. д.;

в) аффикс деепричастия *-p*: *uñup* 'летя', *kütüp* 'ожидая', *kögüp* 'видя', *bolup* 'будучи' и т. д.;

г) аффикс имени действия *-š*: *uñış* 'драка', *tüzülüş* 'организация', *kögüş* 'видение' и т. д.;

д) залоговые аффиксы страдательного, возвратного и взаимного залогов *-l*, *-n*, *-š*, как правило, выступающие в середине слова: *ugulıpan* 'побитый', *tüzülgän* 'созданный', *bölündi* 'разделился', *kögüşünlar* 'повидайтесь' и т. д.;

е) многие другие словообразовательные аффиксы, например: *ojuq* 'ниша', *buzuq* 'испорченный', *tügrük* 'плевок'¹⁰.

Факультативно, по-видимому, встречаются как исключение делабиализованные варианты, например: Ярринг (кашгарск. *joliñya* 'тебе на дорогу'), Наджип (*öziñgä* 'тебе самому')¹¹.

К аффиксам данного типа примыкает еще аффикс *-ñi*, образующий порядковые числительные, поскольку в нем также может выступать аналогичный препозитивный призыв. Г. Ракетт указывал, что на этот аффикс распространяется действие губной гармонии¹². Правда, Ч. Г. Сай-

⁷ G. Jarring. Указ. раб., стр. 74.

⁸ G. Raquette. Указ. раб., стр. 45; O. Pritsak. Das Neuigurische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta». Т. I, Wiesbaden, 1959, стр. 540; Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 36; А. Т. Кайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка, стр. 292; Ч. Г. Сайфуллин. Уйгур тилиниң имласи билән елитбәситгә бази бир өзгиришләрни киргүзүш торилик. Алмута, 1958 (на правах рукописи), стр. 10.

⁹ S. Brockelmann. Указ. раб., стр. 53.

¹⁰ А. К. Боровков. Указ. раб., стр. 6—7; Н. А. Баскаков. Узловые вопросы уйгурской орфографии, стр. 33; его же. Уйгурский вокализм, стр. 118; В. М. Насилов. Указ. раб., стр. 9; O. Pritsak. Указ. раб., стр. 539—540; Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 32—33; Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 10; Т. Талипов. Система гласных в современном уйгурском языке, стр. 11; его же. Назирки заман уйгур тили, стр. 225, 227; Г. Садакасов. Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970, т. I, стр. 31.

¹¹ G. Jarring. Указ. раб., стр. 76; Э. Наджип. Указ. раб., стр. 65.

¹² G. Raquette. Указ. раб., стр. 29.

фуллин с этим не соглашается и относит его к числу аффиксов, не имеющих губных вариантов¹³.

Еще на первых конференциях, посвященных выработке уйгурской орфографии, было принято решение о фонетическом написании с губным в двусложных словах (с одним аффиксом), например: *közüm* 'мои глаза', *etür* 'пройдя', *bolur* 'будучи', *özüm* 'я сам'¹⁴, хотя не снималось с обсуждения и предложение писать в соответствии с «морфологическим» принципом *i*, то есть *bolir* 'будучи', *qolim* 'моя рука', *kögiş* 'видение' и т. д.¹⁵ Принятое тогда написание было сохранено и при переходе на новую графику, например: *юлум* 'моя рука', *көзүм* 'мои глаза', *бурулди* 'повернулся' и т. д.¹⁶

К. Брокельман приводит для старого литературного языка совершенно аналогичные примеры, в частности притяжательные формы, например: *sözüm* 'моя речь', *qutüm* 'мое счастье', *künüm* 'мой день', *könüm* 'мой нрав', *zulfun*||*zulfun* 'твой локон' и т. д.; отглагольные абстрактные имена на *ş*: *tutuş* 'сопротивление', *igüş* 'битье', *körünüş* 'приветствие' (ср. *biliş* 'знание'); различные другие отглагольные имена: *tugum* 'местоположение', *qonum* 'стоянка', *köçgüm* 'переселение' (но также *buuyum* 'состав'), *utunç* 'надежда', *qorqunç* 'страх', *tutunçu oğul* 'приемный сын' и т. д.; падежные формы: *sözüg* 'речь' (винительный падеж), *qojuu*||*qojuu* 'овцу', *qutun* 'счастьем' (инструментальный падеж), *unun*||*unun* 'голосом' и т. д.; залоговые формы: *qoşuldu* 'присоединился', *söküldi* 'был разрушен', *sunuldu* 'протягивался', *bürüldi* 'сморщился, съежился', *tutundu* 'был схвачен', *sökündi* 'стал на колени', *toqundy*||*toqundy* 'сражался за себя', *qoruştı* 'встали друг против друга', *körüştı* 'видели друг друга', *tutuştı* 'схватили друг друга', *sürgüştı* 'гнали друг друга', *kömiştı*||*kömüştı* 'помогали друг другу при зарывании'¹⁷.

2. Далее губная гармония осуществляется в аффиксе прошедшего времени *-di* в тех случаях, когда после него следует личное окончание, которое делает слог закрытым, например: *boldum* 'я стал', *kördüm* 'я увидел', *urdum* 'я ударил', *küttün* 'ты ждал', *oqudum*||*oqudum* 'я учился' и т. д.¹⁸

Аналогичные примеры приводит К. Брокельман для старого литературного языка, например: *qoptum* 'я встал', *qurdum* 'я натянул', *kördüm* 'я увидел', *tarundum* 'я служил', *boldum*||*boldum* 'я стал' и т. д.¹⁹

3. Действие прогрессивной губной гармонии наблюдается также в средних открытых слогах, в которых она сочетается с явлением редукции широких гласных и их перехода в узкие, губные или негубные, например: *bolumän* 'я буду', *tutmusun* 'пусть не держит', *sözlügän* 'разговаривавший', *sözlüsün* 'пусть говорит', *tülüdün* 'ты полинял', *ojnudiq* 'мы играли', *quluqum* 'мое ухо', *tögülär* 'верблюды', *topuluq* 'пыльный', *bolmysa*||

¹³ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 10.

¹⁴ «2 — Ujgur til-imla kəpirinsijisiniñ toxtamliri», «Резолюции и материалы 2-ой Всеуйгурской научно-орфографической конференции 1930 года в г. Алма-Ате». Кызыл-Орда, 1932, стр. 15.

¹⁵ *Malur. Sözi. Şərq həcqiiti*. 1937, 12—IV.

¹⁶ С. К. Кенесбаев, А. Т. Кайдаров. О новой уйгурской орфографии. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения». Алма-Ата, 1960, вып. 2 (15), стр. 90—91.

¹⁷ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 53, 55—57, 62, 74.

¹⁸ О. Pritsak. Указ. раб., стр. 539; Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 33; Э. Наджип. Указ. раб., стр. 62, 64; Т. Талипов. Система гласных..., стр. 11; его же. Назирки заман уйгур тили, стр. 227; В. М. Насилов. Указ. раб., стр. 9.

¹⁹ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 57.

bolmusa 'в противном случае', üčigi||üčügi 'спячка' и т. д.²⁰ (Конечно, в словах, в которых редукция широких гласных по каким-то причинам вообще не наступает, хотя бы как факультативный вариант, не действует и губная гармония, например: dutarim 'мой дутар', ö:länip 'женившись', körsätip 'показав' и т. д.).

Согласно принятым ныне правилам орфографии, с внесенными в них последними уточнениями, лабиализация в данной позиции на письме не отражается, то есть пишут *болиду* 'будет', *көриду* 'увидит', *бөлиги* 'его доля', *жулигим* 'мое ухо', *журигим* 'мое сердце', *төгиға* 'верблюду', *сөзлимак* 'говорить' и т. д.²¹ Это объясняется тем, что для противопоставления узких губных и негубных данная позиция является слабой, и оба звукотипа представляют собой лишь варианты одной архифонемы, которая может обозначаться одним и тем же знаком.

4. Губная гармония проявляется также в исходе глагольных основ, оканчивающихся на узкий гласный, то есть в тех случаях, когда этот слог закрывается одноконсонантным аффиксом, например: oquš 'учение', cögüš 'выплескивание', 'выбрасывание', bujgur 'приказав', qogujdu 'он охраняет'; или тогда, когда этот гласный оказывается в среднем открытом слоге, например: oqudum 'я учился', qo:rumaq 'жарить', cögüdüm 'я выплеснул', 'выбросил'²². Ч. Г. Сайфуллин был, кажется, единственным, кто предлагал и в этом случае писать *и*, например, *оқиш*²³, но это предложение не было принято.

К. Брокельман приводит аналогичные примеры из Махмуда Кашгарского и Кутадгу Билиг: oqıştı||oquştı 'учился', oqıylı||oquylı 'ученый', toqıldı||toquldı 'был бит', toqış||toquş 'избиение' и т. д.²⁴

Это правило не распространяется на основы с широкими гласными в исходе, например: soqar 'спросив', kolaş 'копание', boşatti 'освободил', sugaşturmaq 'размазывать'²⁵. Этим же, вероятно, объясняются такие примеры, как özgärmäk 'изменять', kökärümäk 'синеть', tüzätmäk 'исправлять' (не от глагола tüzümäk 'составить', а от прилагательного tüz 'прямой'), то есть гласный *ä* везде является первоначальным²⁶. Исключением являются те случаи, когда эти гласные оказываются в средних откры-

²⁰ С. Е. Малов. Материалы по уйгурским наречиям Синьдзяня. — В сб. «С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности», Л., 1934, стр. 309; «Резолюции и материалы 2-ой Всеуйгурской научно-орфографической конференции...», стр. 15, 27; В. М. Насилов. Указ. раб., стр. 9; Н. А. Баскаков. Уйгурский вокализм, стр. 118, 121; Э. Наджип. Указ. раб., стр. 37; О. Pritsak. Указ. раб., стр. 538; Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 34, 37; *ее же*. Фонетические закономерности чиликского диалекта уйгурского языка. — «Краткие сообщения Института народов Азии. 72. Языкознание». М., 1963, стр. 122; А. Т. Кайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка, стр. 292; А. Шамиева и Х. Махмудов. Вопросы орфографии современного уйгурского литературного языка. — «Известия АН Казахской ССР. № 85. Серия уйгуро-дунганской культуры», вып. I, Алма-Ата, 1950, стр. 20; Т. Талипов. Система гласных..., стр. 11—13; *его же*. Назирки заман уйгур тили, стр. 228; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 278, 281, 287; Э. Наджип. Указ. раб., стр. 37.

²¹ Г. Садвакасов. Уйгур әдебий тилиниң имла кәндилери. Алмута, 1961, стр. 13—14.
²² Там же, стр. 14; С. К. Кенесбаев, А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 91; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 278; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 30.

²³ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 11.

²⁴ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 53.

²⁵ Л. А. Аганина. Гармония гласных (сингармонизм) в илийском диалекте уйгурского языка, стр. 34; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 30; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 278.

²⁶ А. Т. Кайдаров. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1969, стр. 83; *его же*. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 164.

тых слогах, как, например, в составных глаголах *oɣnuvalmaq* 'поиграть', *koɣuvätti* 'выкопал'²⁷.

5. Действие губной гармонии распространяется также на некоторые аффиксы, построенные по схеме СГС.

а) В первую очередь это относится к аффиксу *-liq/-lik/-luq/-lük*, например: *dostluq* 'дружба', *közlük* 'имеющий глаза', *pulluq* 'денежный, денежность', *küzlük* 'осень' и т. д. Однако встречаются и делабиализованные варианты, например: Ракетт (кашгарск.-яркендск. *dostlıq* 'дружба'), Садвакасов (ферганск. *söllik* 'сочный' и др.)²⁸. К. Брокельман приводит для старого литературного языка аналогичные примеры: *otluq* 'засаженный лесом', *ögürlüg* 'имеющий пшено', *körklüg* 'прекрасный', *qıguyluq* 'сухость', *otuqluq* 'дровяник', *qayunluq* 'бахча'²⁹. (К. Брокельман различает два аффикса: адъективный аффикс *-liq/-lig* и аффикс абстрактности и совокупности *-liq/-lik*, которые в современном литературном уйгурском языке соединились в одном аффиксе). Правда, лабиализованные варианты могут появиться и не будучи вызваны губной гармонией, причем начиная с орхонских текстов: *qarluq* 'этноним', *atluq* 'лошадиный загон', *bazlux* 'мир', *jäkiügün* 'с демонами'³⁰.

б) Часто утверждают, что губная гармония не распространяется на аффикс родительного падежа³¹. В. М. Насилов приводит примеры: *uñiñ* 'его', *şuñiñdin* 'от этого'. Однако существует и множество противоположных примеров, приведенных теми же авторами и для самых различных диалектов. Еще на 2-ой Всеуйгурской научно-орфографической конференции в Алма-Ате отмечалось, что этот аффикс имеет лабиализованные варианты³². Л. А. Аганина указывает для семиреченского говора, что формы *uñiñdin||unuñdin||unuñdin* 'от того' одинаково правомерны. Г. Садвакасов для ферганского говора также дает формы как лабиализованные, так и делабиализованные: *qolñiñ||qolñuñ* 'руки' и т. д.³³ О. Прицак считает, что в литературном языке существует только форма с негубным гласным, то же в южных диалектах. В илийском диалекте губные варианты редки, но они нередко встречаются в других северных диалектах — турфанском или особенно часто — в хамийском и лобнорском, например, литературн. *közñiñ* 'глаза', илийск. Радлов *qoşñiñ* 'пáры', хотунпññ||хотунпññ 'жены', турфанск. Лекок *dosñuñ* 'друга', хамийск. Катанов, Малов *хотунпññ* 'жены', *tüşñiñ* 'сна', а, с другой стороны, кашгарск.-яркендск. Ярринг *хатунпññ* 'жены', хотанск. Ярринг *kölñiñ* 'озера', *qışñiñ* 'птицы'³⁴.

Приведенный материал, вероятно, слишком отрывочен, чтобы делать окончательные выводы; ясно только одно — лабиализованные варианты могут встречаться практически во всех диалектах, хотя в литературном языке они, видимо, встречаются с меньшей регулярностью.

²⁷ Т. Талипов. Назирки заман уйгур тили, стр. 229.

²⁸ G. Raquette. Указ. раб., стр. 65—66; «Резолюции и материалы 2-ой Всеуйгурской научно-орфографической конференции», стр. 16; Н. А. Баскаков. Узловые вопросы уйгурской орфографии, стр. 27, 33; *его же*. Уйгурский вокализм, стр. 118; О. Pritsak. Указ. раб., стр. 539; Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 33; Т. Талипов. Система гласных..., стр. 11; *его же*. Назирки заман уйгур тили, стр. 225, 228; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 31.

²⁹ C. Brockelmann. Указ. раб., стр. 54—55.

³⁰ Там же, стр. 61.

³¹ В. М. Насилов. Указ. раб., стр. 9; О. Pritsak. Указ. раб., стр. 540; Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 33; Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 10.

³² «Резолюции и материалы 2-ой Всеуйгурской научно-орфографической конференции», стр. 26.

³³ Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 31.

³⁴ О. Pritsak. Указ. раб., стр. 540.

К. Брокельман для старого литературного языка приводит примеры обоих вариантов: *kölniñ* 'озера', *sözniñ* 'слова', но *künñiñ* 'солнца', *özniñ* 'самого себя', *tiñiñ* 'этого', *xatuniñ* 'жены'³⁵.

в) В значительной мере то же самое можно повторить относительно аффикса исходного падежа. О. Прицак отмечает, что в литературном языке существует лишь делабиализованная форма аффикса³⁶, то же самое утверждает и Ч. Г. Сайфуллин³⁷, а Л. А. Аганина говорит, что это вообще характерно для падежных аффиксов³⁸. Однако еще на упомянутой орфографической конференции 1930 года было принято написание как негубных, так и губных вариантов этого аффикса *-din/-tin/-dun/-tun/-tyn*³⁹. О. Прицак писал, что лабиализованные формы аффиксов как раз характерны для илийского говора. В. М. Насилов приводит следующие формы кашгарского говора: *şiniñdin* 'от этого', *guldin* 'от цветка', на аналогичные формы ссылаются и Г. Ярринг: *sudīn* 'из воды', *küldin* 'из золы', литературн. *közünđin* 'из твоих глаз'⁴⁰. Однако можно привести и множество примеров лабиализованных форм. Выше уже приводились формы *uniñdin*||*upuñdin*||*upuñdun*, которые Л. А. Аганина считает одинаково правомерными. И. Г. Садвакасов для ферганского говора, особенно близкого к кашгарскому, приводит формы как с узкими, так и с широкими (как в узбекском) гласными, в качестве факультативных вариантов: *-din/-dun/-dün/-dan/-dän*, например: *tojđin* ~ *tojđun* ~ *tojdan* ~ *tojđän* 'от свадьбы', *üzümdin* ~ *üzümdün* ~ *üzümdän* 'из винограда'⁴¹. О. Прицак приводит примеры из северных диалектов: илийск. (Малов *börüdüñ* 'от волка', *qoştun* 'от пары'); турфанск. (Лекок *mulladun* 'от муллы', но *hotundin* 'от жены'); хамийск. (Малов *hotundun* 'от жены'); лобнорск. (Малов *qoludun* 'из его руки')⁴². Аналогичные примеры дает К. Брокельман для старого литературного языка: *uğayuttin* 'от женщины', *suwdin* 'из воды', *ažundin* 'от мира', *kökđin* 'с неба', но также *orundin*||*orundun* 'с места', *äđgüdün* 'от добра'⁴³.

г) Л. А. Аганина указывает, что по Г. Яррингу основным исключением среди аффиксов, не подверженным губной гармонии, является именной аффикс (отсутственного падежа) *-siz* (из советских авторов эту точку зрения поддерживает лишь Ч. Г. Сайфуллин)⁴⁴, вместе с тем она приводит ряд примеров (из семиреченского говора) противоречащих этому: *bolumsuz* 'глуповатый, непрактичный', *kögümsüz* 'неприглядный', *oğunsuz* 'без места' и т. д.⁴⁵

К. Брокельман дает аналогичные примеры из старого литературного языка, например: *tütünsüz* 'без дыма', *jolsuz* 'некстати', *körksüzi* 'его некрасивость', *usuz* 'без сна', *bolumsüz*||*bolumsuz* 'непостоянный', но также *küčsiz* 'бессильный', *uqušsiz* 'непонятный'⁴⁶.

д) Что касается других аффиксов, построенных по схеме СГС, то о них у нас достаточных данных нет. Ч. Г. Сайфуллин (как и в других случаях) считает, что аффикс повелительного наклонения *-yin-gin-qin-kin*

³⁵ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 55—56.

³⁶ О. Pritsak. Указ. раб., стр. 540.

³⁷ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 10.

³⁸ Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 33.

³⁹ «Резолюции и материалы 2-ой Всеуйгурской научно-орфографической конференции», стр. 26.

⁴⁰ О. Pritsak. Указ. раб., стр. 540.

⁴¹ Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 31.

⁴² О. Pritsak. Указ. раб., стр. 540.

⁴³ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 56.

⁴⁴ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 10.

⁴⁵ Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 33.

⁴⁶ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 56, 171.

не имеет губных вариантов⁴⁷. Правда, он имеет в виду прежде всего орфографию, но следует отметить, что К. Брокельман говорит то же самое об аффиксе *-yil-gil-qil-kil* в старом литературном языке⁴⁸. Другие аффиксы этого типа, по К. Брокельману, показывают ту же картину: иногда они подчиняются губной гармонии, иногда нет, причем имеются аффиксы, у которых, возможно, вообще нет губных вариантов⁴⁹.

6. Губная гармония может проявляться и в неразложимых основах, двусложных и многосложных, например; *otun* 'дрова', *bıgıun* 'нос', *öküz* 'бык', *ıñıun* 'для', *ötüñ* 'жизнь' (в последнем случае она распространилась на эпентетический гласный, который появился для разрядки стечения согласных в заимствованном слове), *tupzuqtu* 'задыхался'. Однако факультативно встречаются и нарушения гармонии, например: *mühim* 'важный'. Аналогичные примеры приводит К. Брокельман из старых литературных памятников, например: *bulit||bulut* 'облако', *unitti||unutti* 'забыл'⁵⁰. Нельзя считать нарушением губной гармонии случаи, когда после губного следует широкий негубной, потому что такие гласные вообще не подвержены в уйгурском языке действию губной гармонии: *buç-daj* 'пшеница', *osal* 'плохой', *roñzak* 'мяч', *ruşajman* 'рассказание' и т. д.

7. Губной сингармонизм в уйгурском языке, как правило, не распространяется на гласные в абсолютном исходе слова⁵¹. Ч. Г. Сайфуллин в списке аффиксов, не подверженных губной гармонии, приводит такие аффиксы, как *-и* (аффикс принадлежности), *-и* (образующий прилагательные), *-си* (аффикс принадлежности), *-ди/-ти* (образующий прошедшее время), *-ни* (образующий винительный падеж), *-чи* (образующий существительные), *-ғи/-ғи/-ғи/-ки* (образующий прилагательные), *-нчи* (образующий порядковые числительные)⁵².

а) Аффикс принадлежности 3-го лица в литературном языке, как правило, не лабиализуется, например: *közi* 'его глаза', *qoli* 'его рука'. Н. А. Баскаков чуть ли не единственный автор, который приводит для уйгурского формы, характерные скорее для других тюркских языков, например: *kücü* 'его сила', *künü* 'его день'⁵³. А. Т. Кайдаров приводит форму *tünügüni||tünügünü* 'вчера'⁵⁴. К. Брокельман также отмечает, что аффиксы *-i*, *-si* совсем не подчиняются губной гармонии (то же самое говорят В. В. Радлов, В. Томсен, М. Ряснен, В. Грэнбек). Только в кыпчакских диалектах встречаются такие примеры, как *kök jolu* 'Млечный Путь', *quş qujquyu* 'абсцесс', *körgi||körgü* 'красота'⁵⁵.

б) Не лабиализуется гласный в аффиксе прошедшего времени *-di/-ti* (так же как в омонимичном аффиксе отглагольного существительного), когда он стоит последним в слове, например: *tutti* 'держал', *öltürdi* 'убил' и т. д. То же говорит К. Брокельман, причем лабиализованные варианты он относит на счет кыпчакских диалектов, например: *oqudu* 'читал', *öltürdü* 'убил' и т. д.⁵⁶

⁴⁷ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб.

⁴⁸ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 57, прим. 3.

⁴⁹ Там же, стр. 54—55, 57.

⁵⁰ Там же, стр. 53.

⁵¹ Э. Наджи. Указ. раб., стр. 37; «Резолюции и материалы 2-ой Всеуйгурской научно-орфографической конференции...», стр. 27; В. М. Насилов. Указ. раб., стр. 9.

⁵² Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 10.

⁵³ Н. А. Баскаков. Узловые вопросы уйгурской орфографии, стр. 33; его же. Уйгурский вокализм, стр. 118.

⁵⁴ А. Т. Кайдаров. Уйгурский (новоуйгурский) язык. — В кн. «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 369.

⁵⁵ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 54.

⁵⁶ Там же, стр. 57, прим. 2; стр. 54.

в) К этой же группе принадлежит аффикс винительного падежа *-ni*, например: *qolunpi* 'мою руку', *uni* 'его', *sözni* 'речь'. О. Прицак приводит пример из лобнорского диалекта: *tuñuzzu qıñıyupı* 'свиной хвост'⁵⁷.

Г. Садвакасов отмечает, что в ферганском говоре аффикс родительного падежа в результате редукции конечного согласного может стать омонимичным аффиксу винительного падежа, причем факультативно иметь и лабиализованную форму, например: *qolnıñ ~ qolnı ~ qolnıñ ~ qolnı* 'руки', *öjñiñ ~ öjñi ~ öjñiñ ~ öjñü* 'дома' и т. д.⁵⁸

г) Об аффиксах *-či*, *-ki* // *-gi* говорилось выше. У К. Брокельмана также отмечается, что губной гармонии они не подвержены.

д) В корнях в абсолютном исходе слова встречаются как губные, так и негубные узкие и даже широкие гласные, например: *bögi ~ böğü ~ bögä* 'волк', *tülki ~ tülkü ~ tülkä* 'лиса'⁵⁹. Слово *toyrı* || *toyrı* 'правильно'⁶⁰ в современном языке не разлагается на морфемы, хотя К. Брокельман ставит его в ряд слов с суффиксом *-rı/-ru*, например: *jöygi* 'миска, блюдо', *toyrı* 'прямой', *jumrı* || *jumrı* 'круглый', *otrı* 'напротив'⁶¹. К. Брокельман приводит еще пример — *köni* 'прямой, справедливый', причем в производных словах этого корня губная гармония часто берет верх: *könilik* || *könülük*, *könülür*, *könülgü*, но *könitdi*⁶².

е) Основа глагола может выступать без аффиксов, образуя одну из форм повелительного наклонения. Если такая основа оканчивается на узкий гласный, то, как правило, этот гласный негубной, например: *oqi* 'учись', *qoqi* 'охраняй', 'поджарь', *čögi* 'выброси', *buji* 'прикажи'⁶³. Л. А. Аганина, правда, дает для глагола *oqıtaq* 'читать' другое правило. Она считает правильной форму *oqi* 'читай', а форму *oqi* — диалектной⁶⁴. Однако подобное мнение высказывается только ею. (К. Брокельман приводит делабиализованные формы, но не как императив, а как основы глаголов, а именно — *oqi* 'учиться' — из «Кутадгу билиг», *toqi* 'бить', *qoqi* 'защищать', *ıdı* 'спать'⁶⁵).

ж) К. Брокельман приводит формы с аффиксом *-li* (без отпавшего конечного гуттурального) и отмечает, что они не лабиализуются: *ıqıyılı* 'понятный', *rısuıılı* 'находящийся в засаде'. Лабиализованные варианты этого аффикса встречаются лишь в *Codex Cumanicus*, и то не всегда⁶⁶.

Существует мнение, что проявление губной гармонии зависит также от ряда факторов, в частности, наличия или отсутствия губных гласных, ударности и безударности, открытости и закрытости слога, количества и качества согласных, на стыке между корнем и аффиксом и пр.⁶⁷

В качестве одного из факторов, вызывающих нарушение гармонии, указывалось на длину слова. Конкретно говоря, с удалением от начала

⁵⁷ О. Pritsak. Указ. раб.

⁵⁸ Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 31.

⁵⁹ Т. Талипов. Развитие фонетической структуры уйгурского языка. Алма-Ата, 1972, стр. 67.

⁶⁰ Э. Наджип. Указ. раб., стр. 63, 67.

⁶¹ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 54.

⁶² Там же, стр. 53.

⁶³ О. Pritsak. Указ. раб., стр. 539; Г. Садвакасов. Уйгур әдәбий тилиниң имла қандилири. Алмута, 1961, стр. 14; С. К. Кенесбаев, А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 91; А. Т. Кайдаров. Развитие современного литературного языка, стр. 278; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 30.

⁶⁴ Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 32.

⁶⁵ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 53.

⁶⁶ Там же, стр. 54.

⁶⁷ Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 37; А. Т. Кайдаров. Уйгурский (новоуйгурский) язык. — В кн. «Языки народов СССР», стр. 369; его же. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 27.

слова возрастает вероятность появления негубных вариантов⁶⁸. Однако четкой качественной разницы в этом отношении между вторым и третьим слогами, считая от слога-инициатора, не замечается, поэтому у нас нет оснований проводить различие между производящей основой в узком смысле и словом в целом. О. Прицак предполагает другое ограничение: в диалектах губные гласные встречаются не дальше третьего слога⁶⁹, однако это тоже представляется сомнительным. Э. Наджип указывает, что если в первых двух слогах действует губная гармония, а в третьем нет, то этот последний не оказывает какого-либо влияния на предыдущие, например: *buɣruɣi* 'его приказ', *köŋügi* 'его красота', *bolu-ſiɣa* 'его пребыванию', *toɣrusida* 'относительно' и даже *oɣtuɣi* 'учитель' (возможно, заимствовано из казахского)⁷⁰. Ч. Г. Сайфуллин высказал другую точку зрения⁷¹, однако он имел в виду в первую очередь орфографию. У нас слишком мало материала для более четких выводов, хотя можно указать примеры появления губного гласного в третьем слоге: *buɣruɣuɣ* 'твой приказ' и в четвертом, например: *oɣulluɣum* 'мои сыновья', *olturuſluɣ* 'оседлый', *oɣunɣuɣuɣ* 'твоя игрушка', *qollunuluſ* 'применение'⁷². (Примеры относятся главным образом к илийскому говору и к литературному языку, но, вероятно, аналогичные примеры встречаются и в других диалектах и говорах). О. Прицак приводит примеры появления негубных гласных в четвертом слоге после двух-трех губных, например: турфанск. *Leɣok mǎzlǔtmǔmniɣ* 'моей жены', илийск. *Radlov sözüñüzniɣ* 'вашей речи', однако такие варианты могут оказаться факультативными. Иногда сохранение губного может быть объяснено регрессивным влиянием последующего аффикса, например: *kötürülüdu* 'поднимается', впрочем, это опять-таки не обязательно, например, в слове *çüñüſüdiɣan* 'понимаемый' этого нет⁷³.

В связи с вышесказанным мы рассмотрим отношение к губной гармонии некоторых двусложных аффиксов с первым открытым слогом.

Именной аффикс *-çiliq/-çilik* Ч. Г. Сайфуллин в своей работе, посвященной вопросам орфографии, относит к аффиксам, не имеющим губных вариантов⁷⁴. Подобная точка зрения отражена и в новых правилах орфографии⁷⁵. Однако в своей работе, посвященной ферганскому говору, Г. Садвакасов все-таки приводит лабиализованные варианты этого аффикса: *toxçuluɣ* 'достаток', 'обилие', *körçülük* 'большинство'⁷⁶.

Аффикс деепричастной формы *-yili/-gili/-qili/-kili* Ч. Г. Сайфуллин также относит к не имеющим губных вариантов⁷⁷. И опять-таки Т. Талипов приводит такие варианты: *sözlügüli* 'разговаривать', *boɣluɣuli* 'чтобы сравняться ростом'⁷⁸.

Аффикс причастия *-diɣan*, по-видимому, также относится к делабиализованным аффиксам, хотя могут факультативно встречаться и формы типа *boluduɣan* 'имеющий быть'.

⁶⁸ Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 37. А. Т. Кайдаров. Уйгурский (новоуйгурский) язык, стр. 369.

⁶⁹ О. Прицак. Указ. раб., стр. 540.

⁷⁰ Э. Наджип. Указ. раб., стр. 36, 60, 62, 64; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 30.

⁷¹ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 11, прим. 2.

⁷² О. Прицак. Указ. раб., стр. 539; Э. Наджип. Указ. раб., стр. 60; А. Т. Кайдаров. Уйгурский (новоуйгурский язык), стр. 369; Т. Талипов. Система гласных в современном уйгурском языке, стр. 11; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 188.

⁷³ Т. Талипов. Назирки заман уйғур тили, стр. 228—229.

⁷⁴ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 10.

⁷⁵ Г. Садвакасов. Уйғур әдәбий тилиниң имла қандилири, стр. 37.

⁷⁶ Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 31.

⁷⁷ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб.

⁷⁸ Т. Талипов. Назирки заман уйғур тили, стр. 228.

Аффиксы *-imiz*, *-iniz* (личные аффиксы глагола или притяжательные аффиксы имен) также с орфографической точки зрения могут относиться к индифферентным⁷⁹ (то же говорит и К. Брокельман⁸⁰). И в самом деле, О. Прицак приводит примеры *buǵıyımız* 'наш приказ', *tuız-luııımız* 'наше замерзание'⁸¹. Однако Г. Садвакасов в ферганском говоре обнаруживает примеры с лабиализованным препозитивным гласным этого аффикса: *qıǵımız* 'наша птица', *ǵıǵıǵız* 'ваш сон'⁸². А. Т. Кайдаров для одного из диалектов приводит форму *qosıqıtuız* 'наш живот'⁸³. Наконец, к числу аффиксов, не имеющих лабиализованных вариантов, относится также аффикс прошедшего времени 2-го лица множественного числа *-dıǵız/-tıǵız*⁸⁴.

Некоторые авторы считают, что определенную роль в прогрессивной губной гармонии играют открытость и закрытость слога. Например, Т. Талипов утверждает, что прогрессивный губной сингармонизм проявляется последовательно, если губной гласный корня или основы отделен от следующего слога одним согласным⁸⁵. Л. А. Аганина считает, что если слоги разделяют два согласных, губная гармония не проявляется, даже если один из согласных выпадает, например: *oǵraq* 'серп' — *oǵrıǵım* 'мой серп', *qoǵraq* 'трус' — *qoǵrıǵım* 'мой страх', *poǵzäk* 'мяч' — *poǵzıǵım* 'мой мяч', *pöväť* 'очередь' (< *pövvät*) — *pöviťim* 'моя очередь'⁸⁶. Это правило кажется сомнительным, поскольку встречаются примеры вроде *öldüm* 'я умер', *qoǵıyım* 'мой живот'. Э. Наджип, формулируя правила губного сингармонизма, также особо оговаривает открытость или закрытость слога⁸⁷. Действительно, губная гармония часто проявляется в словах с открытым средним слогом и закрытым — конечным. Однако это не следует считать результатом действия какого-то фонетического закона; скорее всего это результат стечения ряда указанных выше обстоятельств. Напомним их. Губная гармония действует: 1) в препозитивных призывках одноконсонантных аффиксов; 2) в средних открытых слогах; 3) она не действует в абсолютном исходе слова. Но поскольку гармония проявляется также в аффиксах типа СГС, хотя, может быть, и реже, то перегородка из двух согласных между слогами, видимо, не является препятствием для нее, например: *öldüm* 'я умер', *tırdım* 'я стоял', *türlük* 'различный' и т. д.

Некоторые авторы предполагают существование в уйгурском языке одновременно с прогрессивной и регрессивной губной гармонии узких гласных. Л. А. Аганина приводит примеры присоединения частицы с губным гласным, так что гласный, который был в абсолютном исходе слова, оказывается в результате как бы в среднем слоге и подвергается лабиализации, причем в обеих позициях: как после губных гласных, так и после негубных. Это распространяется и на широкие, и на узкие гласные: *bolsuǵı* 'а если', *tojduyı* 'ведь наелся', *sojduyı* 'ведь зарезал', *kälduyı* 'ведь пришел', *kälsuıyı* 'хоть бы пришел', *assuıyı* (< *atsuıyı*) 'если бы выстрелил'⁸⁸. Однако Ч. Г. Сайфуллин дает противоположные примеры,

⁷⁹ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб.

⁸⁰ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 53—54.

⁸¹ О. Pritsak. Указ. раб., стр. 539.

⁸² Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 31.

⁸³ А. Т. Кайдаров. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. стр. 95.

⁸⁴ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб.

⁸⁵ Т. Талипов. Һазирки заман уйғур тили, стр. 228; Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 36.

⁸⁶ Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 34.

⁸⁷ Э. Наджип. Указ. раб., стр. 36—37.

⁸⁸ Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 37.

когда аффикс с губным, оказавшись перед частицей *-u*, подвергается делабиализации: *išlājdiyu* 'ведь работает', *baridiyu* 'ведь идет'⁸⁹. Еще реже это явление встречается в корнях. Н. А. Баскаков упоминает о такой возможности⁹⁰. Г. Ярринг приводит пример *digüzümäk* > *dügüzümäk* 'шататься', 'спотыкаться'⁹¹. К. Брокельман также приводит пример: *kirgür* > *kigür* > *kügür* основа глагола 'ввести'⁹².

В. М. Насилов останавливается на примерах нарушения губной гармонии в словах с широкими гласными в корне: *közi* 'его глаза', *qoli* 'его рука', *közidiki* 'находящийся в его глазах'⁹³. Л. А. Аганина, наоборот, утверждает, что в основах лабиализация проводится более последовательно в тех случаях, когда в первом слоге двусложных слов выступают широкие гласные *o/ö*⁹⁴.

Л. А. Аганина, указав на примеры *bolmisa* 'если не', *bolmisiču* 'а если не', высказывает предположение, что аффикс отрицания *-mi-* (*-ta-*) препятствует проявлению губной гармонии⁹⁵. Однако многие авторы приводят лабиализованные варианты этого аффикса: *tutmusun* 'пусть не хватает', илийск. Малов *ixmodum* 'я не понял', илийск. Радлов *bolmisa|| bolmusa* 'в противном случае', *uqtudum* 'я не понял', *üzmsün* 'пусть не рвет'⁹⁶.

Т. Талипов считает, что губной гармонии не подвержены в основном те же аффиксы, которые не подчиняются небной гармонии⁹⁷. Это, конечно, неточно. Например, аффикс местного падежа *-da/-dä* не подчиняется губной гармонии, но подчиняется небной. Наоборот, аффикс прошедшего времени *-dim/-dum* подчиняется губной гармонии, но часто не подчиняется небной.

Таким образом, губная гармония в современном уйгурском языке проявляется довольно последовательно в слогах с узкими гласными. Она не распространяется лишь на позицию в абсолютном исходе слова и на некоторые аффиксы. Однако спорадически могут появляться факультативные варианты с узкими негубными, причем вероятность их появления, видимо, возрастет с увеличением длины слова. Это может быть объяснено тем, что в этой позиции узкие гласные — губные и негубные — являются вариантами одной архифонемы. В конечном счете, вопрос о губной гармонии следует рассматривать в рамках более широкого вопроса о лабиализации и делабиализации узких гласных.

⁸⁹ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 14.

⁹⁰ Н. А. Баскаков. Узловые вопросы уйгурской орфографии, стр. 33.

⁹¹ G. Jarring. Указ. раб., стр. 95.

⁹² C. Brockelmann. Указ. раб., стр. 62.

⁹³ В. М. Насилов. Указ. раб., стр. 9.

⁹⁴ Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 32.

⁹⁵ Там же, стр. 37.

⁹⁶ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 309; О. Pritsak. Указ. раб., стр. 538; А. Т. Кайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка, стр. 292; Т. Талипов. Һазирқи заман уйғур тили, стр. 228.

⁹⁷ Т. Талипов. Һазирқи заман уйғур тили, стр. 225.

А. ДЖ. АЛИЗАДЕ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НЕКОТОРЫХ ПРОИЗВОДНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, словообразование имен существительных является важнейшим средством обогащения словарного состава любого языка. Новые имена образуются в основном морфологическим способом от существительных, глагольных основ и реже прилагательных. Этот процесс грамматического развития языка весьма длительный.

При изучении структуры тюркского слова-корня следует иметь в виду, что первоначальные корни слов в тюркских языках были главным образом односложными: $C+Г$, $Г+С$, $C+Г+С^1$.

Однако А. М. Шербак высказал предположение, что корневые структуры типа $СГС$ не всегда первичны, ср.: азерб. *сін*- 'ломаться' ($<ci-+n>$); узб. *бағ* 'вязанка' ($<nā-+γ>$); кирг. *сун*- 'протягивать, вытягивать' ($<cy-+n>$)².

Изучение методов установления первичных корней слов на материале азербайджанского языка приводит к выводу, что корни типа $C+Г+С$ не являются первичными, так как слова, подобные «*jan*- 'гореть', *jah*- 'сжечь' являются не корневыми, а производными»³. Лексико-морфологическое изучение производных имен существительных выявляет некоторые характерные особенности их первичных корней.

Анализ производных имен существительных, проведенный на материале письменных памятников азербайджанского языка XIV—XIX веков, показывает, что многие словообразующие аффиксы, продуктивные в одну эпоху, малопродуктивны в другую. Некоторые из этих словообразующих аффиксов в структуре слова застывают, становятся мертвыми, то есть корни этих слов самостоятельно не встречаются как в современном азербайджанском языке, так и в письменных памятниках.

¹ См.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Ч. 1, т. II. М., 1952, стр. 100; *его же*. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979, стр. 152; В. Atalay. Türk dilinde ekler ve kokler üzerine bir deneme. Istanbul, 1942, стр. 9; А. С. Emre. Türkcede isim temelleri. Mükayeseli Türk gramerine hazırlık irdemleri. Istanbul, 1943; Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 29; Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954, стр. 36; В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 30; А. А. Зайончковский. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1961, № 2.

² А. М. Шербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 103.

³ В. И. Асланов. О путях установления первичных корней слов непродуктивными аффиксами в тюркских языках (на материале азербайджанского языка). — «Вопросы азербайджанского языкознания». Баку, 1967, стр. 85.

Нельзя не согласиться с выводом В. И. Асланова о том, что «иногда даже не удастся определить первоначальное значение корней слов»⁴.

В процессе морфологического анализа азербайджанских слов *гајгы*, *гајмаг*, *гајсаг*, *гајчы*, *гаја* выясняется, что корень этих слов *гај* самостоятельно не употребляется ни в современном азербайджанском языке, ни в письменных памятниках. Установление лексического значения корня *гај* возможно только сравнительно-историческим методом.

Мы предполагаем, что значение корня слов *гајмаг*, *гајсаг*, *гаја* связано со значением «крепнуть»; ср.: *гајмаг* 'густой, жирный слой над остывшим молоком; сливки', *гајсаг* 'твердый слой над заживленной раной или над осушенной почвой', *гаја* 'камень, скала' также восходят к *гај* - 'крепнуть'. В современном азербайджанском языке с корнем глагола *гај* - связано слово *гајым* 'крепкий'⁵. Вероятно, такое образование слов с помощью различных аффиксов является результатом длительного лексико-морфологического развития.

В настоящей работе предпринимается попытка лексико-семантического и морфологического анализа некоторых производных имен существительных.

Аффикс *-џу*, *-џи*, *-џи*, *-џи* является продуктивным как в современном азербайджанском языке, так и в его письменных памятниках. Аффикс *-џу* образует новые имена существительные, называющие лиц с указанием на их занятие или профессию. Однако некоторые слова с аффиксом *-џу* с точки зрения современного состояния языка являются не производными, а простыми. К ним относятся упоминавшиеся *гајчы* 'ножницы', *гамчы* 'кнут' и т. д.

В словаре В. В. Радлова указывается несколько значений корня *кај*, среди них «обрубить»⁶. В древнетюркском языке слово *гај* представлено в фонетическом варианте *qij*-⁷ со значением «срезать, резать». В современном азербайджанском языке с корнем глагола *qij*- связаны форма прошедшего времени: *гыјды* 'срезал', парное слово *гыјма-гыјма* 'нарезанный мелкими кусочками', *гыјгач* 'косить глазом'. Это значение отмечает и Н. А. Баскаков: *кыйды* 'он срезал'⁸. А значение слова *гамчы* 'кнут' возводится к имени *кам* 'горсть'⁹.

Как известно, аффикс *-џу* является отыменным, но исторически присоединялся и к глагольным основам, обозначая исполнителя данного действия, представителя определенной профессии, например, *язычы* 'писец', *диланчи* 'нищий' и т. п.

Ряд тюркологов, в том числе Э. В. Севортян, указывает, что первоначальным фонетическим вариантом слова *dilānči* 'нищий', образованного от глагольной основы, было *tilenči*¹⁰. М. Т. Хоутсма считал более правильным вариантом слово *јарџу* в древних языках *јаруџу* 'зодчий'.

Г. И. Рамстедт приводит следующие фоморфологические примеры некоторых существительных от глагольных основ на *-џи*: тюрк. *jazyu-џу*, тат. *jazū-џу*, тур. *jazy-џу*, чув. *siru-џа* 'писец'; тюрк. *alyu-џу*, тат. *alū-џу*, тур. *aly-џу*, чув. *ilū-џа* 'клиент, покупатель'; тюрк. *satyu-џу*, тат. *satu-џу*, тур. *saty-џу*, чув. *sudu-џа*, якут. *aty-sy*, *aty-syk* ~ *aty-syt* 'продавец, ку-

⁴ В. И. Асланов. Указ. раб., стр. 84.

⁵ См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, ч. II. СПб., 1901, стр. 48; «Азербайджанско-русский словарь». Под редакцией Г. Н. Гусейнова. Баку, 1939, стр. 627.

⁶ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, ч. I. СПб., 1899, стр. 3.

⁷ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 440; см. также *Besim Atalay. Divanü Lügat-it-türk tercümesi*, Ankara, т. III, 1941, стр. 246.

⁸ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 124.

⁹ В. В. Радлов. Указ. словарь, стлб. 478; *Besim Atalay*. Указ. раб., стр. 73.

¹⁰ См.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 83.

пец'¹¹. Слова, указанные Г. И. Рамstedтом, употребляются и в азербайджанском языке: *язычы* 'писец', *алычы* 'покупатель', *сатычы* 'продавец'.

Таким образом, аффикс -*çy* присоединялся не к корню глагола, а к отглагольным основам. Однако в древнетюркском языке встречаются существительные, образованные от корня глагола: Ср.: тур. *ajag* 'нога' является существительным со значением «орудия, средства действия», образованным от глагола *aj- ~ ad-* 'шагать'; слово *qulaq* 'ухо' < *qul'yaq* < *qul-* 'слышать'¹².

Признавая мнение ученых справедливым, следует учитывать, что существительные, образованные от корневых односложных или неодносложных глагольных основ, имеют древнее происхождение¹³.

При этом для слова *гайчы* (от корня глагола *qaj-//quj-* 'резать, сре- зать') можно установить более правильные варианты *quj-yi-çy//qaj-yi- çy*, в том числе *qij-yu* 'режущий инструмент' (точнее «ножницы»), *qij-yu- çy* 'человек, который режет этим инструментом'. Кстати, заметим, что в современном азербайджанском языке слово *узкучу* (> *уз-кү-чу*) явля- ется существительным со значением «пловец», образованным от гла- гольной основы *узкү* (< *уз-кү*) 'плавание'.

Слово *quj-yi-çy* постепенно приняло форму *quj-u-çy* (ср.: в словаре М. Рясенена *qaj-i-çi* 'ножницы'¹⁴).

При выяснении характера именных словообразовательных аффик- сов Э. В. Севортян приходит к выводу, что среди существительных на -*çy* больше образованных от обозначений предметов и явлений, чем назва- ний действий; например: азерб. *балабанчы* 'играющий на свирели' от *балабан* 'свирель', *багчы* 'садовод' от *баг* 'сад' и т. д.¹⁵

В научной литературе отмечается, что многие аффиксы могли при- соединяться как к именным, так и к глагольным основам, поскольку процесс дифференциации частей речи не был полностью завершен¹⁶.

Сказанное позволяет предположить, что слово *qajçy//qijçy* (< *qij- yi-çy*) первоначально, по-видимому, обозначало как режущий инстру- мент, так и лиц, совершающих действие этим инструментом. Следова- тельно, в результате длительного исторического развития слово *qij-yi-çi*, подвергнувшись элизии, превратилось в *qajçy* со значением «ножницы» как в азербайджанском, так и в других тюркских языках (ср.: каз. *кай- шы*, тув. *хачы*, алт. *кайчы*, туркм. *гайчы*, кар.-балк. *кэьнты*, бурят. и монг. *хайша* и т. д.).

В языке памятников XIV—XIX веков, так же как и в современном азербайджанском языке, встречаются многочисленные факты употреб- ления производных имен существительных с аффиксами -*çy*; например: *muştçu* (КДГ, 121, 130; НСЭ, 577), *gözçü* (КДГ, 127); *soyuçi* (КД, 52 а).

Слово *gözçü* 'наблюдатель, надзиратель, караульщик, часовой' вос- ходит к слову *göz* 'глаза'; слово *muştçu* 'приносящий радостную весть' — к слову *možde* персидского происхождения. В современном азербай- джанском языке вместо *муштчу* в том же значении употребляется *муш- тулугчу* (в современном турецком языке в том же значении употребляет-

¹¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание, стр. 209. Следует отметить, что Г. И. Рамstedт словом «тюркский» обозначает все языки тюркской группы, не конкретизируя их.

¹² А. Н. Кононов. Актуальные тюркологические заметки. — «Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 85.

¹³ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 228.

¹⁴ М. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs Der türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 221 б.

¹⁵ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 86.

¹⁶ В. Асланов. Указ. раб., стр. 93.

ся слово *muştucu*¹⁷), а вместо *kəzçu* в том же значении употребляется *kəzətçi* — вторичное существительное от глагола *kəzət* 'ожидать'; ср. также *sorğucu* 'допроситель'¹⁸, 'следователь' от глагола *sor-* 'расспрашивать' (<*sor-ğu-чу*).

В памятниках XV века слово *sorğuci* употреблялось в религиозном значении. А в современном азербайджанском языке вместо *sorğuci* употребляются синтаксические конструкции *sorğu-sual edən* 'спрашивающий (на экзамене)', *istintağ edən* 'ведущий следствие' и т. п.

Семантические границы аффикса *-чы* на более позднем этапе развития языка расширились. Следует подчеркнуть важное замечание А. М. Щербака о том, что «...первоначальные элементарные отношения уступают место более сложным, например, др.-тюрк. *борчі* — не „виноградарь” и не „винодел”, как следовало бы ожидать, а „торговец вином”, *јолчі* не „путник”, а „проводник” и т. п.»¹⁹. Далее он отмечает использование аффикса *-чы* для обозначения лиц по месту жительства, как, например, в тувинском и карачаево-балкарском языках: *нальчикчі* 'житель Нальчика', *кızıлчі* 'житель Кызыла' и т. д., подчеркивая, что это образования позднего происхождения²⁰.

Приблизительно в том же значении сходные слова на *-чы* встречаются и в современном азербайджанском языке. Так, названия населенных пунктов — топонимы *Сабунчу*, *Дəвəчи*, *Гујчу*, *Кəпəнəкчи* и т. д. — первоначально являлись апеллятивами *сабунчу* 'специалист по мыловарению', *дəвəчи* 'погонщик верблюдов', *гујчу* // *гојчу* (*гојунчу*)²¹ 'пастух' (от слова *goј* 'овца'), *кəпəнəкчи* 'лицо, изготавливающее бурки' (от слова *кəпəнəк* 'бурка').

Следует отметить, что в названиях топонимов *Дəвəчи*, *Сабунчу*, *Гујчу*, *Кəпəнəкчи* и т. д. аффикс *-чы* утратил первоначальное значение и стал мертвым.

Аффикс *-лыг*, *-лик*, *-луг*, *-лук*, присоединяясь к некоторым именам, образует название места, изобилующего данными конкретными предметами, а также обозначает отвлеченное понятие, а именно — занятие или профессию, связанную с производством данных предметов, и т. д.

При исследовании средневековых письменных памятников выявлено систематическое использование производных имен существительных с аффиксом *-лыг* в указанных значениях.

В отличие от современного азербайджанского языка в письменных памятниках употреблялся аффикс *-лыг*, присоединявшийся к масдарной форме глаголов, например, *кəрмəклик* (J3, 14a), *етмəклик* (НСЭ, 533), *ичмəклик* (ХЭ, I, 139) и т. п.

Приведенные выше имена существительные *кəрмəклик*, *етмəклик*, *ичмəклик* образовались от корней глаголов *кəр-* 'посмотри', *ет-* 'делай', *ич-* 'выпей' при помощи аффиксов *-маглыг*, *-мəклик*. Таким образом, *кəрмəклик*, *етмəклик*, *ичмəклик* и т. п. обозначают манеру или способ совершения действия, обозначенного исходной основой. Имена существительные на *-taklyk*, *-māklık* употребляются также в современном турецком литературном языке²².

¹⁷ «Türkçe-rusça sözlük». М., 1977, стр. 644.

¹⁸ Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869, стр. 707.

¹⁹ А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977, стр. 104.

²⁰ Там же, стр. 103.

²¹ М. Ш. Ширəлијев. Азəрбəјчəн диалектолокијасынын əсəслəры. Бакы, 1962, стр. 133.

²² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956, стр. 111.

Следует отметить, что слова на *-маглыг*, *-мэклик* встречались в азербайджанском литературном языке еще в начале двадцатых годов нашего века, а позднее вышли из употребления. Однако эти формы сохранились как характерная особенность нахичеванской группы диалектов и говоров азербайджанского языка: *јемэхлих*, *јатмахлих*²³.

Аффикс *-таqlыу*, *-таqlıу* употреблялся в древнетюркском языке: *изаптаqlыу* 'искусный, опытный' (ДТС, 620); *qatıу lanптаqlıу* 'обладающий старанием, усердием' (ДТС, 433); *timтаqlıq* досл. 'говоримое'²⁴.

Некоторые производные слова на *-маглыг*, *-мэклик* по значению довольно близко примыкают к соответствующим словам, образованным с помощью аффикса *-ма*, *-мэ*; ср.: *көрмэклик*||*көрмэ*, *етмэклик*||*етмэ* и т. д.

Аффикс *-lyg* в составе названий растений: азерб. *узэрлик* 'рута' (южное растение) от глагольной основы *уз-* 'оторви'; *јемлик* 'плевел опьяняющий' (*Lolium temulentum*) от корня глагола *је-* 'есть', *јем* 'корм' и т. д., вероятно, является наиболее древним образованием.

По всей видимости, аффикс *-lyg* исторически был продуктивным словообразовательным средством азербайджанского языка, и в настоящее время также сохранил свою продуктивность в образовании существительных, особенно различных терминов. Так, в связи с научно-технической революцией и интенсивным развитием различных отраслей промышленности и сельского хозяйства, в языке появляются многие новые слова и термины на *-лыг*: *механизаторлуг* 'механизация', *агрономлуг* 'агрономия', *торпагшұнаслыг* 'почвоведение', *дилчилик* 'языковедение' и т. п.

Аффикс *-уу*, *-ki*, *-уи*, *-gü* образует имена существительные от глагольных основ со значением названия процесса, субъекта, орудия и результата действия; например: *јангы* 'пожар' от корня глагола *јан-* 'гореть'; *севки* 'любовь' от корня глагола *сев-* 'любить'; *алгы* 'долг' от корня глагола *ал-* 'брать' и т. п.

В письменных памятниках азербайджанского языка встречаются производные имена существительные на *-гы* с указанными значениями: *гаргы* (КДГ, 54); *бургы* (НДЛ, 132); *чангы* (ШН, 215 а); *һөркү* (К, 105); *ујгу* (НСЭ, 637) и т. п.

В приведенных примерах *гаргы* 'тонкий камыш, полый тростник' от корня глагола *гар-* 'согнуть, сгибать', *чангы* 'совещание, рассуждение, распоряжение'²⁵ от *чан* 'разряд, степень, звание, чин' китайского происхождения (ДТС, 139); *бургы* 'сверло', в древних языках 'труба' от *бур-* 'закручивать'; *гыргы* 'ястреб' от *гыр-* 'ломать, убивать'.

Остановимся на образовании слов *ујгу* 'сон' и *һөркү* 'плетение'. Производные имена существительные *ујгу* (*јуху*) и *һөркү*||*өркү* — результат фомоморфологического развития языка. Так, корневые морфемы *u*²⁶ и *и* 'сон' (ДТС, 619) являются синонимами. *U* 'сон' встречается в «Диване» Махмуда Кашгари: *qara түмүg kerүrsadim*; *ayır unı ucursatım* 'я хотел провести темную ночь; я хотел прогнать тяжелый сон' (МК, III, 247); *usi* 'его сон' (ДТС, 603) и т. д.

²³ «Азәрбајҹан дилинин Нахчыван МССР-ин диалект вә шивәләри». Бақы, 1962, стр. 111.

²⁴ A. von Gabain. Altürkische Grammatik. Leipzig, 1950, § 143.

²⁵ Л. Будагов. Указ. словарь, т. II, 1871, стр. 430.

²⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 105; А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков, стр. 198; «Древнетюркский словарь», стр. 603 и т. д.

Корневая морфема *и* 'сон' генетически восходит к глагольной основе *иv*²⁷ ~ (*уj-*) ~ *уjу* 'спи'. В словосочетании *иѳhik ег* 'дремлющий, спящий мужчина' (МК, I, 65) в основе слова *иѳhik* также выступает глагол *иѳ-* ~ *иv-* ~ *уj-* 'спи'. Не случайно, К. Мусаев фонетико-семантическое развитие слова *уjгу* представляет следующим образом: *йуку* (<*уj-ку*) 'сон' от *уj-* 'спать'²⁸. Присущее тюркским языкам чередование согласных *v/j* позволяет возвести слово *уjгу* к корневой морфеме *и* ~ *иv-* // *иj-* 'спать'. По нашему мнению, корневая морфема слова *ојаг* 'не спящий, бодрствующий' (*оj-уак, оj-уау, оj-уа-п, оj-уи-п, узи-уан*)²⁹ также восходит к глаголу ~ *иv-* // *иj-* 'спать'. Слово *һөркү//örgü* 'плетение' и слова *һөрүк* 'коса', *һөркүч* 'горб верблюда' (ДТС, 389, МК, I, 95), *өркән* 'веревка', 'канат' образованы от корня глагола *һөр-* // *ör-*.

В современном азербайджанском языке употребляются слова на *-ғы*, образованные от глагольных основ: *севки* 'любовь', *алғы* 'купля', *бөлкү* 'разделение', *дуjгу* 'чувство', 'ощущение', *дургу* 'препинание', *сарғы* 'повязка' и т. п.

Аффикс *-ча, -че* малопродуктивен; он образует имена существительные со значением уменьшительности, а иногда выражает и объективное значение.

В тюркологии отмечается, что форма на *-ѳа, -ѳä* (фонетические варианты: *-ѳа, -ѳä, -ѳа, -ѳе*) может выполнять как словоизменительную, так и словообразовательную функции.

А. М. Щербак высказывает сомнение в том, что данная форма в тюркском праязыке «входила или не входила в падежную парадигму» и подчеркивает, что «уподобительное или ограничительное значение лежало в основе всех других ее значений»: тат. *бармагча* 'палец перчатки'; кирг. *јаиїлча* 'овощи', *кiзiлча* 'свекла', 'корь'³⁰ и т. п.

Большинство тюркологов считает, что аффикс *-ча, -че* является словообразующим со значением уменьшительности³¹. Трудно согласиться с мнением Э. В. Севортяна, что аффикс уменьшительности *-ча, -че* персидского происхождения³². Так, В. Котвич пишет: «... Достаточно распространенный уменьшительный суффикс в тюркских языках *-ѳаq, -ѳäk* соединяется с существительными и прилагательными: *qulupѳaq* 'жеребенок'. В некоторых языках например, в киргизском, казахском, караймском и т. д., он представлен также в сокращенной форме кирг., карайм. *-ѳа ~ -ѳе* (*-ѳа*; в кирг. также *-ѳо ~ -ѳö*), каз. *-ѳа, -ѳе aqѳа* 'беловатый'³³.

Аффикс уменьшительности *-ча, -че* в словообразовательной функции выступает также в азербайджанском языке; например: *газанча* 'маленький котел', 'котелок' от *газан* 'котел'; *сандыгча* 'сундучок' от *сандыг* 'сундук'; *халча* 'коврик' от *халы* 'ковер', также образуются названия молодых животных: *кәлчә* 'буйволенок' от *кәл* 'буйвол', *дајча* 'жеребеночек' от *дај* 'жеребенок', *буғача* 'бычок' от *буға* 'бык', *мејмунча* 'обезьянка' от *мејмун* 'обезьяна' и т. п.

²⁷ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I. М., 1974, стр. 580—582.

²⁸ К. Мусаев. Грамматика караймского языка. М., 1964, стр. 112.

²⁹ М. Räsänen. Указ. словарь, стр. 35 а.

³⁰ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 101—102.

³¹ Besim Atalay. Указ. раб., стр. 69; Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков, стр. 180; Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 103; Ш. Сейидов. *-Чы, -чи* ве *-ча/-че* исим ясайглы аффикслери барада. — «Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук», 1962, № 6. Ашхабад.

³² Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 83.

³³ В. Котвич. Указ. раб., стр. 105.

Слово *боҭча* 'узел (с вещами)' является в современном азербайджанском языке простым существительным, тогда как исторически оказывается производным. Корень слова *боҭ* в «Диване» Махмуда Кашгари отмечается в нижеследующих примерах: *боу* 'узел (с вещами)', *боҭча* (МК, III, 128); *angar boу boylattym* (МК, II, 341); *don boylandu, älbisä boyçalandu* 'платье завязано в узел'.

Как видно из примеров, корнем слова *боҭча* является древнетюркское *boу*. По нашему мнению, это односложное слово представляет собой корень глагола *боу-* 'душить'. Таким образом, производное имя существительное *боҭча* образовалось от корня глагола *боу-* при помощи аффикса *-ча*. Нет сомнения, что глагол *боу-*, сохранившийся в составе производных слов *боутта* 'прижимание', 'стягивание', *боуттача* 'болезнь горла, удушье', 'дифтерия' и т. п., имеет древнее происхождение. Однако Л. Будагов считал *боу* 'сверток, связка' словом персидского происхождения³⁴, В. В. Радлов отмечает, что слово *боҭча* является османско-турецким со значением «связанный узел»³⁵. В этом же значении оно употребляется и в азербайджанском языке.

В современном азербайджанском языке имеют заметное распространение производные существительные на *-ча*, *-ҷа* со значением уменьшительности. Ср.: *көдәкча* 'куртка', *дүжүнча* 'узелок', *күлчә* 'слиток, глыба', *мејданча* 'площадка', *китабча* 'книжка', *дәфтерча* 'тетрадка' и т. п.

В ряде производных существительных азербайджанского языка встречаются слова на *-лаг*³⁶ со значением множества или совокупности предметов, либо с уменьшительным значением; например: *отлаг* (КДГ, 5) 'место, изобилующее травой', *гышлаг* (В, 30) 'зимовка', *гушлаг* (МК, I, 465) 'место, где много птиц', *јајлаг* (КДГ, 102) 'дача', *овлаг* (Б) 'добыча', 'место охоты'.

Значения производных слов *гышлаг*, *отлаг*, *гушлаг*, *јајлаг*, *овлаг* в значительной мере зависят от семантики исходных основ, так как корень слова связан со значением множества предметов на местности. Ср.: *дазлаг* 'лысоватый' от слова *даз* 'лысый', *отлаг* 'место, изобилующее травой' от слова *от* 'трава', *овлаг* 'место охоты' от *ов* 'охота' и т. д. Хотя слово *guşlag* употребляется в современном турецком языке³⁷, его фонетические варианты *guşdax*/*guşday* функционируют также в диалектах и говорах азербайджанского языка³⁸.

В «Диване» Махмуда Кашгари встречается слово *daz* со значением «место с редкой растительностью» (МК, III, 148), в чувашском языке *тазалах* 'чистота'³⁹.

Весьма древними являются названия некоторых органов человеческого тела, образованных с помощью аффикса *-лаг*: *удлаг* 'глотка' от глагольного корня *уд-* 'глотать', *гыртлаг* 'дыхательное горло' от подражательного слова *гырт*. Аффикс *-лаг* в составе названия города *Мангышлаг* отмечается в «Диване» Махмуда Кашгари (МК, III, 148). В заимствованных словах аффикс *-лаг* употреблялся в фонетическом ва-

³⁴ Л. Будагов. Указ. словарь, т. I, стр. 285.

³⁵ В. В. Радлов. Указ. словарь, т. IV, стр. 1655.

³⁶ Об этимологии аффикса *-лаг* см.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 217—221; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 196.

³⁷ «Türkçe-guşça sözlük», стр. 577.

³⁸ М. Ширәлијев. Азәрбајҹан диалектоложикасынын әсаслары, стр. 123.

³⁹ См.: А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 104.

рианте *-lax*. В произведениях поэта XI века Хагани встречается слово *sānglax*⁴⁰ 'каменистое место' от персидского *sāng* 'камень'.

А. М. Щербак отмечает, что основным для аффикса *-lag* (*-lay*) оказалось одно из периферийных значений аффикса *-lik* (*-liy*), а именно — значение места совокупного расположения предметов или живых существ, например, *ovlag* 'место охоты', *jajlag* 'летнее пастбище'⁴¹ и т. п.

Однако можно видеть, что аффиксы *-lyg* и *-lag* различаются по семантике и не могут заменять друг друга в составе слова; например, азерб. *овлаг—овлуг, отлаг—отлуг, jajлаг—jajлыг, gyшлаг—gyшлыг* и т. д. Следовательно, морфологические показатели *-lag* и *-lyg* являются самостоятельными аффиксами.

Таким образом, каждое из рассмотренных выше производных существительных прошло свой собственный путь развития, причем участвующие в их образовании аффиксы сохранили в основном свои словообразовательные особенности, которыми они обладали на протяжении всей истории развития азербайджанского языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Б — «Бајатылар». Баку, 1977.
2. В — Вагиф. Әсәрләри (XVIII в.). Баку, 1958.
3. К — «Короғлу». Баку, 1939.
4. КД — Кишвәри «Диван» (XV в.), фотокопия, Республиканский рукописный фонд Академии наук Азербайджанской ССР, инв. № 207.
5. КДГ — «Dede Korkut kitabı». I. Giriş — metin faksimile, Dr. Mühərrem Ergin. Ankara, 1958 (Дрезденский список).
6. МК — «Divanü Lügat-it-türk tercümesi». Ceviren: Besim Atalay. Ankara, cilt I, 1939; cilt II, 1940; cilt III, 1941.
7. НДЛ — Ч. Гәһрәмәнов. Нәсими дилинин лексикасы. Баку, 1972.
8. НСӘ — Нәсими. Сечилмиш әсәрләри (XIV в.). Баку, 1972.
9. ЈЗ — «Јусиф вә Зүлејха» (XV в.), фотокопия, Республиканский рукописный фонд Академии наук Азербайджанской ССР, инв. № 208.
10. ХӘ — Хәтәи. Әсәрләри. Баку, 1975.
11. ШН — «Шуһәданәмә» (XVI в.), фотокопия.

⁴⁰ Ә. М. Дәмирчизадә. Азәрбајҹан әдәби дилинин инкишаф јоллары. Баку, 1958. стр. 27.

⁴¹ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 106.

М. Х. АЛИМОВА

КЛАССИФИКАЦИЯ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Задачей настоящей статьи является выявление видов каузативных глаголов в структуре узбекского языка, исходя из принципа парного соотношения формы и значения, согласно теории о формах слов Ф. Ф. Фортунатова¹ и московской лингвистической школы².

Общеизвестно, что в тюркских языках, в том числе и в узбекском, существует специальный способ выражения каузативности, которую традиционно принято рассматривать в системе залога под названиями: 1) «понудительный залог»³, 2) *феълнинг орттирма даражаси*⁴ — «превосходная степень», 3) *феълнинг қўзғатиш даражаси*⁵ — «понудительная степень» и 4) *орттирма нисбат*⁶ — «превосходное соотношение».

Каузатив оформляется на морфологическом уровне языка агглютинативным способом, то есть один из реляционных аффиксов (-*тир/-дир/-ир/-р*, -*каз/-газ/-ғаз/-қаз/-киз/-қиз/-ғиз/-ғиз/-из*, -*сат/-т*) присоединяется к императивной форме переходных и непереходных глаголов. «Упомянутые аффиксы являются алломорфами одной и той же морфемы, выступающей в фонетически обусловленных вариантах»⁷. Обратимся к таблице (см. стр. 68).

Как видно из таблицы, некаузативы *емоқ, кўрмоқ, келмоқ, ухламоқ, ўтмоқ*, не изменяя исходного значения, входят в бинарную оппозицию с каузативами *едирмоқ, кўрсатмоқ, келтирмоқ, ухлатмоқ, ўт-*

¹ Ф. Ф. Фортунатов. Лекции. Сравнительная морфология. М., 1900—1901 академический год, стр. 3.

² См.: М. Н. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка. М., 1923, стр. 15; П. С. Кузнецов. О принципах изучения грамматики. М., 1961, стр. 25; Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Русский язык. М., 1935, стр. 34; М. В. Панов. О слове как единице языка. — «Ученые записки Московского педагогического института им. В. П. Потемкина», т. 56, вып. 5, 1956, стр. 67—82; *его же*. Современный русский язык. М., 1979, стр. 6—13.

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 201—203; Н. А. Баскаков. Структура и история тюркских языков. М., 1971, стр. 72; *его же*. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979, стр. 22; Х. Г. Нигматов, А. А. Цалкаламанидзе. Семантико-синтаксические группы глаголов и значение залоговых аффиксов в узбекском языке. — «Советская тюркология», 1979, № 3, стр. 48—56.

⁴ А. П. Хожиев. Феъл. — В кн.: «Ўзбек тили грамматикаси». Тошкент, 1975, стр. 445; А. Ф. Фуломов. Феъл. Ташкент, 1975, стр. 186.

⁵ С. А. Фердаус. Феъл. — В кн.: «Ҳозирги ўзбек адабий тили», қисм 1. Тошкент, 1966, стр. 271.

⁶ М. М. Мирзаев, С. Усмонов, И. Расулов. Ўзбек тили. Тошкент, 1970, 1978, стр. 134.

⁷ Н. Н. Джанашиа. О дистрибуции продуктивных показателей каузатива в турецком языке. — «Советская тюркология», 1976, № 3, стр. 60.

Таблица

Инфинитив	Императив	Каузатив		
		Фонетические инварианты каузативных аффиксов		
		-тир/ -дир/ -ир/ -р	-каз/ -газ/-аз -қаз/ -киз/ -қиз/ -ғиз/ -из	-сат/-т
емоқ 'есть'	е 'ешь'	едирмоқ 'заставить... есть'		
кўрмоқ 'видеть'	кўр 'посмотри'			кўрсатмоқ 'дать видеть', 'показать'
келмоқ 'приходить'	кел 'приходи'	келтирмоқ 'принести', 'привести'		
ухламоқ 'спать'	ухла 'спи'			ухлатмоқ 'заставить... дать спать'
ўтмоқ 'проходить'	ўт 'проходи'	ўтказ (киз)моқ 'заставить, дать пройти'		

каз(қаз, қиз)моқ, в результате которой выделяются формальные значения: «заставить, понудить, позволить, попросить, помочь», «дать повод, предоставить возможность объекту совершить некоторые действия или перейти в некоторое состояние» в зависимости от позиции. Следовательно, почти от всех переходных и непереходных глаголов узбекского языка (не изменяя при этом исходного значения) можно образовать каузатив упомянутым образом. В таких случаях переходные глаголы сохраняют свою переходность, а непереходные приобретают ее. В обоих случаях к производящему глаголу в производном добавляется оттенок побудительной модальности. Таким образом, каузативный глагол имеет форму некаузатива и оформленного каузатива (V_{tr}) и последний приобретает грамматическое значение побуждения к действию или состоянию, волеизъявленному подлежащим предложения, в данном случае выступающим в роли субъекта ($ПР_1$). Причем «... Характер участия субъекта (каузатора. — М. А.) в исполнении действия простирается от энергичного приказанья до открытого попустительства»⁸. Это является первой функцией каузации. Вторая функция каузации заключается в том, что при употреблении оформленного каузатива (V_{tr}), имеющего исходно-некаузативную форму, каузатор ($ПР_1$) полностью включается в исполнение каузируемого им самим действия или состояния, каузируемый же объект ($ПР_2$), который может быть как одушевленным, так и неодушевленным, полностью подвергается воздействию $ПР_1$ ⁹.

⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956, стр. 201—203.

⁹ В моделях используются символы: $ПР_1$ — подлежащее-каузатор, $ПР_2$ — грамматический объект — каузируемый объект, V_{tr} — каузируемое действие или состояние. III, Р. — Шараф Рашидов. Қудратли тўлқин. Тошкент, 1969; ево же. Фолиблар. Тошкент, 1972.

Анализ собранных единиц, выявляющий соотношение каузатива с некаузативом, показывает, что в структуре узбекского языка выделяются: 1) собственно-каузативные; 2) транзитивно-каузативные; 3) рефлексивно-каузативные и 4) ложно-каузативные глаголы. Классифицирование первых двух видов каузативных глаголов проводится на основе максимальной и минимальной деятельности PR_1 в произведении действия или состояния (V_{tr}) через PR_2 . Рассмотрим это на примерах: 1) *Пўлат эрта эктирган эди* (Ш. Р., 56) '... Пулат велел сажать помидоры рано...'. 2) *Халил ота унга ҳадеб ош едирарди* (Ш. Р., 175) 'Халил-ата кормил его пловом'. 3) *Қўқбулоқни қўрбоши Асфандиёрбек портлатган...* (Ш. Р., 236) 'Родник взорван курбаши Асфандиярбеком...'. 4) *Холбиби қизини худди ёш боладек алдаб, яна жойига авайлаб ётқизди* (Ш. Р., 52) 'Холбиби... уложила дочь в постель'. 5) *Баҳор унга сув ичираётганда палатага врач кириб келди* (Ш. Р., 319) 'Когда Баҳор поила его водой, в палату вошел врач'. 6) *Тўрахонов соатни мажбуран қизнинг қўлига тутқазди да...* (Ш. Р., 221) 'Тураханов нахально вложил часы ей в руки...'. 7) *Немис фашистлар қўққисдан босиб келиб, Ванянинг онасини отиб ўлдирганлар* (Ш. Р., 188) 'Немецкие фашисты нагрянули, мать Вани убили'. 8) *Бунақа дастурхонлардан анчасини бирга бўшатгандирсизлар?* (Ш. Р., 157) 'Уж, наверное, таких дастарханов несколько освободили?'. 9) *Суванқулнинг қовоғидан қор ёғилиб, Бекбўтага қайрилиб ҳам боқмади, сўзларини ҳам жавобсиз қолдирди* (Ш. Р., 183) 'Суванкул даже не взглянул на Бекбуту и оставил его вопрос без ответа'.

I. Так, в примерах 1, 2, 3, 4, 5 действие PR_1 является минимальным, а действие PR_2 максимальным, независимо от некаузатива (переходного или непереходного) произведен оформленный каузатив. В примерах 1, 2, 5 каузативы: *эктирмоқ* 'заставить, позволить, дать сажать', *едирмоқ* 'заставить, позволить, попросить, дать есть', *ичирмоқ* 'заставить, позволить, попросить, дать пить' произведены от переходных некаузативов *экмоқ* 'сажать', *емоқ* 'есть', *ичмоқ* 'пить', в примерах же 3, 4 каузативы: *портлатмоқ* 'взорвать через кого-нибудь (попросить кого-нибудь, позволить, предоставить возможность кому-нибудь взорвать что-нибудь)', *ётқизмоқ* 'заставить, позволить, попросить, дать спать' произведены от непереходных некаузативов. Упомянутые каузативные значения конкретизируются в зависимости от позиции их употребления. Так, например, каузативный глагол *эктирмоқ* в предложении I может передать следующие конкретно-каузативные значения: 1) ...*Пўлат эктирган эди*. 1а. *Пўлат экишга мажбур қилди* ('заставил'). 1б. *Пўлат экишга рухсат берди* ('попросил'). 1в. *Пўлат помидор экишимизга қаршилик қилмади* ('не был против'). Такие же конкретно-каузальные значения могут передать каузативные глаголы в примерах 2, 3, 4, 5, где действие PR_1 является минимальным, действие PR_2 — максимальным (см. определение первой функции каузативных глаголов). Подобные каузативные глаголы могут образоваться от переходных и непереходных некаузативов. Под максимальным действием понимается активная деятельность PR_1 или PR_2 от начала до конца совершения каузируемого действия. Способ каузации в упомянутых примерах является **контактным** (см. примеры 4, 5) и **дистантным**¹⁰ (см. примеры 1, 2, 3).

II. В примерах 6, 7, 8, 9 действие PR_1 является максимальным, действие PR_2 — минимальным или равняется нулю, то есть последний во-

¹⁰ См.: In — Seok Yang. Semantics of Korean Causation. — «Foundations of Language». Holland, Boston, USA. Dordrecht, 1976, vol. 14, № 1, стр. 67. Термины *remote-influent* («дистантный») и *direct* («контактный») заимствованы нами здесь.

ЛИТИВНО или ИНВОЛИТИВНО¹¹ подвергается воздействию $ПР_1$ (см. второе функциональное определение каузативных глаголов). Такой каузатив в большинстве случаев образуется от непереходных некаузативов. Однако есть и случаи образования такого каузатива от переходных некаузативов, но их меньше. При употреблении данного каузатива способ каузации является контактным (см. примеры 7, 8) и, в редких случаях дистантным (см., пример 2). Отличие второй функции каузативных глаголов от первой заключается в том, что при второй функции каузативы не передают все конкретно-каузальные значения — от энергичного приказания до открытого попустительства; каузативы: 1) с одушевленным $ПР_2$ выражают сильную степень каузации («заставить»), 2) с неодушевленным $ПР_2$ — слабую («доводить предмет до некоторого состояния», «попустительство» и «непротивление»). Подобные каузативы с сильной степенью каузации включаются нами в фактивную каузацию, со слабой степенью каузации — в пермиссивную.

Таким образом, каузативы в первой функции включаются в собственно-каузативные, во второй функции — в транзитивно-каузативные глаголы.

III. При употреблении рефлексивно-каузативных глаголов $ПР_1$, который реализует значение одушевленного предмета, каузирует $ПР_2$, выраженный местоимением *ўз* 'себя', а также названиями частей тела грамматического субъекта (то есть каузатора), совершить некоторое действие или переходить в новое состояние. Само название рефлексивно-каузативный свидетельствует о том, что в данном случае $ПР_1$ производит некоторое действие над собой. Рассматриваемый каузатив отличается от просто переходных глаголов тем, что действие здесь не только направляется на субъекта, но и побуждает его к действию. Способ каузации является физическим (см. ниже пример 10) и морально психическим (см. ниже пример 11). Остановимся на этих примерах: 10) *У бақириб йиғлагиси келарди-ю, бироқ рўмоли билан оғзини зўрға тўсиб ўзини тўхтатарди* (Ш. Р., 49) 'И как только рыдания подкатывали к самому горлу, она останавливала себя, крепко зажимая рот платком'. 11) *Хат узилиб ҳамма ўзини кулгидан тўхтатолмай турганда, Хайри хатни олди-да кўкрагига босди* (Ш. Р., 135) '...Никто не смог удержаться от смеха...'. При употреблении рассматриваемого каузатива действие $ПР_1$ является максимальным, действие $ПР_2$ — равняется нулю. Здесь реальный исполнитель действия совпадает с грамматическим субъектом. Степень каузации является сильной или слабой (обычно неощутимой), в зависимости от позиции употребления.

IV. При обращении к ложно-каузативным глаголам употребляются:

а) **стертый каузатив**, где оформленный каузатив и некаузатив имеют одно и то же значение: 12) *Лола терамиз. Синфимизни безатамиз!* (Ш. Р., 8) 'Наберем цветов. Украсим класс!'. 13) *Тун бўйи мижжа қонмай ҳаракат қилиб, сахар пайтида қўқисдан фашист блиндажига бостириб кирдилар* (Ш. Р., 53) '... лишь под утро они ворвались в фашистский блиндаж'. В приведенных примерах каузативы и некаузативы *безатмоқ/безамоқ* 'украсить', *бостириб кирмоқ/босиб кирмоқ* 'ворваться' имеют одни и те же значения; б) **лексикализованный каузатив**, имея исходно-некаузативную форму, по содержанию не совпадает с последним: 14) *Бўрон кўтарилганда ки-*

¹¹ Masayashi Shibatani. Causativization. — «Syntax and Semantics», vol. 5, New York, 1976, стр. 256. Термины volitive («волитивный»), involitive («инволитивный») заимствованы нами здесь.

шиллар даладаги ишени йиғиштириб қўядими? (Ш. Р.) 'Разве в бурю люди бросают работу на полях?'. Так, исходный глагол *йиғмоқ* I 'собирать', от него производный *йиғишмоқ* II 'собирать вместе' или 'помогать кому-либо собирать что-либо'; *йиғиштирмоқ* III 'убрать со стола/квартиру'; *йиғиштириб қўймоқ* IV 'бросать делать что-либо'. Таким образом, аффикс *-тир* здесь выражает не реляционное значение, а деривационное, то есть, по терминологии М. В. Панова, является не флексией, а дериватором¹² (словообразовательным аффиксом); в) «**каузатив**», не имеющий форму некаузатива: 15) *Давлатимиз мени қулик ва очликдан қутқазса, менга бахт-саедат берса-ю мен...* (Ш. Р., 267) 'Ведь Советская власть освободила нас от рабства и нужды...'. В примере 15 «каузатив» *қутқазмоқ* 'освободить', 'спасать' в современном узбекском языке не имеет формы некаузатива, так как *-қут* без *-қаз* не является словом; г) присоединение каузативного аффикса для выражения пассивного значения, где ПР₁ является не каузатором, а «страдателем» от совершения действия, то есть действие совершается не в интересах ПР₁: 16) *Уни қўйиб юбориш... қўйиб юборсак, ютқазган бўлар эмишимиз* (Ш. Р., 199) 'Если мы это оставим, то мы ... мол проиграли...'. Как видно, глагол с формой каузатива *-қиз*, *ютқазмоқ* 'проиграть' образован от исходного глагола *ютмоқ* 'выиграть'. Глаголы *ютмоқ* 'выиграть' и *ютқазмоқ* 'проиграть' — два разных слова; форма каузатива *-каз* здесь является не флексией, а дериватором.

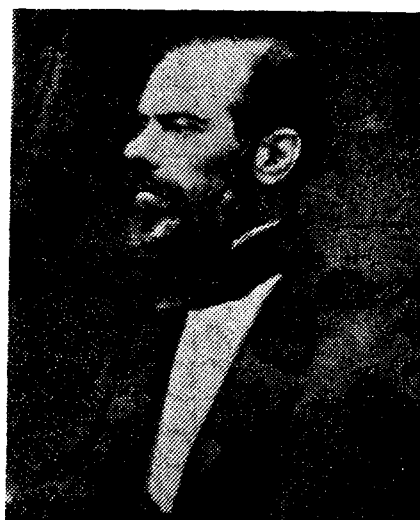
¹² М. В. Панов. Русский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. I. М., 1966, стр. 68.

Э. А. УМАРОВ

ПАВЕ ДЕ КУРТЕЙ — ЛЕКСИКОГРАФ

(К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Выдающийся французский тюрколог Абель-Жан-Батист Паве де Куртей¹, внесший большой вклад в изучение староузбекских памятников, родился в 1821 году в Париже. По окончании лицея он серьезно занялся изучением тюркских, а также арабского и персидского языков, однако интерес к тюркским языкам превалировал над всеми другими его научными увлечениями, и он посвятил остальную часть жизни (скончался в 1889 году) их изучению.

В 1854 году Паве де Куртей возглавил кафедру тюркских языков в одном из основных востоковедных учебных заведений Франции — «Collège de France». Большой его заслугой явилось введение в этом учебном заведении курса староузбекского языка. В процессе преподавательской деятельности молодой ученый и педагог все более утверждался во мнении о необходимости перевода на французский язык памятников староузбекского языка и издания их в учебных и научных целях. Паве де Куртей переводит летописное произведение Захириддина Мухаммеда Бабура, посвященное описанию событий 1494—1530 годов. В основу перевода положен текст «Бабур-наме»², подготовленный русским тюркологом Н. И. Ильминским. Изданный в Париже (1871—1873) перевод Паве де Куртея состоит из двух томов, общим объемом 930 страниц³. В комментарии к первому тому переводчик кратко характеризует произведение Бабура и цель его издания на французском языке. Перевод и издание летописи Бабура было важным событием в европейской тюркологии того времени.

В 1882 году Паве де Куртей издает и перевод «Meraǰnāma»⁴ — повествование о вознесении Мухаммеда на небо и о посещении им потустороннего мира⁵ — памятник, переписанный в 1436 году уйгурским пись-

¹ В старой транскрипции — Павэ де Куртэль или Паве де Куртейль.

² «Бабер-наме, или Записки султана Бабура». Изданы в подлинном тексте Н. И. Ильминским. Казань, 1857.

³ *Pavet de Courteille. Mémoires de Baber, t. I—II, Paris, 1871—1873.*

⁴ «Mirād-nameh». Traduit et annoté par A. Pavet de Courteille. Paris, 1882.

⁵ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 47.

мом. (Рукопись хранится в Парижской Национальной библиотеке и состоит из 69 листов).

Через семь лет, в 1889 году, ученый издает другое произведение теологического характера «Tazkirai āvlija» («Рассказы о праведниках»), также по уйгурской рукописи из той же библиотеки⁶.

Самым значительным тюркологическим трудом Паве де Куртея явился изданный в 1870 году «Восточнотюркский словарь» или «Чагатайско-французский словарь»⁷.

Как отмечает А. Н. Кононов, этот словарь был «первым опытом изучения лексики „чагатайских“ памятников в Западной Европе, который не потерял до сих пор своего научного значения»⁸.

К сожалению, этот словарь все еще не получил должной лексикографической оценки, и богатейший материал, содержащийся в нем, мало используется в трудах по истории староузбекского языка. В настоящей статье мы попытаемся ознакомить читателя со структурой словаря и охарактеризовать лексикографические принципы его составления.

Словарь Паве де Куртея имеет следующую структуру: 1. Предисловие (стр. I—XIV); 2. Словарь (стр. 1—560); 3. Исправления (стр. 560—562).

В предисловии автор кратко останавливается на истории изучения тюркских языков, дает обзор «чагатайско-персидских словарей». Основную часть книги составляет словарь. При характеристике словаря с точки зрения лексикологии большое значение имеет анализ его источников, структуры, показ охваченного им лексического богатства, раскрытие принципов толкования и подачи значений слов.

Источники словаря. Примеры, иллюстрирующие значения слов, взяты из произведений Алишера Навои, Бабур, «Šažarai tarākima» («Родословное древо туркмен») Абул Газихана, причем больше других цитируются следующие произведения Навои: 1. «Yarājib as siyar» («Чудеса детства»), 2. «Navādir aš šabāb» («Редкости юности»), 3. «Badāi al vasat» («Диковины среднего возраста»), 4. «Favāid al kibār» («Полезные советы старости»), 5. «Hajrat al abrār» («Смятение праведных»), 6. «Farhād va Širin» («Фархад и Ширин»), 7. «Lajli va Mažnūn» («Лейли и Меджнун»), 8. «Sabāi Sajjāra» («Семь планет»), 9. «Saddi Iskandari» («Стена Искандера»), 10. «Muhākamat al luṭataju» («Тяжба двух языков»).

Приведенный перечень главнейших сочинений Навои, использованных ученым, свидетельствует о тщательном отборе им материалов для словаря. Это способствовало разностороннему раскрытию в словаре значений староузбекских слов и их семантических оттенков.

Структура словаря. Словарные статьи расположены согласно арабскому алфавиту. Словарь состоит из двадцати пяти глав, слова на буквы *p* и *g* Паве де Куртея поместил в словнике на букву *b* и *k*. По начальным буквам лексический материал распределен в словаре, как указано в таблице на стр. 74.

Лексическое богатство словаря. Основную часть лексики словаря составляют базовые слова староузбекского языка. Тематически они условно могут быть подразделены на следующие группы:

1. Названия небесных тел и метеорологические термины: تاشقون (стр. 200) 'половодье', یای (стр. 542) 'радуга', یاشین (стр. 528) 'молния', یامغور (стр. 536) 'дождь', چاقیس (стр. 279) 'молния', شودرون (стр. 377) 'роса'.

⁶ Pavet de Courteille. Tezkereh-i Evlia. Paris, 1889.

⁷ Pavet de Courteille. Dictionnaire turk-orientale. Paris, 1870.

⁸ А. Н. Кононов. Очерк истории изучения турецкого языка. Л., 1976, стр. 25.

2. Названия строений и строительных материалов: **آرك** (стр. 14) 'арк', 'крепость', **توغان** (стр. 236) 'плотина', 'запруда', **تام** (стр. 205) 'крыша', 'дом', **يىغاج** (стр. 554) 'дерево'.

Таблица

№№ п/п	Название буквы	Страницы	Количество слов
1.	ا	1—144	1274
2.	ب и پ	144—192	486
3.	ت	192—270	604
4.	ج چ	270—311	473
5.	ح	311—312	6
6.	خ	312—314	35
7.	د	314—330	164
8.	ر	330—331	13
9.	ز	331—332	23
10.	س	333—375	472
11.	ش	375—381	96
12.	ص	382	1
13.	ض	382	1
14.	ط	382—384	28
15.	ع	384	5
16.	غ	384—388	39
17.	ف	388—389	20
18.	ق	389—453	690
19.	ك и گ	453—491	385
20.	ل	491—494	34
21.	م	495—508	134
22.	ن	508—513	44
23.	و	514	5
24.	ه	514—517	40
25.	ى	517—560	464

3. Названия предметов домашнего обихода: **قازان** (стр. 404) 'котел', **توستوغان** (стр. 233) 'кувшин', **قومغان** (стр. 437) 'кумган', **بوجاق** (стр. 163) 'нож'.

4. Названия одежды и тканей: **كتون** (стр. 455) 'кафтан', **اديك** (стр. 10) 'сапоги', **تون** (стр. 247) 'халат', **چاپان** (стр. 270) 'чапан', 'халат'.

5. Названия частей тела: **باغیر** (стр. 152) 'печень', **اياغ** (стр. 90) 'нога', **باش** (стр. 148) 'голова', **كور** (стр. 469) 'глаза', **قولاغ** (стр. 434) 'ухо', 'уши'.

6. Названия птиц и животных: **قولان** (стр. 434) 'кулан', **ساقيرغان** (стр. 338) 'сорока', **سونه** (стр. 362) 'овод', **تويغون** (стр. 250) 'ястреб', **چايان** (стр. 356) 'каменная куница', **مرال** (стр. 498) 'марал', **سوسار** (стр. 282) 'скорпион', **قابلان** (стр. 392) 'барс', 'леопард', **يولبارس** (стр. 548) 'тигр'.

7. Названия домашних животных: نای (стр. 211) 'жеребенок', 'стригунок', ات (стр. 2) 'конь', 'лошадь', يىلقى (стр. 558) 'табун', اوکوز (стр. 72) 'вол'.

8. Названия насекомых: سوزکوج (стр. 355) 'клоп'.

9. Названия растений: ياوشان (стр. 540) 'полынь', ايت اوزومى (стр. 94) 'сморчок', اوزوم (стр. 64) 'виноград'.

В словаре встречается лексика, относящаяся и к другим тематическим группам: غله (стр. 386) 'много', 'очень', سوروك (стр. 355) 'стягивание (войск)', برانغار (стр. 157) 'правое крыло армии', بكاول (стр. 158) 'бухмистер', توقور (стр. 239) 'девять', 'девятый', سوجوك (стр. 351) 'приятный', 'сладкий'.

Включены в словарь также иноязычные слова. С пометой *p* даются персидские слова, встречающиеся в староузбекском языке, особенно у Навои и Бабуре. Это в основном слова с инициальными буквами «پ» и «ک» پندير (стр. 160) 'сыр', ياده (стр. 145) 'стадо', كرك (стр. 457) 'волк', گدا (стр. 456) 'нищий', كب (стр. 459) 'слово'. Монгольские слова отмечены пометой *m*: بيتچاكا (стр. 181) 'маленький', 'небольшой', كوپون (стр. 462) 'дитя', 'ребенок', لوى (стр. 494) 'крокодил'. Арабские слова приведены с пометой *a*: افليج (стр. 27) 'односторонний паралич', كمال (стр. 460) 'изготовление'.

Паве де Куртей помещает в словарь много идиоматических выражений староузбекского языка: قانى تولغان (стр. 409) 'смертный', هرت پرت (стр. 515) 'усилие', 'трудности', قارا باسقى (стр. 397) 'видеть страшный сон', كوز تونمق (стр. 469) 'ждать с надеждой'. Принципы подачи их в словаре не одинаковы. В одном случае фразеологизмы даются после главного слова внутри словарной статьи, в других — приводятся как заглавные слова. Варианты слов представлены в трех формах. В одних случаях варианты даются в одном месте, например, с заменой последней буквы: قى و قى-غ/قوروغ (стр. 428) 'сухой', 'сухая палка', 'плетень', لىسج/لىق (стр. 114) 'теплый', 'горячий'. В других случаях варианты слова приводятся в разных местах с пометой voyez («смотри»). Например, объяснение слова قوما (стр. 437) дано (с соответствующей отсылкой) при слове غوما (стр. 386) 'молодой невольник'. В третьем случае варианты слов помещаются рядом: اوغان و اوغون (стр. 67) 'бог', ايكاولا و سون و سود (стр. 122) 'двое', اوشول و اوشو (стр. 67) 'тот', ايكاولان (стр. 351) 'молоко'.

Принципы толкования слов и подачи их значений. Паве де Куртей при составлении словаря использовал последние для того времени методы восточной и современной ему европейской лексикографии. Это наглядно обнаруживается в нижеследующих способах толкования им слов.

1. Метод эквивалента. Здесь после каждого чагатайского слова Паве де Куртей приводит его французский эквивалент: اىچمك (стр. 100) 'пить', اىلاق (стр. 126) 'залив', تاموغ (стр. 206) 'ад', فاتىغ (стр. 394) 'сильный', 'крепкий', تيرناق (стр. 257) 'ноготь', ساروق (стр. 335) 'желтый', قولاج (стр. 434) 'маховая сажень', قارا (стр. 395) 'черный', كته (стр. 456) 'большой', جيبين (стр. 301) 'муха', كومور (стр. 477) 'уголь', قار (стр. 395) 'снег', كىجه (стр. 483) 'ночь'.

Подобных примеров в словаре много. В них семантический объем чагатайского слова совпадает со значением французского.

2. Описательный метод. Если во французском языке эквивалент приводимого слова отсутствует, то автор раскрывает его значение описательно: *يوکو نمک* (стр. 548) 'стать на колени для выражения просьбы', *سارت* (стр. 334) 'название персов на языке тюрков', *چادر* (стр. 274) 'павильон, палатка', *چیت* (стр. 301) 'край', 'кайма', 'кромка' в языке Кашгарии. Здесь автор использует прием краткого толкования.

3. Энциклопедический метод. В случаях недостаточности филологического толкования значений слов, ученый прибегает к описанию предмета или явления. Это можно наглядно видеть в толковании слова *بیخاج* (стр. 554), где после первого значения «дерево» подробно описывается второе значение — «мера измерения».

Точно так же энциклопедически толкуется слово *اودان* (стр. 61) «вид речитатива, слова которого не подчиняются никаким обычным правилам поэзии тюрков и происхождение которого приписывают Огузхану и Карахану».

4. Метод отсылочного определения. Как было указано выше, этот метод применяется при подаче вариантов слов.

Примечательно, что большинство слов в словаре иллюстрируется примерами.

Подача значений слов. Паве де Куртей ставил целью как можно полнее представить значения слов. При уточнении семантики он не ограничивался только одними цитатами, а стремился выявить систему значений слова. Основное значение слова приводится им, как правило, на первом месте. Далее располагаются другие значения, начиная с более употребительных. Различные значения слов составитель словаря отделяет друг от друга точкой с запятой (;). Слово *تیل* (стр. 264), например, имеет два значения: «слог»; «язык»; *خورلاق* (стр. 313) тоже имеет два значения: «унижать»; «презирать». У слова *چین* (стр. 310) Паве де Куртей отмечает пять значений: «правда»; «большой»; «излишний»; «мера, оценка»; «ступень». Слово *یاش* (стр. 526) в словаре имеет шесть значений: «дитя, ребенок»; «совсем молодой»; «слезы»; «жизнь»; «возраст»; «сырой, влажный». Как видно из последнего примера, автор не всегда различает значения как таковые и омонимию слов.

Конечно, в словаре Паве де Куртея имеются и недостатки. В первую очередь они проявляются в переводах, когда словам приписываются чуждые им значения. Например, слову *اوللاع* (стр. 44), кроме значения «пастбище», автор приписывает еще значение «сено». Слово *ایلیغ* (стр. 134) означает «теплый». Другие его значения «скрипка», «привязь», «суставная связка», зафиксированные в словаре, никакого отношения к этому слову не имеют. Составитель словаря, как уже отмечалось, не различает омонимов. Например, слова со значениями «рука» и «костный мозг» даются в одной словарной статье: *ایلیک* (стр. 134). Слово *توکمک* (стр. 241) 'лить', 'наливать', 'завязывать' — тоже надо было дать в двух словарных статьях, так как основу этих значений составляют два самостоятельных слова. Иногда Паве де Куртей неправильно читает слово, что ведет к искажению его перевода и толкования⁹.

Хотя прошло более 110 лет со времени выхода словаря Паве де Куртея, несмотря на отмеченные и некоторые другие частные недостатки, он

⁹ См. об этом: А. К. Боровков. Бадаи ал-лугат. Словарь Тали Имани Гератского. М., 1961, стр. 8, 16, 27.

до сих пор не потерял своего значения. Его материалами интересовались все крупнейшие тюркологи. Академик В. В. Радлов успешно сотрудничал с Паве де Куртейем и использовал материалы его словаря в своем знаменитом «Опыте словаря тюркских наречий». Э. В. Севортян обращался к этому словарю в «Этимологическом словаре тюркских языков», Э. Н. Наджип — в «Историко-сравнительном словаре тюркских языков XIV века», широко привлекал для сравнения глоссы словаря. При изучении тюркских памятников активно пользовались лексикой словаря С. Е. Малов, А. К. Боровков, В. Банг, Р. Арат и другие известные тюркологи.

Словарь Паве де Куртея — одно из интереснейших пособий по чагатайской лексике, и его можно широко использовать при изучении лексикологии староузбекского языка. Критическое привлечение материалов словаря окажет большую помощь исследователям, работающим в этой области узбекского языкознания.

РЕЦЕНЗИИ

«РАЗВИТИЕ КАЗАХСКОГО СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

ИЗД-ВО «НАУКА» КАЗАХСКОЙ ССР, АЛМА-АТА, 1980, 248 стр.

В рецензируемом сборнике нашли достаточно полное отражение достижения казахской лингвистической науки и уйгуроведения за годы Советской власти. Книга включает шестнадцать статей: двенадцать на русском и четыре на казахском языке, библиографический словарь, включающий сведения о 218 языковедах.

Сборник открывается статьей А. Т. Кайдарова «Институт языкознания АН Каз. ССР — центр лингвистической мысли в республике». В ней дан общий обзор деятельности ведущего языковедческого учреждения республики с 1936 года. Казахское языкознание, пишет А. Т. Кайдаров, «прошло в своем развитии несколько этапов — от решения злободневных практических вопросов до разработки больших научно-теоретических проблем» (стр. 5) и абсолютное большинство исследований по казахскому и уйгурскому языкам, проведенных в советский период, естественно, связаны с деятельностью Института языкознания Академии наук Казахской ССР. Автор приводит краткую характеристику разрабатываемых в этом институте научных проблем по рубрикам: фонетические исследования, лексикологические и лексикографические труды, исследования в области морфологии и синтаксиса, диалектологические исследования, изучение процесса формирования литературного языка, исследования по истории языка и письменным памятникам, по проблемам взаимодействия и взаимовлияния родственных и разнотипных языков. Им отмечаются также исследования, проводимые с помощью вероятностно-статистических, информационных и кибернетических методов, работы группы уйгурских языковедов.

А. Т. Кайдаров особо подчеркивает, что казахское языкознание достигло в настоящее время значительных успехов и продолжает интенсивно развиваться, в чем немалая заслуга ведущих тюркологов нашей страны: А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова, Э. Н. Наджила, Э. В. Севортяна, Е. И. Убратовой, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака и

других, «которые не только помогли в воспитании кадров, но и принимали непосредственное участие в разработке тех или иных проблем» (стр. 11—12)¹.

В статье «Изучение казахского языка в дооктябрьский период» Р. Г. Сыздыкова, опираясь на известную работу А. Н. Кононова «История изучения тюркских языков в России» (Л., 1972), детально анализирует издаваемые в дореволюционный период словари и грамматики казахского языка, начиная с «Материалов к изучению киргизского языка» Н. И. Ильминского (1861 г.) и кончая «Самоучителем киргизского языка русским и русского языка киргизам» Ш. Рахматуллина (1914 г.). Автор по-новому интерпретирует многие известные в науке факты, приводит новые сведения (например, что ряд грамматик казахского языка был в свое время переведен на немецкий и французский языки), подчеркивает роль русских ученых в первоначальном исследовании казахского языка. В статье дана периодизация истории изучения казахского языка, суммированы достижения первых двух периодов развития казахского языкознания (с XVIII века до конца XIX века и с конца XIX века до советского времени).

Ж. А. Аралбаев выступает в сборнике со статьей «Изучение фонетического строя казахского языка»². Автор указывает, что впервые фонетическая система казахского языка была описана в «Материалах к изу-

¹ Этот факт нашел отражение в библиографическом словаре: в нем содержатся сведения о семи известных тюркологах, деятельность которых протекает (или протекала) за пределами Казахстана; многие из них удостоены почетного звания «Заслуженный деятель науки Казахской ССР».

² Заглавия статей, написанных на казахском языке, приводятся по русскому варианту оглавления (стр. 246). Следует отметить, что переводы не вполне адекватны казахским названиям: например, данная статья Ж. А. Аралбаева озаглавлена по-казахски «Қазақ фонетикасының табысы».

чению киргизского наречия» Н. И. Ильминского. В дальнейшем о ней писали М. А. Терентьев, В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, В. В. Катаринский, И. Лаптев, Н. Созонов, Н. Ф. Катанов. Систематическое научное исследование фонетики казахского языка началось лишь в советское время. В «Грамматике казахского языка» Г. В. Архангельского (1927 г.) произведена классификация звуков казахского языка, рассмотрены вопросы чередования, редукции, разъяснен закон сингармонизма, приведены краткие сведения о темпе речи. Автор статьи подробно излагает фонетическую концепцию Х. Жубанова, автора фундаментальной «Грамматики казахского языка» («Қазақ тілінің грамматикасы», 1936 г.). По мнению Ж. А. Аралбаева, Х. Жубанов развивал теорию фонемы, весьма близкую к концепции ленинградской фонологической школы. Дальнейшее изучение фонетической системы казахского языка связано с именем С. К. Кенесбаева, в трудах которого детально разработаны как общие проблемы казахского вокализма и консонантизма, так и характеристики отдельных фонем и основные проблемы звуковой комбинаторики. Автор сообщает также о большом объеме экспериментально-фонетических исследований, выполненных казахскими учеными, характеризует задачи, стоящие перед фонетистами.

Статья «Лексикографическая работа в Казахстане» написана Т. Д. Джанузаковым в соавторстве с Е. Н. Шиповой и Б. К. Калиевым. За годы Советской власти в республике издано более двадцати видов словарей. Авторы начинают обзор с истории создания казахско-русских и русско-казахских словарей. Большой научно-практический интерес представляют также «Арабско-казахский толковый словарь» и «Персидско-казахский словарь» Н. Ундасынова, «Толковый арабско-казахский словарь» Е. Бекмухамедова, «Англо-казахский словарь» С. Г. Ахметовой, «Немецко-казахский словарь» М. Ж. Таттибаевой, «Словарь географических названий» Г. Конкашпаева, «Краткий словарь топонимов Казахстана» Е. К. Койчубаева, «Какое имя выбрать» и «Тайны имен» Т. Д. Джанузакова. Авторы характеризуют также ряд специальных словарей: орфографические (1963 г., 1978 г.), орфоэпический (1977 г.), терминологические (выходящие регулярно с 1952 г.), синонимический (1962 г.), этимологический (1966 г.), диалектологический (1969 г.), «Словарь тюркизов в русском языке» Е. Н. Шиповой, включающий около 2000 слов (1976 г.). Особо выделяются ими такие монументальные лексикографические издания, как словарь языка великого казахского поэта Абая (6000 слов, извлеченных из 47 тысяч словоупотреблений; 1968 г.), фразеологический словарь С. К. Кенесбаева (около 11000 фразеологических единиц)³,

двухтомный толковый словарь казахского языка (1959—1961 гг.), большой толковый словарь казахского языка, работа над составлением которого ведется с 1967 года. К настоящему времени вышли в свет шесть томов из запланированных десяти. Картоотека словаря составляет более 4 млн карточек-цитат. Издание должно завершиться в 1982 году.

«О развитии казахской лексикологии» — так называется статья А. А. Абдрахманова. Лексикология — одна из новейших отраслей казахского языкознания. Ее развитие в значительной мере стимулировалось необходимостью упорядочить разнообразные термины, вошедшие в казахский язык благодаря интенсивному развитию различных сфер народного хозяйства республики. В 1935 году состоялся съезд деятелей казахской культуры, определивший новое направление развития общей терминологической системы казахского языка. Большой вклад в разработку этой проблемы внес Х. Жубанов. Автор статьи сообщает о трудах по общим вопросам терминологии и по отдельным терминосистемам, подробно характеризует исследования в области фразеологии. Большое место в статье занимает обзор лексикологических трудов видных казахских языковедов.

Статья «Ономастика в Казахстане» написана А. А. Абдрахмановым и Е. К. Койчубаевым. Изучение казахской ономастики начали своими топонимическими трудами географы и историки, и только в 50-е годы в исследование имен собственных включились языковеды. Благодаря объединенным усилиям ученых республики за сравнительно короткое время были достигнуты значительные успехи не только в исследовании топонимики Казахстана, но и во многих других разделах ономастики казахского языка. Это подготовило почву для образования в 1970 году в Институте языкознания Академии наук Казахской ССР отдела ономастики. Основным направлением работы этого отдела стало накопление и исследование материалов казахской ономастики, подготовка малых и больших словарей топонимов и антропонимов Казахстана. Эта программа отчасти уже реализована Т. Д. Джанузаковым, Е. К. Койчубаевым, А. А. Абдрахмановым, труды которых опираются на собранную в отделе ономастики тридцатитысячную картоотеку. Статья завершается краткой характеристикой богатой и разнообразной топонимики Казахстана, исследование которой проливает свет на генезис казахского языка, восполняет пробелы в определенных отраслях знания: истории, археологии и этнографии.

А. Ибатов озаглавил свою статью «Морфологические исследования казахского языка». Как и во многих других разделах казахского языкознания, пионерами разработки морфологических проблем были дореволюционные исследователи Н. И. Ильминский, М. А. Терентьев, П. М. Мелиоранский, В. В. Катаринский. Рассчитанные на представителей русской интеллигенции и рус-

³ См. рецензии: М. М. Копыленко и Ш. Ш. Сарыбаева — «Советская тюркология», 1978, № 2, стр. 80—83 и Э. Н. Наджиба. — Там же, 1979, № 8, стр. 80—82.

ских учителей, их труды исходили из закономерностей русского языка и были ориентированы на его грамматическую систему. Даже наиболее поздний по времени написания труд Г. В. Архангельского (1927 г.) отличался этими особенностями. Крупным явлением в изучении внутренних закономерностей морфологического строя казахского языка стала «Грамматика казахского языка» Х. Жубанова (1936 г.). В 40—50-х годах появилось много работ как общего характера, так и посвященных отдельным частям речи. Обобщение отдельных исследований и уточнение деталей морфологического строя казахского языка было осуществлено в академических изданиях 60-х годов и в фундаментальных работах А. К. Калыбаевой (1971 г.), Н. О. Оралбаевой (1975 г.) и др. Статья А. Ибатова завершается, как и другие публикации, изложением задач, стоящих перед данной областью науки.

В статье Х. Есенова «Развитие науки о синтаксисе казахского языка» говорится, что подлинно научное исследование синтаксиса казахского языка, как и его морфологии, началось после Великого Октября. Первоначально синтаксические исследования имели практическую основу. Особое внимание автор уделяет подготовленной Х. Жубановым «Программе по казахскому языку», которая по содержанию и расположению материала близка современным научно-методическим работам. Теоретическим проблемам синтаксиса посвящены капитальные работы Х. Жубанова, написанные во второй половине тридцатых годов⁴. Особо выделяется его работа «Из истории порядка слов в казахском предложении». Дальнейшее развитие синтаксических идей связано с именами М. Б. Балакаева, С. А. Аманжолова и Н. Т. Сауранбаева. М. Б. Балакаев и позднее разрабатывал синтаксическую тематику, опубликовал ряд фундаментальных трудов, посвященных проблеме словосочетания и другим вопросам синтаксиса простого предложения. Он возглавил большую группу молодых способных исследователей-синтаксистов. Автор отмечает значительный вклад в изучение синтаксиса сложного предложения Н. Т. Сауранбаева, характеризует разработку вопросов пунктуации, проблем исторического синтаксиса.

А. К. Курьшижанов выступает в сборнике со статьей «Изучение старотюркских памятников в Казахстане». Основу изучения старотюркских памятников в Казахстане заложили известные тюркологи А. Н. Самойлович и С. Е. Малов. Автор подробно излагает их полемику в связи с трактовкой текста «Codex Cumanicus», отдавая предпочтение мнению С. Е. Малова. Им харак-

теризуются труды С. Е. Малова, посвященные другим старотюркским памятникам. Рассматриваются также исследования в данной области и казахских ученых. Обращение к старотюркским памятникам несомненно играет важную роль в изучении истории казахского языка.

Статья Б. А. Абиляхасимова посвящена исследованию истории формирования общенародного и литературного казахского языка. До тридцатых годов каких-либо существенных исследований по истории казахского языка не было. Первыми серьезными работами в этой области были уже упомянутая выше статья Х. Жубанова «Из истории порядка слов в казахском предложении» и его статья о классике казахской литературы Абае (1934 г.). Исключительно важное значение имела статья С. Е. Малова «К истории казахского языка» (1941 г.), ставшая по существу программой дальнейшей работы в данной области. Б. А. Абиляхасимов излагает взгляды на историю казахского литературного языка Н. Т. Сауранбаева и Г. Г. Мусабаева, полемически направленные против этих взглядов концепцию С. А. Аманжолова, упоминает также дискуссию пятидесятых годов о диалектной основе литературного языка, о характере и числе диалектов в казахском языке, о периодизации истории литературного языка. Эти споры со всей отчетливостью выявили необходимость лингвистического описания памятников и тщательного изучения отдельных категорий языка на основе конкретных письменных источников. Разрешению этих задач способствовали труды видных казахских ученых, включающие богатый материал для создания исторической грамматики тюркских языков и выявления генетических истоков казахского языка. Ряд интересных работ был посвящен изучению языка фольклора и казахской художественной литературы второй половины XIX века и послеоктябрьского периода.

В статье Ш. Ш. Сарыбаева «Состояние изучения казахских говоров» характеризуются диалектные материалы, содержащиеся в трудах И. И. Ильминского, А. В. Старчевского, М. Бекчурина, И. Лаптева, В. Катаринского и имеющие важное значение для создания полного представления о диалектах казахского языка. Как известно, диалектные особенности казахского языка до революции специально не изучались, хотя отдельные диалектные явления и регистрировались. В статье рассматривается также расхождение во мнениях дореволюционных ученых относительно наличия или отсутствия диалектной дифференциации казахского языка. Вопрос этот мог быть решен только на основе материалов экспедиционных исследований, которые были начаты в 1937 году, а в 1948—1949 годах приобрели систематический характер. Материалы экспедиций, обобщенные в трудах С. А. Аманжолова и Ж. Д. Доскараева, окончательно опровергли мнение дореволюционных исследователей о бездиалектном характере казахского языка. Дискуссии

⁴ Две из них — «О формах сочетания слов в казахском языке» и «О построении речи на казахском языке» — были опубликованы впервые в 1966 году, однако есть основания полагать, что они были известны лингвистическим кругам задолго до этого.

1952 года показали, что спорные вопросы казахской диалектологии нельзя решать без наличия описательных работ и изучения основных диалектных массивов. Поэтому исследование говоров стало проводиться в широких масштабах. В 60-х годах описательная диалектология казахского языка достигла значительных успехов. В 70-х годах внимание диалектологов было сосредоточено в основном на изучении крупных диалектных массивов, каждый из которых объединял несколько говоров.

Н. Оралбаева и Х. Неталиева в статье «Вопросы алфавита, орфографических, пунктуационных и орфоэпических норм казахского языка» характеризуют современную казахскую письменность как одно из крупных достижений казахской советской культуры: «Она является самой гибкой, самой удобной из всех письменностей, которыми когда-либо пользовался казахский народ» (стр. 122). Авторы кратко, но вместе с тем исчерпывающе описывают историю и становление современной письменности. Они стараются не преуменьшить роль арабской графики, с которой связано начало книгопечатания на родном языке, указывают на ее отдельные недостатки, анализируют орфографические затруднения, возникшие с введением латинского алфавита, сообщают о первых шагах русской графики, о дискуссиях, направленных на ее упорядочение и совершенствование, о появлении свода орфографических правил 1957 года. Авторами рассматриваются также проблемы пунктуации и орфоэпии.

Обширный круг вопросов затронут в статье Н. Х. Демесиновой «Сопоставительное изучение русского и казахского языков, исследование процессов их взаимодействия и проблем социалингвистики». В послеоктябрьский период казахский язык активно функционирует во всех сферах общественной жизни в условиях тесного взаимодействия с русским языком, при этом проявляется ярко выраженное стремление народов Казахстана овладеть русским языком как языком межнационального общения. Автор анализирует сопоставительные работы в области фонетики, морфологии и синтаксиса, показывает, как первоначальные задачи чисто методического характера со временем перерастают в программу формирования сопоставительной фонетики, морфологии и синтаксиса как самостоятельных дисциплин. «Теоретичность» этих дисциплин несколько не снижает их прикладного значения, а, наоборот, усиливает его. Если говорить о прикладных целях, то сопоставление русского и казахского языков оказывает помощь не только в преподавании русского, но и казахского языка. Много внимания уделяет автор работам в области взаимодействия и взаимообогащения русского и казахского языков, анализу исследований в области новой для Казахстана дисциплины — социалингвистики, которой успешно занимается Б. Х. Хасанов.

В сборнике опубликована статья У. А. Айтбаева «Становление и развитие переводческого дела в Казахстане». История перевода в Казахстане началась одновременно с зарождением периодической печати на казахском языке. На страницах первых казахских газет и журналов появились также некоторые суждения о проблемах перевода. В разработке теоретических проблем перевода большую роль сыграли выдающийся казахский писатель М. Ауэзов и литературовед М. Каратаев. В 50-е годы вопросам перевода стали уделять большое внимание как делу государственной важности. Появился целый ряд работ в данной области. В их числе труд К. Шарипова, посвященный обобщению опыта переводов произведений классиков марксизма-ленинизма на казахский язык (1954 г.). В 60—70-х годах предметом исследования наряду с переводами с русского языка на казахский стали также переводы с казахского на русский и иностранные языки. В последние годы проблемы перевода изучаются особенно интенсивно.

В статье «Из истории изучения казахского языка за рубежом» К. Ш. Хусанов и К. Таужанова анализируют недавно вышедшие в свет труды зарубежных ученых, посвященные этой проблеме. Как известно, М. Ряснен в своих историко-этимологических работах по тюркским языкам полностью опирается на работы В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова. Ряд неточностей, допущенных В. В. Радловым в передаче фонетического звучания некоторых казахских слов, перешел в работу финского тюрколога. В классификации тюркских языков М. Ряснен следует Г. Рамstedту и повторяет его ошибочное утверждение о том, что каракалпакский язык является диалектом казахского. Подобной точки зрения придерживаются также известные тюркологи К. Менгес и Т. Текин. Авторы статьи отмечают усиление интереса ученых к казахскому языку, что подтверждается трудами немецкого востоковеда И. Бендинга, польского тюрколога В. Котвича, венгерского алтаиста Л. Рашони и чехословацкого тюрколога Л. Гржебичка. Много внимания в статье уделяется анализу работ американского специалиста по казахскому языку Ильзы Лауде-Циртаутас. Подробному анализу подвергается также «Казахско-английский словарь» Б. Н. Шнитникова, вышедший в издательстве «Мутон» в 1966 году. Этот словарь имеет ряд достоинств, но вместе с тем содержит большое число ошибок и неточностей. Авторы заключают, что исследования зарубежных тюркологов казахского языка вносят определенный вклад в развитие тюркологии вообще и в казахское языкознание в частности.

Последняя статья сборника «Развитие уйгуроведения в Казахстане» написана Г. С. Садвакасовым и Г. М. Исхаковым. Уйгуроведение как наука зародилось в России в первой половине XIX века. Лучшие

его традиции нашли продолжение в работах советских ученых. У истоков уйгурского языкознания в СССР стояли С. Е. Малов, К. К. Юдахин, Н. А. Баскаков, А. К. Боровков. В 30—40-х годах вопросами уйгуроведения занимались в основном тюркологи Москвы и Ленинграда, но позднее намечается закономерная тенденция создания уйгуроведческого центра в Казахстане. В 1949 году был открыт академический сектор уйгуро-дунганской культуры, а в 1963 году — отдел уйгуроведения в Институте языкознания Академии наук Казахской ССР. Вопросами орфографии и терминологическими проблемами уйгурского языка языковеды занимались еще в 20—30-х годах, однако существенные результаты были достигнуты лишь в 50-е годы в трудах А. Ш. Шамиевой, А. Т. Кайдарова и Г. С. Садвакасова. С годами растет число лексикологических и лексикографических исследований, появляется первая работа по фонетике уйгурского языка Т. Талипова

(1958 г.). Создание отдела уйгуроведения сыграло большую роль в деле концентрации научных сил, систематического изучения проблем, связанных с языком, историей, литературой и искусством уйгуров. Исследования уйгуроведов, несомненно, обогащают и тюркологическую науку в целом. Авторы статьи пишут о задачах, стоящих перед уйгурскими языковедами (в числе которых издание уже в значительной мере подготовленного толкового словаря уйгурского языка, составление и издание научной грамматики современного уйгурского языка), а также об итогах и перспективах работы специалистов в области истории, литературы и искусства уйгуров.

Рецензируемый сборник является еще одним убедительным свидетельством успешного развития казахского языкознания в советское время, особенно в последние годы.

М. М. Копыленко

«АЗЭРБАЇЧАН ДИЛИНИН ИЗАНЛИ ЛУГЭТИ» II ЧИЛД, Д—J

АЗЭРБ. ССР ЕА МУХБИР ҮЗВУ, ПРОФ. Э. Э. ОРУЧОВУН

РЕДАКТЭСИ АЛТЫНДА

«ЕЛМ» НЭШРИЈАТЫ, БАКЫ, 1980, 576 стр.

«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА»,

ТОМ II, Д—J

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН АЗЕРБ. ССР,

ПРОФ. А. А. ОРУДЖЕВА

ИЗД-ВО «ЭЛМ», БАКУ, 1980, 576 стр.

Азербайджанский язык, принадлежащий к числу старописьменных тюркских языков, на котором создана богатейшая классическая литература, обладает огромным лексическим фондом и отличается многообразием выразительных средств, позволяющих передать самые тонкие и сложные понятия во всех сферах человеческой деятельности.

В настоящее время наряду с письменным языком успешно развивается и устный литературный язык. Радио, телевидение, научные съезды, конференции, симпозиумы и другие средства общения и информации создают благоприятные условия для сближения устного литературного языка с письменным.

Современный азербайджанский литературный язык, совершенствуясь и развиваясь на основе общенародного языка, вполне определился и сформировался как по лексическому составу, грамматическим нормам, так и по функциональным стилям. Словар-

ный состав азербайджанского языка в советский период значительно обогатился и пополнился новыми словами и словосочетаниями. Наступление космической эры дополнило, например, словарь азербайджанского языка такими новыми словами и словосочетаниями, как *qosmos*, *orbita*, *pejk* 'спутник', *čäkisizlik* 'невесомость', *qosmik uçuş* 'космический полет', *qosmik fäza* 'космическое пространство', *sünü pejk* 'искусственный спутник', *čäkisizlik şəraiti* 'состояние невесомости', *planetlər arası uçuş* 'межпланетный полет', *daşyuvu raket* 'ракетоноситель', *gəmi pejk* 'корабль-спутник', *uçuşu idarəetmə mərkəzi* 'центр управления полетом', *orbital elmi stansiya* 'научно-орбитальная станция' и т. д.

Значительное развитие получили в настоящее время все функциональные стили азербайджанского литературного языка.

Поэты, прозаики, драматурги Азербайджана создают художественные произве-

дения, обогащающие азербайджанский литературный язык, развивающие его средства художественной выразительности.

В толковых словарях находит отражение все богатство и многообразие словарного состава языка. Вместе с тем они играют огромную роль в упорядочении словарного состава литературного языка и обогащения его лексического запаса. В Азербайджане вышло несколько изданий русско-азербайджанского словаря, печатались небольшие по объему азербайджанско-русские словари, а также орфографический, диалектологический, терминологические словари, словарь арабских и персидских заимствований в азербайджанском языке, азербайджанско-русский фразеологический словарь. Что же касается толкового словаря азербайджанского языка, то он выходит впервые. «Толковый словарь азербайджанского языка» издается Институтом языкознания им. Наими Академии наук Азербайджанской ССР в четырех томах.

Первый том этого словаря (А—Г, вышел в 1966 году) был составлен самим А. А. Оруджевм и издан под редакцией А. Джафарова. Составителями второго тома являются А. А. Оруджев, Н. Р. Рагимзаде, Б. Т. Абдуллаев, М. А. Халифзаде. Большую помощь в создании словаря оказали ученые, работающие в различных областях науки.

Второй том охватывает слова на буквы Д—J и включает 11110 слов, 1500 выражений, всего 12650 лексических единиц.

Толковый словарь подготовлен на основе научно-теоретических принципов, разработанных членом-корреспондентом Академии наук Азербайджанской ССР, профессором А. А. Оруджевм. Словарь отражает словарный состав современного азербайджанского литературного языка и рассчитан на широкого читателя. Он создан на основе лексического материала классической и современной художественной литературы, периодической печати, научной, технической литературы. Богатым источником лексики служат и фольклор. Основное назначение этого словаря — отражение лексического состава современного литературного языка, поэтому диалектные и просторечные слова в него не включены. Словарь призван сыграть также важную роль и в нормализации лексического языка.

С прогрессом общественной жизни, с развитием науки и техники происходит постоянное количественное и качественное изменение словарного состава языка — он обогащается новыми словами, устаревшие постепенно теряют активность, одни из них становятся историзмами, другие приобретают новые значения, третьи вообще выходят из употребления.

В толковом словаре, который в определенной степени является и нормативным, невозможно отразить все лексические изменения, происходящие в процессе исторического развития языка. Это задача специальных филологических словарей.

Перед составителями толкового словаря стоят такие важные и сложные проблемы, как лексико-грамматическая и стилистическая характеристика, определение значений слов, употребляющихся в современном литературном языке, уточнение переносных значений и значений полисемантических слов, выявление омонимичных рядов и т. д. Здесь уместно привести слова А. П. Евгеньевой, которая пишет: «Задача словаря состоит не только в том, чтобы дать материал об общеизвестных словах и объяснить малоизвестные, редкие, трудные слова, но и в том, чтобы описать лексический состав языка в его связях и отношениях. Только тогда словарь достигает своей цели»¹.

В рецензируемый словарь включены органически усвоенные азербайджанским языком иноязычные слова: русские, арабские, фарсидские и др. Толкование слов иллюстрируется примерами, в которых эти слова активно функционируют. Это помогает уточнить их значение и употребление.

Следует отметить, что составители толкового словаря успешно справились со стоящими перед ними задачами. Подготовленный ими словарь является надежным источником для разработки ряда важных вопросов лексикологии, лексикографии и других областей языкознания. Наглядное подтверждение этому — всесторонняя семантическая характеристика каждого приведенного слова. Так, например, в словаре даются: семь значений глагола *ârimäk* 'таять'; восемь значений глагола *âritmäk* 'топить, растворять'; сорок три значения глагола *düsmäk* 'уласть'; тридцать два значения глагола *durmag* 'встать'; тринадцать значений и оттенков слова *âl* 'рука', а также двести выражений, в которых это слово употребляется в качестве главного компонента; девять значений и оттенков слова *dil* 'язык' и более ста выражений с этим словом как основным компонентом; восемь значений слова *dünja* 'мир' и сорок его значений в составе отдельных выражений; одиннадцать значений слова *daş* 'камень' в составе двадцати пяти выражений; производные и сложные слова, употребляющиеся только в составе фразеологических выражений, а также отдельные лексемы, встречающиеся в конкретных произведениях различных писателей и т. д.

А. А. Оруджев в своей книге «Теоретические основы толкового словаря азербайджанского языка», подробно характеризуя значение толкового словаря, указывает на то, что «словарь окажет большую помощь советским ученым, изучающим лексику тюркских языков в сравнительном аспекте».

Признавая несомненные и высокие достоинства рецензируемого словаря, мы позволим себе сделать несколько частных замечаний.

¹ А. П. Евгеньева. Определения в толковых словарях. — В сб.: «Проблема толкования слов в филологических словарях», Рига, 1963, стр. 17.

Согласно общепринятым принципам составления толкового словаря в него должны входить лишь те слова из классической литературы, которые функционируют в современном азербайджанском языке. Однако в ряде случаев составители включили и малоупотребительные слова, такие, например, как *damān* 'подол', *elam* 'объяснение', *ejmān* 'уверенный', *āgsam* 'виды, типы', *ālzām* 'самый важный', *ālhan* 'красивые голоса', *ān-zag* 'взгляды', *zirdāst* 'подручный' и т. д.

Неоправданным, с указанной точки зрения, является и включение в словарь некоторых диалектных и просторечных слов, непонятных широкому кругу читателей, например: *dūmūk* (разговорное) — 'занятие', *dāvāzār* (территориальное) — 'невыспавшийся', *edi* (причитание), *ejhana* (просторечное) — 'внезапно', *jurtav* (территориальное) — 'разновидность бега лошади, аллюр' и т. д.

Не следовало, по нашему мнению, включать в словарь и некоторые русские и иностранные термины типа: *дегазация*, *демография*, *интерьер*, *денатурат*, *эллипсоид*,

изомеры и т. д., которые обычно приводятся в специальных терминологических словарях.

Перед рядом слов отсутствуют необходимые пометы, например, *ājlanpāk* 'задержаться', *jaşugmag* 'спрятать', *jejin* 'быстро', *jögä* 'вокруг'. С рядом приводящихся помет трудно согласиться: например, перед словом *dördajag* 'доска для раскатывания теста' дана помета «диалектное», а перед словом *ejhana* «неожиданно» дана помета «разговорное». Думается, что это результат недоразумения, ибо *dördajag* как раз относится к разговорной лексике, а *ejhana* чисто диалектное слово. Перед словом *dövlätinizdän* 'за счет вашего богатства' дана помета «устаревшее», в то время как это слово в языке употребляется параллельно со словом *sajänizdän*.

В целом рецензируемый «Толковый словарь азербайджанского языка» носит строго научный академический характер и является важным достижением азербайджанской лингвистики.

Р. Дж. Маггеррамова

Р. Г. СИБАГАТОВ. ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

ИЗДАНИЕ БАШКИРСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

ИМ. 40-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЯ. УФА, 1980, 84 стр.

Книга доцента кафедры татарской филологии Башкирского государственного университета Р. Г. Сибатова «Основные признаки предложения» посвящена важным проблемам современной синтаксической теории — предикативности и модальности. Во «Введении» автор указывает, что в традиционном синтаксисе предикативность рассматривается, прежде всего, как отношение между подлежащим и сказуемым, а модальность — как особая грамматическая категория, объединяющая наклонения, модальные слова, частицы и т. д. Такой подход, по мнению автора, несколько поверхностен и его следует признать устаревшим. «Традиционный синтаксис в силу своей специфики, — пишет Р. Г. Сибатов, — не обладает тем понятийным аппаратом, который бы позволял ему адекватно описать эти глубинные явления» (стр. 5). И автор рассматривает упомянутые категории как проблему содержательной структуры предложения и, соответственно, решает ее в терминах современной развивающейся научной дисциплины — семантического синтаксиса — с одновременным широким использованием положений логики и философии.

В главе «Предикативность» Р. Г. Сибатовым анализируются различные традиционные подходы к решению данной проб-

лемы. Автор констатирует, что теория предикативности начала развиваться с положения о том, что именно делает предложение предложением. И это основное свойство предложения, получившее впоследствии название «предикативности», лингвисты стали искать в сфере отношений между двумя его главными лексико-грамматическими частями. Однако эти части выделялись не по единому принципу: «С одной стороны, — пишет автор, — противопоставляя две части предложения, исследователи непосредственно исходили из их соответствия субъекту и предикату суждения. Такое членение предложения было характерно для логического направления в языкознании. С другой стороны, предложение расчленялось так, что выделенные части, волюн или неволюн, соотносились (или могли быть соотношены) с компонентами суждения...» (стр. 7). Сюда относятся известные в лингвистике психологическое, структурно-грамматическое и актуальное (логико-грамматическое) членения предложения. На материале работ русских лингвистов (А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, В. З. Панфилова, И. П. Распопова и др.) в книге прослеживается своеобразная эволюция понятия предикативности: 1) как отношение между психологическим субъектом и предикатом; 2) как отно-

шения между структурно-грамматическим подлежащим и сказуемым; 3) как отношения между темой и ремой.

Автор вполне оправданно обращает внимание на то, что в качестве членов предикативного отношения в татарском языкознании и, можно сказать, в тюркологии вообще рассматриваются главным образом подлежащее и сказуемое. Материал книги показывает, что проблеме предикативности в такой постановке нельзя считать окончательно решенной. Данное положение, по мнению Р. Г. Сибгатов, является только лишь одним из возможных подходов к ней.

В книге особо говорится о предикативности синтагматически нерасчленяемых (нераспространенных односоставных, однословных) предложений. Эти предложения, как известно, не удовлетворяют условиям определения предикативности как отношения между двумя лексически выраженными членами. В трактовке предикативности данной группы предложений Р. Г. Сибгатов выделяет две основные тенденции: с одной стороны, часть односоставных предложений, а именно — глагольные личные (а иногда и безличные), рассматривается им как разновидность двусоставных предложений, где субъект выражен грамматическим способом (личной формой); такой подход к квалификации структуры глагольных односоставных предложений позволяет определить их предикативность тоже как двучленное отношение. С другой стороны, на материале одночленных предложений стали выделять два конституента: номинативный и модально-временной. При этом обращалось внимание на то, что номинативный конституент, представляющий собой лексическую основу предложения, приобретает статус коммуникативной единицы (актуализируется) именно благодаря модально-временному конституенту. Характерно, что данный подход к решению проблемы предикативности в последнее время стал распространяться также на трактовку предикативности двусоставных расчленяемых предложений.

Критический анализ существующих концепций о сущности и способах выражения предикативности, хотя и не входил в основную задачу автора, однако позволяет видеть ведущие тенденции развития теории предикативности и наметить пути ее дальнейшей разработки.

В разделе «Структурные основы понятия предикативности» Р. Г. Сибгатов указывает на особую важность учета реальности в рамках предложения двух взаимосвязанных структур: 1) схему отношений между двумя последовательно сочетающимися, лексически выраженными частями предложения, 2) схему отношений между двумя «ярусами» (номинативной основой и модальным конституентом).

По мнению автора, предложенные до сих пор решения проблемы предикативности не являются в полной мере удовлетворительными именно потому, что в них проявляется стремление к абсолютизации одной из двух

указанных структур. В одном случае (при логическом подходе) предикативность преподносится как отношение синтагматически выделяемых частей. Другое (грамматическое) же понимание ее сводится к отношениям между двумя «ярусами» предложения. Р. Г. Сибгатов с полным основанием пишет: «В действительности решение проблемы предикативности не сводится к выделению и описанию той или другой отдельной структуры... Решения проблемы надо искать, главным образом, в области взаимосвязи, взаимодействия двух указанных структур» (стр. 33).

Свой подход к решению проблемы предикативности Р. Г. Сибгатов основывает прежде всего на уточнении статуса и функции модальных средств в предложении. Модальные средства (наклонение, время, вводное слово, частицы и т. д.) обычно относятся к сказуемому, поэтому их значения воспринимаются как часть, элемент значения сказуемого. При этом утверждается, что модальные значения, будучи компонентом значения сказуемого, через него распространяются на все содержание предложения. Р. Г. Сибгатов доказывает относительную самостоятельность их. Главные члены предложения, по его мнению, «находятся в атрибутивном отношении друг с другом» независимо от того, распространяется ли на них действие модальных средств или нет (стр. 35). Например, в основе предложения *жир яшарде* 'земля помолодела' лежит словосочетание *жир яшару*, где выражен предмет (*жир*) и признак (*яшару*). Средства модального характера, по утверждению автора книги, сами по себе не устанавливают новые синтагматические отношения, а функционируют на базе уже имеющегося атрибутивного отношения, преобразуя его. Функциональную специфику модальных средств в предложении Р. Г. Сибгатов определяет так: «Хотя обычно утверждается, что модальные средства, относящиеся к сказуемому (предикату), распространяют свое значение на все содержание предложения, это нельзя понимать в буквальном смысле слова. Модальные значения, составляющие ярус-признак, характеризуют номинативную основу предложения, или ярус-основу, не как одно целое. Они характеризуют отношение, существующее между двумя основными частями, которые объединены в это целое» (стр. 34). Или еще: «Они характеризуют хотя и важнейшую, конституирующую, но часть целого, а именно — атрибутивное отношение, то есть отношение между предметом и свойством...» (стр. 35). В целом предикативность расчленяемых предложений квалифицируется так: в этих «предложениях», с одной стороны, выражается отношение между предметом мысли и приписываемым ему свойством — отношение, существующее независимо от говорящего лица, лишь раскрываемое, сообщаемое им. С другой стороны, выражается отношение говорящего к этому объективно существующему отношению» (стр. 35). На основе изложен-

ного предикативность расчленяемых предложений определяется именно как «модально (субъективно) характеризующее атрибутивное отношение». При таком подходе, в конечном итоге, снимается противопоставление двух различных пониманий предикативности — логического и грамматического.

Вторая глава книги посвящена модальности и некоторым другим сложным теоретическим вопросам.

1. Модальные значения относят обычно к числу значений с так называемым субъективным компонентом. Но что представляет собой этот субъективный компонент? По мнению автора, «Все обычные (немодальные) значения рассматриваются как „субъективные образы объективного“, то есть как значения, субъективность которых сводится именно только к форме их существования. Модальные же значения воспринимаются как единицы содержания со своеобразным субъективным составом... Однако при этом крайне усложняется вопрос о квалификации языкового статуса этих субъективных по содержанию фрагментов предложения. Вполне понятно, что назвать их просто субъективными значениями нельзя. Но и отрицать субъективность рассматриваемых единиц тоже нельзя, так как это вообще устранило бы проблему модальности» (стр. 61—62).

2. Модальность в лингвистической литературе определяется как выражение отношения... Однако: чего к чему? «... Элементы, между которыми это отношение существует, — пишет Р. Г. Сибигагова, — не получили пока достаточно полного и четкого определения. Этим объясняется проявляющийся в лингвистических описаниях загадочный характер самого отношения (модальности)» (стр. 64).

3. Модальность обычно называют грамматической категорией. Если это так, то следует рассматривать ее в качестве морфологической или синтаксической категории?

Эти вопросы, выдвигаемые современным состоянием теории модальности, нашли в книге Р. Г. Сибигагова вполне оригинальное решение. Автор считает, что раскрыть природу «значений с субъективным компонентом» можно только путем сведения их к выражению отношения между некоторыми элементами субъективного и объективного порядка. «Элементы, рассматриваемые здесь, — утверждает он, — нельзя представить как просто материальные субстанции. Всякое отношение, выражаемое в языке, — это отношение между осознанными явлениями. Соответственно, вступающие в отношение элементы „объект“ и „субъект“ функционируют на уровне мышления как отражения» (стр. 66). Выше в книге автор уже отмечал: «Речевое употребление модальных средств, безусловно, предполагает наличие некоторой (реализуемой на уровне мышления) системы с элементами „объект“ и „субъект“ и отношением между ними. Од-

нако в строе языка модальность существует не как выражение (обозначение) системы в целом, а как выражение отношения, абстрагированного от элементов, вступающих в это отношение» (стр. 64). Отсюда вытекает и то, что «субъективность, усматриваемая здесь, — это, по всей видимости, не кусочек (компонент) значения как такового. Эта субъективность предстает скорее как элемент системы, образуемой отношением рассматриваемого типа» (стр. 56).

Такие сложные теоретические построения, хорошо обоснованные с точки зрения философии, логики, теоретической лингвистики, подтвержденные фактами языка, в книге Р. Г. Сибигагова, объединяются в одну стройную и последовательную концепцию.

Заслуживает внимания данная автором характеристика модальности в соответствии с выполняемой ею функцией в коммуникации. Модальность на материале татарского языка рассматривается им как специфический способ выражения: а) отношения к предметам, б) отношения к свойствам, в) отношения к отношениям.

Рассматривая модальность по отношению к системе средств языка, автор высказывает, на первый взгляд, не совсем обычную, но вполне обоснованную и приемлемую мысль. По его мнению, предложенная рядом тюркологов квалификация модальности как морфологической или синтаксической категории весьма спорна. Модальность является категорией, объединяющей в себе не только морфологические или конструктивно-синтаксические, но также лексические и интонационные средства языка.

Новая книга Р. Г. Сибигагова заслуживает положительной оценки, хотя можно высказать и некоторые пожелания автору.

На протяжении всей истории изучения соответственно предложения и суждения внимание лингвистов и логиков всегда привлекал вопрос о предикативности коммуникативно нерасчлененных предложений. Р. Г. Сибигагов выделяет основные тенденции развития теории о природе данного типа предложений, вносит существенные уточнения в понимание их логико-семантических особенностей, но вопрос в целом еще остается не до конца раскрытым. Следует также заметить, что, рассматривая предикативность и модальность на логико-семантическом (теоретическом) уровне, автор, естественно, ограничивает описательную часть работы указанием основных грамматических форм выражения, что, на наш взгляд, не всегда оправдывается.

Книга Р. Г. Сибигагова, хотя и написана на материале татарского языка, благодаря своим научным достоинствам и содержащимся в ней теоретическим обобщениям, несомненно, представляет значительный интерес и для специалистов по синтаксису также других тюркских языков.

М. А. Ахметов, В. Ш. Псянчин

«ЯЗЫКИ НАРОДОВ СИБИРИ»

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ, ВЫП. 3.
КЕМЕРОВО, 1979, 248 стр.

Сборник, включающий двадцать шесть научных статей, посвящен изучению языков аборигенов Сибири — их разных уровней (фонетике, морфологии, синтаксису, лексике, семантике). В нем представлены различные аспекты описания (синхрония и диахрония), направления и методы современной лингвистики (описательный, сравнительно-исторический, типологический, структурный, экспериментально-фонетический, лингво-географический). В сборнике рассматриваются не только тюркские, монгольские, енисейские и самодийские языки, являющиеся непосредственным объектом исследования, но и материал многих других языков — финно-угорских, тунгусо-маньчжурских, китайско-тибетских, индоевропейских, кавказских, африканских, языков североамериканских индейцев — привлекаемый для объяснения заимствований, этимологии, для исторических и типологических сопоставлений. В предисловии к сборнику справедливо указывается, что «широкая проблематика статей сборника объясняется необходимостью комплексного подхода к изучению языковой ситуации в Сибири» (стр. 6).

Сборник открывается интересной статьей М. А. Бородиной «Микро- и макролингвистические территории», в которой рассматриваются различные виды лингвистических атласов. Это макроатласы (например, атлас языков мира, атлас языков отдельного континента, атлас какой-либо одной семьи языков) и микроатласы (атлас одного диалекта). Первые позволяют решать вопросы, касающиеся взаимоотношения разных языков, литературного языка и диалектов, определения «границ... языков и диалектов в их соотношении с их этническими границами» (стр. 14), а также вопросы сравнительно-исторического и типологического изучения языков. Вторые в большей мере, чем первые, соотносят лексику языка или диалекта с предметной действительностью, дают возможность «знакомиться с этнографическими и фольклорными особенностями изучаемой территории» (стр. 14). С другой стороны, это различные виды макроатласов (ср. атлас языков мира и атлас одной семьи языков). Даже макроатласы одного и того же вида (атлас семьи языков) в зависимости от специфики охватываемой языковой территории, степени изученности истории языков и народов, количества «хорошо изученных микролингвистических территорий» (стр. 10) могут сильно отличаться друг от друга и по задачам, и по степени трудности лингвистического картографирования. Это видно из приведенного в сборнике сравнения «Общеславянского лингвистического атласа» и «Диалектологического атласа тюркских языков СССР», подготовляемых в настоящее время.

Статья Е. И. Убратовой «Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных тюркских языках Сибири» основана на исследовании материала большого числа тюркских языков и диалектов. В качестве критерия для установления степени родства языков взяты морфологические признаки, так как автор справедливо считает их наиболее устойчивыми и надежными. Использование морфологического критерия позволило получить интересные данные. Так, оказывается, якутский язык сохраняет следы древнетюркского (огузского) во всем своем строе, на разных уровнях, а также, в меньшей степени, следы древнеуйгурского (огузского), причем такие, какие не обнаруживаются в тофском и тувинском языках, более других подвергшихся влиянию древнеуйгурского. Языки Южной Сибири отражают следы как древнеуйгурского (огузского), так и древнекиргизского (кыпчакского) языков. Современный киргизский язык имеет много общего не только с алтайским, но и с другими тюркскими языками Южной Сибири. В хакасском языке сохраняются следы всех трех древних языков. Е. И. Убратовой удалось выявить черты каждого из древних языков в языках современных и распространение влияния древних языков на тюркские языки Южной Сибири. Заслуживает внимания предположение автора о возможности существования в древнюю эпоху (в период установленного огузского влияния) бесписьменных кыпчакских языков на территории Южной Сибири. Изложенные в статье результаты исследования важны как для истории отдельных тюркских языков (алтайского, киргизского, телеутского, тофского, тувинского, хакасского, чулымско-тюркского, шорского, якутского) и их носителей, так и для общей истории тюркских языков и тюркских народов.

В статье Р. М. Бирюкович «Структура и семантика форм настоящего времени индикатива чулымско-тюркского языка» дается подробное систематическое описание форм настоящего времени среднечулымского диалекта в сравнении с нижнечулымским. Теоретическую основу настоящего исследования составляют, с одной стороны, работы А. П. Дульзона по описанию временной системы нижнечулымского диалекта и, с другой — методы компонентного анализа и грамматических оппозиций, последовательно применяемые автором. Для каждой рассматриваемой временной формы различается ее основное значение, присутствующее во всех контекстах и свойственное этой форме всегда, и значения, проявляющиеся только в определенных контекстах.

Д. Ф. Патачакова в статье «Личная форма на -сым в диалектах хакасского языка» прослеживает употребление указанного аф-

фикса 1-го лица единственного числа в качестве личного показателя в спрягаемых формах глагола и аффикса сказуемости в именах в разных диалектах хакасского языка. Наиболее интересен в этом отношении сагайский диалект, где аффикс *-сым* выступает в разных фонетических условиях. Автор также ставит вопрос о происхождении начального *с-* аффикса и намечает верный, на наш взгляд, путь его решения — через сопоставление к начальным *ј-* соответствующего аффикса других тюркских языков.

В статье С. П. Тимониной «Способы выражения значения уменьшительности в мрасском и кондомском диалектах шорского языка» подробно и в нескольких аспектах рассматриваются наиболее употребительные в шорском языке аффиксы с уменьшительно-ласкательным значением: 1) употребление аффиксов в их собственном значении; 2) употребление аффиксов в иных, словообразовательных, значениях (возникновение, таким образом, аффиксальной омонимии); 3) диалектные различия в употреблении аффиксов; 4) происхождение того или иного аффикса, генетическое родство между отдельными аффиксами шорского языка, их родство с другими тюркскими аффиксами; 5) употребление аффиксов в составе апеллятивной лексики и собственных имен — фамилий и топонимов. Хотелось бы, чтобы автор продолжил работу по выявлению слов типа *кумак* 'песок' (по-крупнее) (от *кум* 'песок'), где «при наличии аффикса уменьшительности *-ак* слово, как видно, не имеет оттенка уменьшительности, а наоборот, обозначает более крупный предмет» (стр. 52).

Статья Ф. Г. Чиспьяжовой «Лексические особенности кондомского диалекта шорского языка» содержит описание лексических диалектизмов обоих диалектов шорского языка (кондомского и мрасского) в сопоставлении с другими тюркскими языками: любому слову кондомского диалекта противопоставляется слово с тем же значением из мрасского диалекта, при этом каждое диалектное слово сопровождается сравнениями из других тюркских языков, приводимыми в скобках. Вся лексика разбита на девять групп: названия частей тела человека, термины родства, социальных отношений, названия явлений природы и географических объектов, предметов домашнего обихода и ремесел, охоты и рыбной ловли, сельскохозяйственной лексики, названия растений, представителей животного мира. Интересны выводы автора «о двух различных тюркоязычных ядрах, легших в основу этих диалектов» (стр. 61), о том, к каким именно тюркским языкам тяготеет каждый из диалектов, об использовании диалектами слов с более узкой или более широкой сепантикой для обозначения одного и того же предмета.

Включенные в сборник статьи Л. В. Дмитриевой «Некоторые тюркские этимологии» и «О некоторых заимствованиях в тюркских языках», по-видимому, представляют собой часть большого исследования

автора, посвященного выяснению происхождения названий растений в тюркских языках. Они содержат новый, богатый материал по тюркским, монгольским, уральским и тунгусо-маньчжурским языкам. В первой статье даются этимологии примерно для двух десятков фитонимов, при этом круг привлекаемых языков выходит за пределы указанных семей, в ряде случаев выделяются ностратические основы. Во второй статье среди тюркских названий растений выделяются разные по происхождению пласты (монголизмы, тунгусо-маньчжуризмы, ураллизмы) и говорится о степени их распространенности по языкам.

В статье Т. Т. Талипова «К вопросу о возможной интерпретации фонетической модификации слова *оғлақ/лақ* 'козленок' в тюркских языках» на материале казахского, уйгурского, древнетюркского и древнеуйгурского языков анализируются: образование аффиксов путем «гиперагглютинации», исторические фонетические преобразования аффиксов, переход прилагательных в существительные путем эллипсиса словосочетаний, явление фузии в тюркских языках. Автор опирается на сравнительно-исторические исследования, дает критический обзор литературы по рассматриваемой проблеме. К сожалению, композиция работы недостаточно стройна. В частности, изложение собственного мнения автора переплетается с изложением чужих взглядов и их оценкой, в результате чего точка зрения автора не всегда находит четкое выражение. Было бы поэтому целесообразно дать в конце статьи резюме.

Т. Г. Перфильева в статье «Образование имен существительных, обозначающих половозрастные различия в названиях лиц и животных (на материале ненецкого языка)» подробно описывает способы выражения значений пола и возраста в ненецком языке на основе общего перечня способов обозначения пола, выделенных М. А. Немировским в языках мира. В статье представлен богатый материал по лексике и словообразованию ненецкого языка, который делает работу весьма интересной и содержательной.

В статье Ю. И. Васильева «Служебное слово *курдук* с причастными формами глагола в простых предложениях якутского языка» приводятся сочетания, состоящие из причастий и элемента *курдук*, имеющие различные модальные значения. Все многочисленные модели этих сочетаний, встречающиеся в простых предложениях, четко делятся на два структурных типа: 1) причастие + *курдук* с личным показателем, 2) причастие + *курдук* без личного показателя + вспомогательный глагол/глаголы. Автору удалось установить, что степень употребительности обоих типов в якутских текстах одинакова. Он уделяет внимание также семантике сочетаний, отмечая, что именно вносят в значение сочетания семантика вспомогательного глагола, изменение места формального показателя (ср. ... *курдук этилэр* — ... *курдуктар этэ*), оп-

ределенные контекстные условия (ср. сближение частицы *курдук* по значению с показателями сравнения).

Статья Н. Н. Ефремова «Якутские полипредикативные конструкции, выражающие ограничительную одновременность» представляет собой точное и полное системное описание многочисленных синтаксических моделей с указанной семантикой. В статье содержится информация о структуре и семантике моделей, а для синонимичных моделей — о степени их употребительности в об условиях, диктующих выбор той, а не иной из синонимичных моделей. Приведенный материал свидетельствует о богатстве глагольной системы и синтаксиса якутского языка.

Э. И. Белимов в статье «Восклицательные предложения в енисейских языках» подробно рассматривает самые различные типы восклицательных предложений в языках кетов и югов в сравнении с другими видами эмоционально окрашенных предложений (вопросительные, восклицательно-вопросительные, побудительные, эмфатические, риторические вопросы), устанавливает некоторое сходство между ними, а также отличия, позволяющие выделить восклицательные предложения в особый класс. Принципы их выделения основаны на всестороннем анализе предложений, учете их интонационных и структурных (порядок слов, морфологические и специальные лексические средства) особенностей. Статья представляет интерес как описание определенного раздела синтаксиса енисейских языков, может быть использована и при типологических исследованиях.

В сборнике опубликовано шесть работ по экспериментальной фонетике, представляющих собой описание исследований, выполненных в ЛЭФИ ИИФФ СО АН СССР под руководством В. М. Наделеева. Это статьи Б. Б. Фейера «Трехфазовый гласный в кетском языке (пакулихинский говор)», Г. Г. Куркиной «Дистрибуция гласных в первом слоге языка казымских ханты», Л. А. Верте «Передаваемые гласные [t] и [p] в языке казымских ханты», И. Я. Селютиной «Кумандинские малолетние носовые согласные», Н. Б. Поспеловой «Позиционно-комбинаторное использование шорских согласных звуков», К. В. Меркурева «Шумные среднеязычные фонемы [hç:] и [h~j] в языке бачатских телеутов».

Статья Г. К. Вернера «Енисейские числительные первого десятка» представляет собой интересное сравнительно-историческое исследование по енисейским языкам. Путем этимологического анализа структурных элементов указанных числительных автор выясняет их происхождение. Ему удается проследить, как пятиричная система счисления вытесняется в енисейских языках семичной, а в дальнейшем — десятичной. В статье использован материал енисейских, финно-угорских, китайского, древнекитайского, тибетского языков.

В статье М. Н. Валл «Об одной структурно-типологической аналогии в системах

склонения енисейских и некоторых восточно-кавказских языков» говорится о «принципе двух основ», одинаково характерном для обеих языковых семей. Он состоит в том, что одни падежи в соответствующих языках образуются от чистой, а другие — от косвенной основы, снабженной специальным аффиксом, являющимся показателем либо родительного падежа, либо эргатива (современного или более архаичного), либо того и другого вместе. Автор указывает на факт взаимосвязи эргатива и родительного падежа в языках обеих групп с именными классами. Материал и выводы статьи — еще один довод в поддержку гипотезы о генетическом родстве енисейских и кавказских языков.

Г. Т. Живова в статье «Сопоставительный анализ кетских личных местоимений 3-го лица» подробно описывает особенности указанных местоимений в кетском языке (в сопоставлении с финно-угорскими, тюркскими, индоевропейскими и кавказскими языками) и приходит к заключению о противопоставленности этих местоимений в семантическом и грамматическом отношении местоимениям 1-го и 2-го лица, свойственной большинству языков мира. В работе отмечается тесная связь личных показателей глагола и притяжательных префиксов существительного в кетском языке с личными местоимениями. Автор приходит также к выводу о том, что кетское личное местоимение 3-го лица *бу* в генетическом отношении занимает особое место среди остальных личных местоимений и не имеет соответствий в других енисейских языках.

В статье «Способы выражения категории множественности кетского глагола» В. Г. Шабаев рассматривает данную проблему в плане диахронии. Он пишет о разных значениях множественности (множественность субъекта действия, множественность объекта, множественность действия — «массовость» действия, многократность действия), выражаемых в словоформе глагола, о различных способах передачи этих значений (специальные аффиксы *-н*, *-ң*, своеобразное употребление рядов личных показателей, супплетивизм глагольных корней), указывает на связь этих способов с отдельными периодами в истории кетского языка, становлением в нем категории числа. Отмечается многозначность аффиксов *-н*, *-ң* в составе глагола и их использование для обозначения множественного числа имени, перечисляются существующие гипотезы относительно их происхождения. Явления кетского языка сопоставляются с аналогичными явлениями в африканских языках и в языках североамериканских индейцев.

Г. Г. Фисакова в статье «Изучение языка бачатских телеутов» излагает историю изучения этого языка, называет имена исследователей, обращавшихся к его материалу в своих работах, приводит подробную библиографию. Заслуживает внимания мнение автора о месте языка бачатских телеутов среди других тюркских языков и диалектов. Автор считает его самостоятельным

тюркским языком, а не одним из диалектов алтайского языка. В статье «Материалы по языку бачатских телеутов» Г. Г. Фисакова приводит 339 предложений на бачатско-телеутском языке и их русский перевод, представляющие большой интерес как материал бесписьменного языка. Это — полевые записи, сделанные и апробированные автором во время научных экспедиций.

В статье К. А. Бичелдея «Фарингализация гласных в тувинских заимствованиях из монгольского и русского языков» описание указанного явления сопровождается объяснением причин его возникновения, которые могут быть различны в зависимости от типа языка-источника и от фонетического облика заимствованного слова. Автор

подчеркивает, что фарингализация гласных в заимствованиях «отражает... общую тенденцию подчинения всех заимствований фонетическим законам тувинского языка, независимо от времени их вхождения в язык» (стр. 253) и независимо от типологической схожести/несхожести тувинского языка и языка-источника.

В заключение следует подчеркнуть, что рецензируемый сборник знакомит читателя с результатами весьма серьезных научных исследований и содержит новые интересные материалы по сибирским языкам и диалектам.

Х. Ф. Исхакова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ГРАММАТИК И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ»

28—29 мая 1981 года в Баку прошел научно-теоретический семинар, посвященный принципам построения исторических грамматик и истории литературных языков, организованный Группой сравнительно-генетических исследований языков различных семей Института языкознания Академии наук СССР (руководитель — Н. З. Гаджиева) и Институтотом языкознания Академии наук Азербайджанской ССР. В работе семинара приняли участие свыше ста представителей научных учреждений и вузов Москвы, Баку, Нахичека и Сыктывкара. В течение двух дней было заслушано двадцать докладов и выступлений, посвященных как общетеоретическим проблемам, так и частным вопросам истории различных языков (тюркских, славянских, иранских, романских, кельтских и греческого).

Семинар открыл академик *М. Ш. Ширалиев* (Баку), подчеркнувший в своем выступлении особую актуальность тематики семинара для азербайджанского языкознания. В последнее десятилетие история азербайджанского языка стала предметом серьезного и систематического изучения. Стал активнее применяться сравнительно-исторический метод исследования и шире привлекаться материал исторических памятников и родственных языков. Поэтому возникла необходимость разграничения изучения исторической грамматики и истории литературного языка. Однако, несмотря на ряд серьезных достижений в области изучения истории азербайджанского языка, многие вопросы еще ждут своего разрешения. Так, во многих вузовских учебниках под литературным языком подразумеваются индивидуальные особенности языка отдельных писателей, при этом структурные и функциональные особенности языка художественных произведений в целом игнорируются. Другие функциональные стили литературного языка в диахроническом плане почти не изучаются. Проводя периодизацию истории литературного языка, ее отождествляют с периодизацией либо истории азербайджан-

ской литературы, либо письменных памятников, тогда как следовало бы проводить ее с обязательным учетом взаимовлияния книжного и общенародного языка. Это позволяет выделить следующие периоды в истории азербайджанского литературного языка: 1) донациональный (с XIII века до 1875 года); 2) национальный (с 1875 года до установления Советской власти); 3) советский.

С докладом «Принципы разграничения истории языка и истории литературного языка» выступил *Б. А. Серебренников* (Москва)¹.

Доклад *В. И. Асланова* и *В. Л. Гукасяна* (Баку) «Принципы создания истории дописьменного периода развития языка» был посвящен одной из наиболее сложных проблем исторической грамматики — созданию истории дописьменного периода языка со старописьменной традицией (в данном случае — азербайджанского). Авторы доклада считают, что путем привлечения экстралингвистических и лингвистических данных история азербайджанского языка может быть продвинута вглубь на несколько веков. Подобный вывод позволяет утверждать, что тюркоязычное население Азербайджана в своей основе является аборигенным, а азербайджанский язык как общенародный разговорный язык функционировал на территории Азербайджана уже в I тысячелетии нашей эры. При этом авторы считают возможным выделить два этапа в реконструируемом ими дописьменном периоде: 1) образование и формирование общенародного азербайджанского языка как разговорного языка аборигенного населения на территории Азербайджана (V—VIII века); 2) становление общенародного азербайджанского разговорного языка, который со временем становится средством общения между разноязычными народностями Азербайджана

¹ Текст доклада *Б. А. Серебренникова* опубликован в журнале «Советская тюркология», 1981, № 4.

(IX—XI века). Таким образом, полагают авторы, азербайджанский язык стал общенародным разговорным языком задолго до появления первых письменных памятников и до формирования азербайджанского литературного языка.

Д. И. Эдельман (Москва) в докладе «Об изучении субстратного компонента в истории языка» раскрыла значение изучения проблем субстрата для воссоздания истории языка, в первую очередь развивавшегося и функционировавшего в многоязычном ареале. Свидетельствуя об определенном периоде сосуществования и контактирования двух языков на одной территории, явление субстрата позволяет судить и об этнической истории народов, населяющих данный регион. Понимая под термином «субстрат» или «субстратные элементы в языке» совокупность элементов языка, на котором говорил данный этнос до перехода на другой язык, в этом, втором, языке докладчик продемонстрировала субстратные проявления на всех уровнях языковой структуры (в основном на материале иранских языков) и показал при этом, что в силу различной проницаемости языковых уровней для иноязычных элементов воздействие субстрата также различно: наименее проницаемой является морфология, в значительно большей степени влиянию подвержены фонетика (и фонология) и синтаксис, и наиболее податливой оказываются лексика. В докладе подчеркивается тот факт, что различные аспекты субстратного воздействия в разной степени поддаются наблюдению и изучению. Если субстратные элементы плана выражения выявляются относительно четко, то семантический аспект (изменение семантики слов, функций форм, значений синтаксических конструкций) менее прозрачен, но не менее значим.

Явления субстрата могут длительное время существовать в разговорной речи или диалектах, не проникая в литературный язык, что еще раз указывает на различие между историей языка и историей его литературной разновидности.

В докладе *О. С. Широкова* (Москва) «Сравнительно-исторические реконструкции и диалектология» было подчеркнуто, что со времен Г. Курциуса, Ф. И. Буслаева и Ф. Ф. Fortunatova основным материалом для сравнительно-исторических исследований служат диалекты, а не древние литературные языки, которые в силу своей наддиалектной и «панхронической» природы не пригодны для непосредственного использования при реконструкциях.

Современная индоевропеистика не только все шире использует диалектные данные ранее последовательно не привлекавшихся индоевропейских языков, но и по-новому подходит к материалу классических языков: данные латыни дополняются как фактами других итальянских языков, так и материалом современных романских диалектов; данные греческого привлекаются в их древнедиалектной форме и дополняются материа-

лом новогреческих диалектов, отражающих древние изоглоссы.

Реконструируемый на основе индоевропейских диалектов праязык представляет собой континуум диалектов, поскольку сравнительно-исторический метод фактически реконструирует изоглоссы, а не единый «язык-основу». Материал диалектов способствует решению и другой задачи сравнительно-исторического языкознания — выявлению путей эволюции от исходного состояния, ибо они могут отражать этапы этой эволюции.

М. И. Исламов (Баку) в докладе «Диалекты азербайджанского языка и их значение в изучении его истории» выделил ряд вопросов в истории азербайджанского языка, решение которых возможно лишь при широком привлечении данных современных диалектов и говоров: это и восстановление некоторых черт языка древних племен (например, хазаров) живших некогда на территории Азербайджана, и объяснение отдельных грамматических форм и особенностей, редко встречающихся в письменных источниках, и выделение древних языковых пластов, относящихся к разным этапам развития азербайджанского языка, и восстановление исконных, первичных форм отдельных лексем и грамматических показателей и их этимологизация. Выдвинутые положения были раскрыты на богатом и разнообразном материале современных азербайджанских диалектов и говоров.

В. К. Журавлев (Москва) в докладе «История литературного языка. Предмет и задачи» напомнил, что различение задач исторической грамматики и истории литературного языка опирается на введенное И. А. Бодуэном де Куртенэ и Ф. Ф. Fortunatovым разграничение «внутренней» и «внешней» лингвистики. Поскольку предмет истории литературного языка является история его общественных функций и, соответственно, история «социального давления» на языковые процессы, постольку в ней можно выделить два аспекта: 1) историю системы взаимосвязанных функциональных стилей, включая изучение динамики объема и содержания наполняющих их текстов, а также процессов их нормализации и стилистической дифференциации (сюда входит и составление грамматик, лексиконов, сводов орфографических правил, терминологических словарей и т. п.); 2) историю собственно носителей литературного языка, включая изучение объема и социального содержания лингвосоциума (социолема), которые постоянно меняются в соответствии с изменениями исторической судьбы народа, что непосредственно отражается на судьбе литературного языка (на расширении его общественных функций, его демократизации, взаимосвязи с различными формами народного языка — диалектами, фольклором и т. п.).

В докладе *Т. М. Гаджиева* (Баку) «Соотношение исторической грамматики и истории литературного языка» подчеркивалось, что если объектом изучения этих двух дис-

циплин являются одни и те же памятники письменности, то предметы изучения у них различны. Историческая грамматика фиксирует внимание на структуре языка, на его строевых элементах и постоянно совершенствует и конкретизирует методiku диахронического анализа, учитывая при этом, что язык памятников при записи неизбежно подвергается процессам языкового выравнивания, шлифовки и нормализации. Перед историей литературного языка стоят иные задачи: изучение формирования и совершенствования функциональных стилей языка, выявление функциональной нагрузки отдельных языковых элементов, становление языковой нормы. Специфической проблемой для тюркских языков является проблема взаимовлияния их литературных языков в процессе становления нормы каждого из них, а также роль отдельных литературных личностей в этом процессе. Автор выдвигает и рабочий критерий для разграничения языкового материала, подлежащего изучению: если спорадические в истории данного языка грамматические факты, типичные для другого, родственного, языка, не встречаются в его современных диалектах и говорах, то, следовательно, эти факты исторически не были его собственными, исконными элементами и относятся лишь к истории литературного языка.

Р. Дж. Маггеррамова (Баку) в докладе «Предмет и задачи исторической грамматики азербайджанского языка» подчеркнула, что одной из актуальных задач тюркского языкознания является построение исторической грамматики как отдельных тюркских языков, так и всей семьи в целом. Поскольку историческая грамматика выявляет и присущие данному языку специфические черты, а черты, свойственные другим родственным языкам, она по своей сути представляет собой сравнительно-историческую грамматику, ставящую своей целью изучение исторического прошлого и закономерностей развития этих языков. При этом должны изучаться как письменные памятники, диалекты и фольклор данного языка, так и памятники и диалектные данные родственных языков. Работа же с памятниками требует тщательного филологического, текстологического и лингвистического их анализа на всех уровнях языковой структуры. При составлении исторической грамматики азербайджанского языка необходимо учитывать следующие особенности его письменных памятников: 1) арабский алфавит не отражает полностью фонетических особенностей азербайджанского языка; 2) даже в пределах одного и того же памятника последовательность в орфографии часто нарушается; 3) основная часть памятников относится к классическому стихотворному жанру; 4) отдельные эпохи представлены разным числом памятников; 5) независимо от своего объема, памятники не отражают все специфические черты языка своего времени.

Историческая грамматика не только воссоздает картину прошлого, но и позволяет

проследить пути развития и становление норм литературного языка, способствуя правильному решению проблем современного азербайджанского языка.

З. И. Будагова (Баку) в докладе «О развитии грамматических функций деепричастия *деја* в азербайджанском языке» убедительно показала, что при построении исторической грамматики языка необходимо тщательно исследовать некоторые полифункциональные грамматические формы, прошедшие длительный исторический путь. Так, деепричастная форма *деја* в процессе своего развития стала употребляться для: выражения причинных отношений, соединения двух самостоятельных предложений, оформления прямой речи, передачи причинной и изъяснительной связи. Как вспомогательное слово она участвует в образовании обстоятельств цели. Она может также выступать грамматическим синонимом таких слов, как *олараг*, *кими*, образуя различного рода наречеообразные выражения. Подобные многофункциональные формы (ср. также *јох*, *дејил* и т. п.) должны рассматриваться в особых разделах исторической грамматики, так как их анализ открывает исследователю выход в другие ярусы и сферы языка.

В докладе А. А. Ахундова (Баку) «Значение изучения языковой аттракции для построения истории языка и истории литературного языка» говорилось, что для адекватного описания истории азербайджанского языка, в частности в области синтаксиса, несомненное значение имеет и учет возможности действия языковой аттракции, что связано с географическим положением Азербайджана и историей его народа. Так, если само формирование союзного сложного предложения в общенародном азербайджанском языке может быть объяснено внутриязыковыми причинами (как показала Н. З. Гаджиева), то преобладание этого индоевропейского типа сложного предложения во всех основных стилях литературного языка до XX века может быть объяснено влиянием персидского языка. сказавшемся не только на распространенности этой конструкции, но и на ее структуре (ср. включение определительного придаточного в середину предложения, употребление ряда общих союзов, в частности полисемантического союза *ки*, развитие системы соотносительных слов и анафорических местоимений и т. п.). Это влияние, которому способствовало творчество таких классиков, как Насими, Физули, Хатаи, писавших параллельно и на азербайджанском, и на персидском языках, послужило внешним импульсом для развития в литературном языке уже образовавшейся в недрах общенародного языка конструкции (ср. слабое ее развитие в кыпчакском), что по существу представляет собой явление языковой аттракции. Позднее, благодаря произведениям Н. Нариманова, Н. Везирова, А. Ахвердова и других писателей, на синтаксисе сложного предложения стало сказываться влияние русского языка.

И. В. Кормушин (Москва) в докладе «Инновации в древних литературных языках» исходил из того положения, что если тот или иной древний письменный источник является памятником литературного языка, то в нем обязательно должны присутствовать архаизмы и инновации периода формирования литературного языка. При этом следует различать инновации органического типа, не нарушающие единой генетической линии развития данного языкового элемента (ср., например, вхождение в систему времен азербайджанского языка в XV—XVI веках формы *-zak* из системы глагольных имен, сначала на правах варианта к форме *isar*, а затем полностью вытесняя ее), и инновации неорганического типа, представляющие собой включение в литературный язык элементов инородного, алогенетического происхождения (ср. соотношение *ev—öj* в азербайджанском языке в XVIII веке, где *öj* представляет собой вторжение кыпчакизма в литературный язык).

Оба типа инноваций могут быть обнаружены и в наиболее древних памятниках на основе сравнительно-исторического метода, особенно при использовании методики внутренней реконструкции.

При непрерывности литературной традиции процесс включения инноваций может происходить либо постепенно, путем добавления отдельных элементов, либо скачкообразно, что обычно связано с деятельностью выдающихся писателей, просветителей и т. п.

В. П. Калыгин (Москва) в докладе «Об изучении древнейших этапов истории ирландского языка», рассмотрев проблему порядка слов в древнеирландском языке доклассического периода, показал, каких успехов может добиться историк языка в работе с древними письменными памятниками при комплексном применении методов сравнительно-исторического, типологического и исторического языкознания, внутренней реконструкции и других, выбор которых обуславливается характером материала. Подобная комплексная методика позволила автору выявить в памятниках VI—VIII веков, дошедших до нас в составе среднеирландских рукописей XII—XIV веков, ряд архаических черт, проливающих свет на дописьменную историю ирландского языка и позволяющих сделать вывод, что правило обязательного начального положения финитного глагола сложилось, по видимому, не ранее VI века, и, следовательно, не может быть объяснено влиянием субстрата.

Особая актуальность вопроса взаимодействия литературного языка, диалектов и различных форм разговорного языка для разработки фундаментальных проблем романского исторического языкознания была раскрыта в докладе **Б. П. Нарумова** (Москва) «Изучение истории различных форм существования языка в сравнительно-историческом романском языкознании». Учет взаимодействия различных форм существования языка, их дифференциации и конвер-

генции определяет решение таких вопросов, как установление источника [классическая или вульгарная (народная) разговорная латынь] и времени выделения отдельных романских языков и диалектов, а также их классификация. В то же время осознание вариативности форм существования языка побудило романистов не только рассматривать сам процесс языковых изменений и связанные с ним проблемы сравнительно-исторического и историко-типологического порядка, но и выявлять причины возникновения тех или иных инноваций, прослеживая их распространение в различных формах и коммуникативных сферах языка.

В докладе **А. Ш. Садыхова** (Баку) «Принципы построения исторического синтаксиса» было подчеркнуто, что при разработке исторического синтаксиса конкретного языка нельзя рассматривать письменные памятники, являющиеся основным объектом исследования, как однородный источник языковых фактов, так как они различаются и по своему функционально-стилистическому характеру, и по социально-культурному уровню и подготовленности их авторов, и по своему происхождению (оригинальные произведения и переводы). Критическое отношение к материалу этих памятников требует выработки лингвистических критериев, позволяющих разграничивать привлекаемые к изучению памятники по стилям. Особую осторожность следует проявлять при использовании переводных произведений: игнорирование того факта, что под влиянием оригинала они отличаются обилием синтаксических калек, может привести к ошибочным выводам об образовании и развитии определенных конструкций. Большую ценность представляют диалектные и фольклорные материалы, а также грамматика азербайджанского языка XIX века, запечатлевшие в себе синхронический срез азербайджанского языка.

В докладе **Г. К. Кулиева** (Баку) «Глаголы мышления в тюркских языках юго-западной группы» были приведены результаты этимологического анализа глаголов, передающих понятия, связанные с актами мышления, восприятия и ощущения в турецком, туркменском и азербайджанском языках. Древний характер глаголов (*ан-, ган-, таны-, жан-, дан-, сан-*) дает основание предполагать, что они входили и в тюркский праязык, а сходство их начальных согласных с префиксами позволяет автору выдвинуть гипотезу о наличии префиксов в системе пратюркского словообразования.

Наряду с докладами участниками семинара был заслушан ряд выступлений в прениях.

Итоги работы семинара были подведены в заключительном слове **Н. З. Гаджиевой** (Москва), подчеркнувшей, что обращение к истории языка, попытки восстановить его прошлое состояние и ход его развития могут увенчаться успехом лишь при опоре на четкие методологические принципы и установки, ориентированные прежде всего

на разграничение двух самостоятельных дисциплин — исторической грамматики языка и истории литературного языка.

Н. З. Гаджиева обратила внимание присутствующих на тот факт, что в настоящее время, несмотря на ряд достижений в области исторической тюркологии, еще не созданы достаточно полные исторические грамматики отдельных тюркских языков, построенные и выверенные на основе широкого использования новых приемов. Интенсивное внедрение новых принципов и методов исследования наблюдается в области исторического синтаксиса. Она подчеркнула также роль диалектов в современных сравнительно-исторических исследованиях.

В заключение Н. З. Гаджиева от имени московских организаторов семинара и всех участников сердечно поблагодарила его организаторов в Баку.

Семинар принял соответствующее решение. В решении отмечается, что созыв семинара был вызван расширением сравнительно-генетических и исторических исследований во многих языковедческих центрах страны и необходимостью обсудить проблемы, встающие перед исследователями, работающими над историческими грамматиками ряда национальных языков СССР и историй литературных языков.

В последние десятилетия была создана обширная база для исторических и сравнительно-исторических построений в области целого ряда языков, в частности тюркских. Однако, как показывает практика лингвистических исследований, иногда отсутствие в них четкой методологической основы и разграничения исторической грамматики языка и истории литературного языка часто приводит к серьезным упущениям и искажению реальной исторической картины.

Поэтому в докладах особо подчеркивалось, что если предметом исторической грамматики является внутренняя история языка, история его строевых элементов, развитие его структуры, то предмет истории литературного языка составляет история его общественных функций, история формирования и развития его функциональных стилей, история развития литературных стилей и жанров.

В решении также указано, что следует с крайней осторожностью привлекать материал древних письменных памятников для сравнительно-исторических реконструкций в силу наддиалектной и панхронической природы литературного языка.

Что касается истории литературного языка, то она опирается на письменные памятники и только на них. Однако при этом не следует отождествлять изучение строевых элементов литературных памятников какого-либо исторического периода с изучением литературного языка этого времени. При прослеживании истории развития тех или иных языковых единиц представляется методологически ошибочным обращаться к фактам, почерпнутым из древних литературных памятников, предварительно не убедившись в том, что строевые элементы языка этих памятников и изучаемого языка относятся к одной, исторически непрерывной генетической линии.

Обращаясь к материалу письменных источников, историк языка должен также учитывать и их жанровую неоднородность, наличие в них следов воздействия других письменных языков, диалектных черт, архаизмов и инноваций.

Построение исторической грамматики того или иного языка требует широкого привлечения материалов диалектов и современных говоров данного языка, фольклорных материалов, данных родственных языков и их диалектов, а также данных, полученных при помощи типологических и ареальных приемов исследования.

Недостаточно разработанной представляется методика выявления фактов дописменного периода того или иного языка, что обуславливает необходимость крайне осторожного и корректного привлечения и использования этих данных в сравнительно-исторических реконструкциях.

Семинар рекомендовал: провести в ближайшее время совещание по принципам создания исторических грамматик бесписьменных языков в целях дальнейшего расширения этой области исследования; расширить соответствующие разделы учебных программ университетов и педвузов страны, посвященных истории языка и истории литературного языка, уделяя особое внимание роли сравнительно-исторического метода исследования, ареальной лингвистики и диалектологии, а также поручить в качестве дипломных и диссертационных тем разработку актуальных аспектов историко-лингвистической проблематики.

Было высказано пожелание, чтобы Институт языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР опубликовал тексты заслушанных докладов и выступлений.

Г. И. Андреева

PERSONALIA

МИРЗА АЖДАР ОГЛЫ ИБРАГИМОВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

советскую литературу в пору ее активного становления, проявились особенности его авторского почерка, яркий художественный талант писателя, который позднее найдет воплощение в созданных им широких эпических полотнах (романы «Наступит день», «Великая опора», «Перване») и в небольших по объему повестях и рассказах, поднимающих глубокие философско-этические и нравственные проблемы жизни нашего общества. Мастерство и талант крупного писателя нашли свое яркое воплощение и в его художественно-публицистических произведениях, посвященных животрепещущим вопросам современности, борьбе народов Южного Azerbaijan за свои гражданские права и национальную независимость, в драматических произведениях, отличающихся значительностью идейного содержания и острой актуальностью.

С начала 30-х годов М. А. Ибрагимов играет все более заметную роль в общественной и литературной жизни республики. Он избирается ответственным секретарем Правления Azerbaijanской ассоциации пролетарских писателей (АзАПП), затем — секретарем Оргкомитета Союза советских писателей Azerbaijan. Одновременно он учится на подготовительном отделении Azerbaijanского государственного научно-исследовательского института. В 1935 году для завершения образования М. А. Ибрагимов едет в Ленинград, где поступает в аспирантуру при Институте востоковедения Академии наук СССР и успешно защищает кандидатскую диссертацию, посвященную творчеству Дж. Мамедкулизаде. Подготовленная на основе этой диссертации монография «Великий демократ» сыграла заметную роль в развитии марксистского литературоведения в республике.

М. А. Ибрагимов успешно сочетает литературную и научную деятельность. Его исследования в области теории и истории азербайджанской литературы, многочисленные литературно-критические статьи, эссе о классиках и современных писателях способствуют утверждению в азербайджанском

Исполнилось семьдесят лет академику Академии наук Azerbaijanской ССР, народному писателю Azerbaijan, одному из выдающихся представителей многонациональной советской литературы, видному ученому и общественному деятелю Мирзе Аждар оглы Ибрагимову.

М. А. Ибрагимов родился 15 октября 1911 года в бедной крестьянской семье. Детство его прошло в нужде, он рано приобщился к труду: был батраком, чернорабочим на нефтяных промыслах. После установления Советской власти в Azerbaijan М. А. Ибрагимов заканчивает фабрично-заводскую школу, затем вечерние курсы рабочей молодежи при нефтяном техникуме. В эти же годы он посещает литературный кружок и публикует свои рассказы, стихи, очерки.

Уже в первых пробах пера начинающего писателя, вошедшего в азербайджанскую

литературоведении критериев марксистско-ленинской философии и эстетики в оценке художественного творчества. Исследуя процесс становления молодой азербайджанской советской литературы социалистического реализма, особенности устно-поэтического творчества народа (в частности поэзии ашугов), М. А. Ибрагимов много внимания уделяет языку и стилю художественных произведений.

Немало сделано М. А. Ибрагимовым и в области перевода на азербайджанский язык классической и современной русской литературы, лучших образцов литературы народов СССР и зарубежных писателей.

Целый ряд статей М. А. Ибрагимова посвящен различным проблемам музыки, живописи, театра. Эти работы характеризуют широту эрудиции автора, теоретическая глубина и публицистическая страстность.

Постоянно находясь в гуще жизни, М. А. Ибрагимов сочетает многогранную литературную и научную работу с активной государственной и общественно-политической деятельностью. В течение многих лет он являлся министром просвещения Азербайджанской ССР, начальником Управления по делам искусств республики, директором Института литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР, заместителем председателя Совета Министров республики, председателем Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР. Он неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР, возглавлял писательскую организацию республики. Начиная с 1938 года М. А. Ибрагимов избирался членом и кандидатом в члены ЦК КП Азербайджана. В настоящее время М. А. Ибрагимов член Всесоюзного комитета за-

щиты мира, а также член многих республиканских, всесоюзных и международных организаций. Возглавляя Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, он отдает много сил и энергии делу укрепления дружбы между народами, их борьбе за свою свободу и независимость, за мир на земле.

Плодотворная и активная научная, литературная и общественная деятельность М. А. Ибрагимова по достоинству отмечена многими высокими правительственными наградами: двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями; он — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР и Азербайджанской ССР, Международной премии имени Джавахарлала Неру.

В настоящее время, находясь во главе писательской организации республики, руководя одним из отделов Института литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР и активно участвуя в работе международных симпозиумов и конференций, М. А. Ибрагимов находит время для работы над новыми художественными произведениями и переводами русской и зарубежной литературы, литературы народов СССР, а также уделяет много внимания подготовке кадров научных работников-филологов.

Друзья, коллеги, товарищи по перу желают неутомимому труженику — писателю, ученому и общественному деятелю Мирзе Аждаровичу Ибрагимову здоровья и дальнейших успехов в его многогранной плодотворной деятельности.

М. З. Джафаров, С. Лукьянова

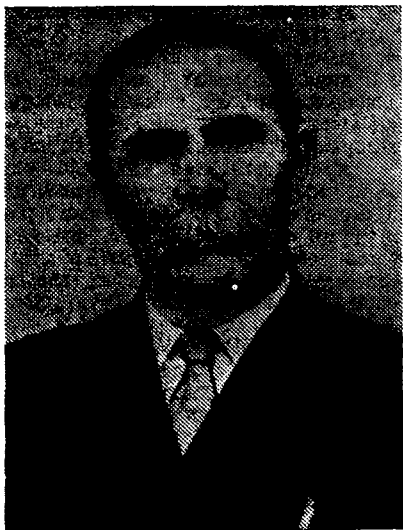
ЗАКИР ШАКИРОВИЧ ШАКИРОВ

(К столетию со дня рождения)

Исполнилось сто лет со дня рождения одного из основоположников башкирского советского языкознания, педагога и ученого Закира Шакировича Шакирова.

З. Ш. Шакиров родился 16 ноября 1881 года в д. Карасай-елга нынешнего Кушнаренковского района Башкирской АССР. В 1902 году он окончил медресе «Мухамадия» в Казани и стал преподавать в этом же учебном заведении. В 1912 году З. Ш. Шакиров поступил в Московский народный университет им. А. Л. Шанявского, после окончания которого вернулся в Уфу и начал работать инспектором нерусских школ отдела просвещения Уфимской губернской земской управы.

После Великой Октябрьской социалистической революции З. Ш. Шакиров активно включился в работу по созданию школ нового типа: был преподавателем курсов подготовки учителей, директором школы. Начиная с 30-х годов и до конца своей жизни (1968) З. Ш. Шакиров преподавал башкирский язык и литературу, арабский язык в Башкирском педагогическом институте, преобразованном в Башкирский государственный университет им. 40-летия Октября. Здесь он долгие годы заведовал кафедрой языка и литературы, одновременно ведя научные исследования в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР.

Научная деятельность З. Ш. Шакирова началась еще до революции, когда он выпустил учебники по географии Казанской и Уфимской губерний, опубликовал статьи по вопросам народной педагогики, этнографии и др.

Свои исследования в области башкирского языка З. Ш. Шакиров начал вести в середине 20-х годов, когда башкирское языкознание, как самостоятельная отрасль науки, еще только зарождалось. В этот период велась интенсивная работа по языковому строительству: разрабатывалась система письма, утверждались правила орфографии, составлялись первые учебники и учебные пособия.

З. Ш. Шакиров в 1928—1929 годах участвует в комплексных экспедициях, организованных Академией наук СССР по изучению Башкирии, разговорного языка и фольклора башкир, а затем самостоятельно совершает выезды в различные районы БАССР, Челябинской и Курганской областей. На эти годы приходится его знакомство с Н. К. Дмитриевым. Это было время, когда формировались национальные кадры

языковедов из башкир, начинали свою работу Г. Я. Давлетшин, К. З. Ахмеров, Т. Г. Байшев и многие другие.

Материалы экспедиций в виде обобщенных отчетов публиковались З. Ш. Шакировым в научных журналах «Белем» (1930, № 2), «Культура революцияны» (1931, № 2—3), «Краеведческий сборник» (1928—1930, № 3—4) и др. В эти же годы он принимается за разработку школьных программ и различных типов учебников башкирского языка для школ второй ступени, техникумов и рабфаков, а также методических пособий. Им впервые был создан «Учебник башкирского языка для русских школ» (Уфа, 1925), выдержавший несколько изданий, а в соавторстве — «Учебник башкирского языка для руководящих партийных и советских работников» (Уфа, 1941).

Одним из важнейших участков языкового строительства в автономной республике была работа по созданию научной терминологии башкирского литературного языка. З. Ш. Шакиров был одним из составителей русско-башкирского терминологического словаря названий растений (Уфа, 1932), а также словаря терминов по языку (Уфа, 1935); он участвовал и в составлении первого большого русско-башкирского словаря, вышедшего в свет в 1948 году.

В 1939—1940 годах З. Ш. Шакиров был привлечен к разработке нового башкирского алфавита и орфографии на основе русской графики. Всего им опубликовано более сорока научных работ.

За заслуги в области научной разработки проблем башкирского языка З. Ш. Шакирову было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки БАССР. А за многолетнюю безупречную работу в области науки и народного образования он был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалями.

Ученики З. Ш. Шакирова ныне успешно трудятся в различных отраслях народного хозяйства автономной республики, многие из них работают в области башкирского языкознания и литературоведения, а некоторые стали известными писателями, деятелями искусства.

З. Г. Ураксин

ХРОНИКА

ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОЙ АРХЕОГРАФИИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

11 ноября 1981 года в Уфе состоялось рабочее совещание по вопросам полевой, камеральной и эдичионной археографии Урало-Поволжья, организованное, согласно плану работы Советского комитета тюркологов на 1981 год¹, Южно-Уральским отделением Археографической комиссии (ЮУОАК) Академии наук СССР и Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР. В работе совещания приняли участие ученые Ленинграда, Казани, Уфы.

Совещание открыл заместитель председателя Президиума Башкирского филиала Академии наук СССР, председатель ЮУОАК АН СССР Р. Г. Кузеев. Он охарактеризовал деятельность Южно-Уральского отделения Археографической комиссии Академии наук СССР за десятилетний период, его важную роль в деле сбора, изучения и публикации исторических и филологических источников. Непосредственным итогом работы комиссии явилась публикация археографических сборников², освещавших многие результаты работы археографов Южного Урала в области выявления неизвестных архивных источников, проведения полевых археографических, а также ис-

точниковедческих и текстологических исследований письменных памятников, публикации наиболее ценных источников.

В заключение Р. Г. Кузеев остановился на задачах, стоящих перед археографами Южного Урала.

С докладом, посвященным истории формирования Рукописного фонда Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР, выступил заведующий сектором литературы института Г. Б. Хусаинов. Он отметил, что в течение девяти лет институтом проводятся археографические экспедиции по выявлению и сбору среди населения рукописных и старопечатных книг на языках тюрки, арабском и фарси. Поиски проводились почти во всех районах Башкирской АССР, а также в Челябинской, Оренбургской областях и в отдельных районах Татарской АССР. В результате археографических экспедиций были обнаружены и частично введены в научный обиход рукописные произведения до-революционных поэтов У. Имяни (1754—1834), Т. Ялысуголова (1767—1838), А. Каргалы (1784—1824), Х. Салихова (1794—1867), Ш. Заки (1825—1865), Г. Сокрыя (1826—1889), М. Акмуллы (1831—1895) и др. Сейчас рукописный фонд института насчитывает более трех тысяч единиц рукописных и старопечатных книг. Одни из них являются оригиналами, другие — уникальными экземплярами. Эти материалы послужат ценнейшей базой для проведения научных изысканий в области истории и культуры народов Урало-Поволжского региона за период с XII века и до Великой Октябрьской социалистической революции.

И. Г. Галаутдинов в своем докладе остановился на проблемах полевой, камеральной и эдичионной археографии в Башкирии, отметив, что за последние годы в Башкирской АССР полевая археография развивается более активно, чем в предшествующий период. Подводя итоги работы в данной области, он указал на необходимость комплексного и системного изучения

¹ См.: «План работы Советского комитета тюркологов, проводимой совместно с научно-исследовательскими учреждениями академий наук союзных республик на 1981 год». — «Советская тюркология», 1981, № 2, стр. 107.

² См.: «Южноуральский археографический сборник». Вып. 1, Уфа, 1973, 406 стр.; «Южноуральский археографический сборник». Вып. 2, Уфа, 1976, 392 стр.; «Археография Южного Урала», Уфа, 1976, 173 стр.; «Археография и лингвистическая текстология Южного Урала». Уфа, 1977, 158 стр.; «Археография и источниковедение истории литературы на Южном Урале». Уфа, 1979, 139 стр.; «Письменные памятники Башкирии. Историко-филологические исследования». Объем, 8,5 а. л. (в печати).

местной рукописной и книжной традиции, отражающей историю культурного развития данного региона. Далее докладчик привлек внимание собравшихся к вопросам консервации и реставрации ценных рукописей, создания научно-справочного аппарата к рукописям фондов, а также планирования работ по изданию наиболее ценных памятников тюркской письменности Башкирии.

С сообщениями о составе и сохранности восточных рукописей в хранилищах Уфы выступили заведующая отделом редких книг Республиканской библиотеки им. Н. К. Крупской *Ф. Ф. Тимашева* и заведующая научным архивом Башкирского филиала Академии наук СССР *С. М. Шангареева*.

Заместитель председателя Восточной секции Археографической комиссии Академии наук СССР, заведующий сектором Ближнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР *А. Б. Халидов* ознакомил участников совещания с работой по сбору и изучению памятников восточной письменности в Москве, Ленинграде, в союзных и автономных республиках страны, подчеркнув, что одной из главных задач археографов является создание всесоюзного сводного каталога рукописей на арабской графике в СССР (мусульманских и христианских, на языках арабском, персидском, урду, курдском и др.). Эту важную работу следует выполнять общими усилиями и археографы Урало-Поволжья должны внести в нее свою лепту. Он рекомендовал ускорить работу по каталогизации и научному описанию рукописей, проводя ее по единой форме.

И. А. Абдуллин в своем докладе проинформировал собравшихся о состоянии текстологических исследований, проводимых учеными Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР. В настоящее время текстологическая работа ведется в трех направлениях: 1) издание трудов татарских ученых и философов, осуществляемое сектором истории и общественной мысли; 2) издание многотомных собраний сочинений классиков татарской литературы — сектором ли-

тературы; 3) издание критических текстов письменных памятников от булгарского периода до начала XX века — сектором языка. Докладчик отметил, что до сих пор не разработана единая схема описания тюркских рукописей и отсутствует единая система транскрипции и публикации критических текстов памятников восточной письменности.

Выступавшие в прениях по докладам, указав на заметные успехи, достигнутые в Урало-Поволжье в области полевой археологии, заострили внимание на некоторых трудностях и недостатках, имеющихся в практике сбора, каталогизации и описания восточных рукописей. В частности, было отмечено, что многие хранилища Уфы и Казани остро нуждаются в высококвалифицированных специалистах; медленно идет работа по каталогизации и описанию рукописей; не доведена до конца разработка единой системы транскрипции арабографических текстов и описания тюркских рукописей.

Совещание приняло нижеследующие рекомендации: 1) создать при Южно-Уральском отделении Археографической комиссии Академии наук СССР Координационный совет по каталогизации и научному описанию рукописных книг; 2) разработать и подготовить инструкцию по полевой археологии региона Урало-Поволжья; 3) просить Археографическую комиссию Академии наук СССР содействовать организации подготовки квалифицированных специалистов по работе с рукописями; 4) применять в научных описаниях тюркских рукописей схему, разработанную сотрудником Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР *С. Н. Муратовым*; 5) систематически приглашать сотрудников центральных хранилищ и Археографической комиссии с целью оказания научно-методической помощи местным хранилищам; 6) систематически готовить и публиковать сборники по письменным памятникам Урало-Поволжья и т. д.

И. Г. Галаятдинов

«АРЕАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ КАЗАХСКИХ ГОВОРОВ УЗБЕКИСТАНА»

3 июля 1981 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР состоялась защита докторской диссертации «Ареальная характеристика диалектной лексики

казахских говоров Узбекистана»; представленной доцентом кафедры казахской филологии Ташкентского государственного педагогического института им. Низами *Айдаровым Турапом*.

Работа *Т. Айдарова* посвящена изучению лексики и описанию двух неисследо-

вавшихся казахских говоров: окрестностей Ташкента и Бухарской области. Значение работы заключается в уточнении и дополнении диалектологической карты. Кроме того, при изучении указанных говоров Т. Айдаровым зафиксированы древнейшие особенности

казахского языка, не получившие отражения в памятниках древнетюркской письменности.

Задачей диссертанта являлось также определение места исследованного им диалектного массива в классификационной системе казахских диалектов, и выяснение отношения изучаемых диалектов к литературному языку.

Т. Айдаров выдвигает и обосновывает тезис о том, что лексика рассмотренных говоров проливает определенный свет на историю формирования общенародного казахского языка и пополняет материалы исторической диалектологии.

Исследование проводилось лингвогеографическим методом. Факты лексики казахских говоров Узбекистана заносились на карту и определялись их ареалы и изоглоссы. Одновременно было выявлено воздей-

ствие на исследуемые говоры контактирующих с ними узбекского, таджикского, каракалпакского, туркменского и киргизского языков.

В диссертации рассматриваются диалектная фразеология, диалектизмы в парных и повторных словах, диалектные междометия и антропонимика. Прослеживаются семантические изменения некоторых слов-диалектизмов.

Выяснено соотношение лексики казахских говоров Узбекистана с лексикой других казахских говоров.

Выступавшие на защите официальные оппоненты академик АН Киргизской ССР Б. О. Орузбаева, чл.-корр. АН Казахской ССР Г. С. Садвакасов, д-р филол. наук А. Шерматов, а также принявшие участие в прениях чл.-корр. АН Казахской ССР А. И. Исаков, д-ра филол. наук, профессора Ш. Ш. Сарыбаев и А. К. Калыбаева, д-р филол. наук Г. Айдаров и другие отметили, что работа Т. Айдарова представляет собой оригинальное исследование, дополняющее лингвогеографическое изучение лексики тюркских языков.

Специализированный совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Т. Айдарову ученой степени доктора филологических наук.

М. Оразов

«СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕТОДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ТАТАРСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ 1917—1941 ГОДОВ»

23 октября 1981 года на заседании Специализированного совета при Институте литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации «Становление и развитие метода социалистического реализма в татарской советской поэзии

1917—1941 годов», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук Галиуллиным Талгатом Набиевичем.

В диссертации прослеживается история татарской советской поэзии 1917—1941 го-

дов, становление и развитие в ней метода социалистического реализма. В исследовании показано значение прогрессивных литературно-эстетических традиций, прежде всего критического реализма, для развития татарской советской поэзии 20-х и 30-х годов. Наряду с использованием общедоступных источников, диссертант впервые обращается к литературно-критическим статьям и поэтическим произведениям, публиковавшимся в указанные годы в периодической печати, а также к рукописным материалам. Диссертантом раскрывается внутреннее единство идейно-эстетических компонентов поэзии социалистического реализма.

Ценность диссертации Т. Н. Галиуллиной определяется прежде всего широкой разработкой малоизученной проблемы, оригинальным подходом исследователя к решению основных проблем, комплексным анализом произведений татарской литературы.

Эти и другие достоинства диссертации Т. Н. Галиуллина были отмечены и высоко оценены официальными оппонентами: д-рами филол. наук А. Ш. Шариповым и Г. М. Халитовым, д-ром филол. наук, проф. И. З. Нуруллиным, а также выступившими на защите докторами филологических наук, профессорами Т. Какишевым и Н. Юзеевым.

В диссертации Т. Н. Галиуллина разработаны научные положения, совокупность

которых может быть квалифицирована как перспективное направление в области татарского литературоведения.

Специализированный совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присвоении Т. Н. Галиуллину ученой степени доктора филологических наук.

Р. Бердибаев

«РАЗВИТИЕ ФОРМ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА»

2-го ноября 1981 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации «Развитие форм имен-

ных частей речи башкирского языка», представленной доцентом кафедры башкирского языка Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября Псянчиным Вали Шагалиевичем.

Рассматривая в сравнительно-историческом аспекте развитие форм именных частей речи башкирского языка, диссертант впервые в башкирском языкознании использует комплексный метод изучения аффиксальных морфем, сочетая ряд исследовательских приемов, основанных на теории, предполагающей происхождение аффиксов из полнозначных слов, на идее фузионного развития тюркских языков и теории определенности-неопределенности.

Фактический материал был почерпнут диссертантом из башкирского языка, его диалектов и говоров, из других тюркских языков и их диалектов, а также письмен-

ных памятников. По мере необходимости привлекались и общеалтайские материалы. Все это позволило автору представить последовательный процесс развития соответствующих языковых явлений в башкирском языке.

Диссертант убедительно показал пути образования и развития свыше 250 формообразующих и словоизменяющих аффиксов башкирского и некоторых других родственных языков. В диссертации разработаны критерии, позволяющие с возможной достоверностью установить генезис аффиксальных морфем, классифицированы формы падежей по их происхождению. Впервые введены в научный обиход остаточные падежи, такие, например, как инструментальный на -ын, -ин, -н; -ман, -мэн; вокативный на -ый, -ей, -(а)у, -(э)у.

Выступившие на защите в качестве официальных оппонентов доктора филологических наук, профессора Т. М. Гарипов, Ф. Р. Зейналов и Ф. М. Агаева отметили, что работа В. Ш. Псянчина является значительным вкладом в изучение форм именных частей речи башкирского, а также других тюркских языков и ее научная ценность не вызывает сомнений.

Совет принял решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении В. Ш. Псянчину ученой степени доктора филологических наук.

Н. Г. Наджафов

«СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ»

13 ноября 1981 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации «Синтаксическая синонимия в современном казахском литературном языке», представленной доцентом кафедры казахского языка Казахского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. С. М. Кирова, кандидатом филологических наук **Сергалиевым Мырзатаем Сергалиевичем**.

Диссертация посвящена актуальной, теоретически мало разработанной в современном казахском языкознании проблеме. Она состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

В первой главе излагаются теоретические вопросы синтаксической синонимии, в частности, дается обзор работ, посвященных рассматриваемой проблеме, устанавливаются критерии синонимичности синтаксических конструкций и соотношения синтаксических синонимов со сходными с ними языковыми

явлениями. Дается определение синтаксических синонимов, излагаются принципы их классификации.

Во второй и третьей главах рассматриваются два основных раздела синтаксических синонимов: синонимия словосочетаний и синонимия предложений. Диссертант, классифицируя синонимические синтаксические конструкции, в отличие от других исследователей, придерживается принципа их разграничения согласно основным разделам традиционного синтаксиса. В каждом разделе выделяются разновидности синонимии, например, синонимия именных словосочетаний, синонимия глагольных словосочетаний или же синонимия предложений с соединительным или с противительным значением и т. д.

Официальные оппоненты — чл.-корр. АН Киргизской ССР К. К. Сартбаев, чл.-корр. АПН СССР М. А. Аскарлова, д-р филол. наук, проф. Р. С. Амиров, а также выступившие на защите академик АН Казахской ССР С. К. Кенесбаев, чл.-корр. АН Казахской ССР А. Т. Кайдаров, д-р филол. наук А. Б. Болганбаев высоко оценили диссертацию как результат многолетних исследований автора.

Специализированный совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении М. С. Сергалиеву ученой степени доктора филологических наук.

Т. Сайримбаев

«АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ И ИХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»

9 декабря 1981 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности «Языки народов СССР» при Азербайджанском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете им. С. М. Кирова состоялась защита диссертации «Азербайджанские пословицы и поговорки и их лексико-семантический анализ», представленной доцентом кафедры

азербайджанского языкознания Азгосуниверситета **Алиаде Зейнет Алигедар кызы**.

Диссертант поставил целью определить место пословиц и поговорок в азербайджанской фразеологии, установить их отличие от крылатых слов и выражений, выявить особенности лексико-семантических типов этих двух категорий и проследить их способность вступать в антонимичные, синонимичные, омонимичные и полисемичные отношения. В работе подверглись также анализу грамматические и стилистические нагрузки пословиц и поговорок в составе сложных синтаксических сочетаний.

Диссертация состоит из введения, двух частей, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на главы, и библиографии.

Пословицы и поговорки интерпретируются автором как особый пласт фразеологии, между компонентами которого существуют системные отношения. При обращении словосочетания во фразеологическую единицу оно приобретает общее значение и новое качество.

Диссертант справедливо считает степень метафоризации одним из основных критериев отнесения пословиц и поговорок к фразеологии. Если семантическое поле пословицы или поговорки имеет прямое значение и метафоризация отсутствует, то она не включается в объект фразеологии. К следующей разновидности принадлежат также пословицы и поговорки, которые употребляются только в переносном смысле, то есть они полностью метафоризируются и составляют особый пласт фразеологии.

В работе затрагиваются вопросы актуального членения предложения, текстовое окружение, синтагматические и парадигматические отношения в речевом потоке и т. д.

Диссертация помимо научного имеет и большое практическое значение: применение разработанных диссертантом положений внесет существенные уточнения в установление лингвистических категорий, а также в изучение и преподавание фразеологии.

Официальные оппоненты: академик АН Киргизской ССР Б. О. Орузбаева, д-ра филол. наук, профессора А. М. Курбанов и А. А. Ахундов, а также выступившие на заседании д-ра филологических наук Р. Маггеррамова, В. Гукасян, М. Гасымов и другие отметили, что диссертация З. А. Ализаде носит монографический характер и представляет значительный научный интерес.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении З. А. Ализаде ученой степени доктора филологических наук.

М. Гасымов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1981 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	стр.
<i>Ахметов З. А.</i> (Алма-Ата), <i>Кошчанов М. К.</i> (Ташкент), <i>Садыков А. С.</i> (Фрунзе), <i>Султанов И. А.</i> (Ташкент), <i>Мирзаев Т. М.</i> (Ташкент). Изучение литературы и фольклора тюркоязычных народов СССР. Состояние и задачи	1	23—29
<i>Кононов А. Н.</i> (Ленинград), <i>Тенишев Э. Р.</i> (Москва), <i>Фазылов Э. И.</i> (Ташкент). Тюркское языкознание в СССР: итоги и перспективы	1	3—22

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Кузнецов П. И.</i> (Москва). Возникновение и значения тюркских претеритов	5	3—14
<i>Мусаев К. М.</i> (Москва). Современная терминология литературных тюркских языков Советского Союза	6	3—15
<i>Серебренников Б. А.</i> (Москва), <i>Бирюкович Р. М.</i> (Саратов). Некоторые особенности исторического развития перфекта в различных языках	2	3—12
<i>Серебренников Б. А.</i> (Москва). Об основных отличиях истории строевых элементов языка от истории литературного языка	4	3—13
<i>Федотов М. Р.</i> (Чебоксары). «Инфинитивы» в тюркских языках	3	3—9

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Марданов Ш. К.</i> (Ташкент). О семантических сдвигах русских лексических заимствований в узбекском литературном языке	2	13—16
<i>Миржанова С. Ф.</i> (Уфа). О древних этно-языковых связях башкир и венгров	1	37—48
<i>Сетаров Д. С.</i> (Шяуляй, Лит. ССР). Тюркизмы в русских названиях лошадей	6	16—32
<i>Султачов Б. Х.</i> (Бухара). Арабско-персидские заимствования в «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни	4	14—19
<i>Юсупов Р. А.</i> (Казань). Общее и специфическое в переносном употреблении слов контактирующих языков	1	30—36

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>Малехова А. Н.</i> (Ленинград). К характеристике образной структуры текста в поэме Навои «Лисан ут-тайр» («Язык птиц»)	4	20—31
---	---	-------

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

<i>Аджиев А. М.</i> (Махачкала). Кумыкские народные песни-пародии	6	33—37
<i>Дербисалин А.</i> (Алма-Ата). О соотношении фольклорного и индивидуального в творчестве казахских акынов	3	10—13
<i>Ильясов Р. Ф.</i> (Стерлитамак). Башкирские сказки о животных	3	14—21
<i>Кидайш-Покровская Н. В.</i> (Москва). Перевод тюркоязычного эпоса в академической серии	2	25—31

	№	стр.
<i>Короглы Х. Г.</i> (Москва). Древнетюркские элементы в парфянском эпосе «Аяткар Зареран»	1	49—53
<i>Мирбадалева А. С.</i> (Москва). Некоторые вопросы критической оценки текстов эпоса тюркоязычных народов	2	21—24
<i>Петросян А. А.</i> (Москва). Публикация памятников эпической поэзии тюркоязычных народов в академической серии «Эпос народов СССР»	2	17—20
<i>Урманчиев Ф.</i> (Елабуга). Татарская версия сказания «Кузы Курпач и Баян-Сылу»	5	15—21

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Абдуллаев К. М.</i> (Баку). О становлении монопредикативной структуры предложения в азербайджанском языке	4	32—42
<i>Баскаков Н. А., Гаджиева Н. З., Кузнецов П. И., Соколов С. А.</i> (Москва). Теоретические проблемы и вопросы по тюркскому языкознанию, рекомендуемые для докторских и кандидатских диссертаций	2	32—37
<i>Ганиев Ф. А.</i> (Казань). О семантической грамматике тюркских языков	4*	27—31
<i>Гузев В. Г., Насилов Д. М.</i> (Ленинград). Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория»	3	22—35
<i>Серебренников Б. А.</i> (Москва). Оправданы ли примененные здесь методы исследования?	6	38—48

ОНОМАСТИКА

<i>Дрон И. В.</i> (Кишинев). «Комрат» — этнопоним ногайского происхождения	1	54—59
--	---	-------

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

<i>Аракин В. Д.</i> (Москва). Семен Григорьевич Церуниан	6	44—47
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Владимир Александрович Гордлевский	5	22—27
<i>Благова Г. Ф.</i> (Москва). Е. Д. Поливанов и тюркская ареальная лингвистика	1	60—64
<i>Халикова Р. Х., Шакуров Р. З.</i> (Уфа). Еще одна страница из научного наследия Н. Ф. Катанова	3	36—38

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

<i>Ализаде А. Дж.</i> (Баку). Лексико-семантическое и фономорфологическое развитие некоторых производных существительных в азербайджанском языке	6	59—66
<i>Алимова М. Х.</i> (Бухара). Классификация каузативных глаголов в узбекском языке	6	67—71
<i>Алимурадов Х.</i> (Карши). Об одной форме множественности в нижнесурхандарьинском говоре узбекского языка	4	53—55
<i>Арсланов Л. Ш.</i> (Елабуга). О так называемых «астраханских каракалпаках» и их языке	4	80—85
<i>Бегжанов Т.</i> (Нукус). О профессиональной сельскохозяйственной терминологии в каракалпакском языке	5	36—41
<i>Бородина М. А.</i> (Ленинград). О месте «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» в развитии лингвистической географии	3	71—75
<i>Галаятдинов И. Г.</i> (Уфа). Из опыта организации археографических экспедиций в Башкирской АССР	3	91—95
<i>Гаркавец А. Н.</i> (Киев). О происхождении и классификации урумских говоров Северного Приазовья	2	46—58
<i>Гукасян В. Л.</i> (Баку). Об одной древнетюркской письменности	5	76—84
<i>Гулиев А. Г.</i> (Баку). Структурно-этимологический анализ первообразных темпоральных наречий в тюркских языках	2	66—74
<i>Даулетов А.</i> (Нукус). О стечении согласных звуков в каракалпакском языке	5	28—32
<i>Джавидова М. Н.</i> (Баку). Непроизводные глаголы в письменных памятниках азербайджанского языка	1	77—86
<i>Исламов М. И.</i> (Баку). Структурно-семантическая характеристика некоторых древнетюркских слов в диалектах и говорах азербайджанского языка	5	67—72
<i>Ишбулатов Н. Х.</i> (Уфа). О сравнительном изучении фонетических особенностей диалектов башкирского языка	3	63—70

	№	стр.
Караев О. (Фрунзе). О терминах и названиях в поэме «Кутадгу билиг»	3	86—90
Котлеев В. И. (Чебоксары). Акустические признаки чувашского словесного ударения	4	56—66
Кызласов И. Л. (Москва). Новые материалы по енисейской рунической письменности	4	86—96
Мизин О. А. (Елабуга). К этимологии слов «манты» и «лагман»	5	73—75
Наджиб Э. Н. (Москва). Еще раз о «Гулистане» Сейфа Саран	2	75—80
Нурманов А. (Андижан). Оппозиция утвердительность — отрицательность в нечленимых предложениях	3	53—62
Нурмухамедов А. (Ашхабад). О некоторых дифференциальных признаках согласных фонем	4	67—73
Рамазанов К. Т. (Баку). Парные слова в юго-западной группе тюркских языков	3	76—85
Садыхов Б. П. (Баку). Об употреблении некоторых аффиксов в айрумском говоре азербайджанского языка	5	63—66
Сат Ш. Ч. (Кызыл). Табу и эвфемизмы в тувинском языке	5	42—45
Сафиуллина Ф. С. (Казань). Актуальные проблемы изучения синтаксиса тюркской разговорной речи	4	43—52
Трофимов М. И. (Ош). Об ударении в сложных словах и словосочетаниях в тюркских языках	1	65—76
Трофимов М. И. (Ош). О прогрессивной губной гармонии гласных в современном уйгурском языке	6	48—58
Трофимов М. И. (Ош). О соотношении между ударением и редукцией гласных в современном уйгурском и других тюркских языках	3	47—52
Турабова М. Ш. (Ташкент). Приложные конструкции в узбекских говорах	5	46—53
Умаров Э. А. (Ташкент). Паве де Куртей — лексикограф	6	72—77
Ураксин Э. Г. (Уфа). Лексикографическая разработка фразеологии тюркских языков	3	39—46
Фигуровский И. А. (Петропавловск, Каз. ССР). Появление придаточных места в современном казахском языке	5	33—35
Хисамитдинова Ф. (Уфа). О сочетаниях lt, mt, nt, rt в тюркских языках	2	59—65
Хусаинов М. (Москва). Из опыта статистического анализа частотности употребления неологизмов в современном турецком литературном языке	4	74—79
Чарыяров Б. (Ашхабад). Туркменское языкознание. Итоги и проблемы	2	38—45
Чикаидзе В. Г. (Тбилиси). О фонологической структуре односложных слов турецкого языка	5	54—62

РЕЦЕНЗИИ

Арсланов Л. Ш., Салихов Р. Г. (Елабуга). «Исследования по исторической диалектологии татарского языка»	2	88—90
Атаев К. (Ашхабад). «Туркмен халк эртекилери»	5	92—93
Ахметов М. А., Псянчин В. Ш. (Уфа). Р. Г. Сибгатов. Основные признаки предложения	6	84—86
Ахундов А. А., Саадилов Ш. М. (Баку). Хабичев М. А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа	2	91—92
Ахунзянов Г. Х. (Казань). Р. А. Юсупов. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков	3	100—101
Баскаков Н. А. (Москва). Г. Е. Корнилов. Теория имитативов и данные чувашских диалектов	3	97—99
Баскаков Н. А. (Москва). Н. П. Петров. Чувашский язык в советскую эпоху	1	87—88
Бушуй А. М. (Самарканд). Kakuk Zsuzsa. Mai török nyelvek. Szövegek	5	93—95
Гулиева Л. Г., Гукасян В. Л. (Баку). Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения	2	85—87
Джалилов Ф., Худиев Н. (Баку). Юнис Мэммедов. Орхон-йенисей аби-дэлэриндэ адлар	1	90—91
Зайнуллин М., Ишбердин Э., Юсупов Ф. (Уфа). С. Ф. Миржанова. Южный диалект башкирского языка	4	101—103
Исхакова Х. Ф. (Москва). «Языки народов Сибири»	6	87—90
Кагарманов Г. Г. (Стерлитамак). Исследования по грамматике современного башкирского литературного языка	1	88—89
Копыленко М. М. (Алма-Ата). «Развитие казахского советского языкознания»	6	78—81

	№	стр.
Кулиев Г. К., Машадиев Г. И. (Баку). С. Атаньязов. Туркменистаның географик атларының дүшүндүриши сөзлүгү	3	103—104
Магеррамова Р. Дж. (Баку). «Азербайжан дилинин изаһлы лүғәти»	6	82—83
Магеррамова Р. Дж. (Баку). «Мүасир Азербайжан дили»	3	96—97
Молчанова О. Т. (Ярославль). К. Конкобаев. Топонимия Южной Киргизии	5	87—90
Молчанова О. Т., Фомина Т. Н. (Ярославль). Н. Scheinhardt. Typen türkischer Ortsnamen	2	94—97
Мусаев К. М. (Москва). Р. Бердибаев. Қазақ тарихи романы	2	93—94
Наджип Э. Н. (Москва). Г. А. Джалалов. Узбекский народный сказочный эпос	4	104—105
Нигматов Х. Г., Киличев Э. Р. (Бухара). А. Хожиев, Л. Решетова. Узбек тили грамматик терминларининг қисқача изохди лүғати	3	102—103
Нурмухамедов М. К., Фазылов Э. И. (Ташкент). Ilse Laude-Cirtautas. Chrestomathy of modern literary Uzbek	5	90—92
Псянчин В. Ш. (Уфа). У. Доспанов. Диалектная лексика каракалпакского языка	4	98—100
Саттаров Г. Ф. (Казань). Ф. А. Ганиев. Вопросы морфологии татарского языка	5	85—87
Сафиуллина Ф. С. (Казань). «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге»	2	81—84
Хабичев М. А. (Карачаевск). Ж. М. Гузеев. Основы карачаево-балкарской орфографии	4	97—98

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Андреева Г. И. (Москва). «Принципы построения исторических грамматик и истории литературных языков»	6	91—95
Данилова Л. В., Каримов К., Гаюпов С. И., Атамирзаева С., Сарымсаков Б., Мамаджанов С., Ахмедходжаев И., Ахунова М. (Ташкент). III Всесоюзная тюркологическая конференция	1	92—103
Шамсутдинова Р. Р. (Казань). «Взаимовлияние и взаимообогащение культур народов СССР»	5	96—98

PERSONALIA

Векилов А. П., Иванов С. Н. (Ленинград). Андрей Николаевич Кононов	5	99—101
Джафаров М. З., Лукьянова С. Л. (Баку). Мирза Аждар оглы Ибрагимов	6	96—97
Иманалиев К. (Фрунзе). Калкабай Калыкович Сартбаев	4	106—107
Мусаев К. М., Левитская Л. С. (Москва). Эрванд Владимирович Севортян	5	101—103
Псянчин В. Ш. (Уфа). Джалиль Гиниятович Киекбаев	5	103—105
Серебренников Б. А., Чеченов А. А. (Москва). Эдхам Рахимович Тенишев	3	105—108
Ураксин Э. Г. (Уфа). Закир Шакирович Шакиров	6	97—98

ХРОНИКА

«Азербайджанские пословицы и поговорки и их лексико-семантический анализ»	6	103—104
«Ареальная характеристика диалектной лексики казахских говоров Узбекистана»	6	100—101
Благова Г. Ф. (Москва). К девяностолетию со дня рождения Евгения Дмитриевича Поливанова	1	104—106
Благова Г. Ф. (Москва). Седьмое пленарное заседание Советского комитета тюркологов	2	98—109
Благова Г. Ф. (Москва). «Теория и практика этимологических исследований»	5	106—109
Галаяудинов И. Г. (Уфа). Проблемы тюркской археографии Урало-Поволжья	6	99—100
«Поэтика Касыма Аманжолова и ее преемственные связи с современной казахской лирикой»	3	109
«Развитие форм именных частей речи башкирского языка»	6	102
«Синтаксическая синонимия в современном казахском литературном языке»	6	103

	№	стр.
«Становление и развитие метода социалистического реализма в татарской советской поэзии 1917—1941 годов»	6	101—102
«Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке»	1	107—108
«Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка»	1	107
Якупова Г. К. (Казань). К столетию со дня рождения Гимада Нугайбека	4	108—109

НЕКРОЛОГ

Риза Салахутдинович Газизов	4	110
-----------------------------	---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- К. М. Мусаев (Москва). Современная терминология литературных тюркских языков Советского Союза 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Д. С. Сетаров (Шяуляй, Лит. ССР). Тюркизмы в русских названиях лошадей 16

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- А. М. Аджиев (Махачкала). Кумыкские народные песни-пародии 33

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Б. А. Серебренников (Москва). Оправданы ли примененные здесь методы исследования? 38

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- В. Д. Аракин (Москва). Семен Григорьевич Церуниан 44

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- М. И. Трофимов (Ош). О прогрессивной губной гармонии гласных в современном уйгурском языке 48
 А. Дж. Ализаде (Баку). Лексико-семантическое и фономорфологическое развитие некоторых производных существительных в азербайджанском языке 59
 М. Х. Алимова (Бухара). Классификация каузативных глаголов в узбекском языке 67
 Э. А. Умаров (Ташкент). Паве де Куртей — лексикограф 72

РЕЦЕНЗИИ

- М. М. Копыленко (Алма-Ата). «Развитие казахского советского языкознания» 78
 Р. Дж. Маггеррамова (Баку). «Азәрбајҹан дилинин изафлы лугәти» 82
 М. А. Ахметов, В. Ш. Псянчин (Уфа). Р. Г. Сибагатов. Основные признаки предложения 84
 Х. Ф. Исхакова (Москва). «Языки народов Сибири» 87

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Г. И. Андреева (Москва). «Принципы построения исторических грамматик и истории литературных языков» 91

PERSONALIA

- М. З. Джафаров, С. Лукьянова (Баку). Мирза Аждар оглы Ибрагимов . . . 96
 З. Г. Ураксин (Уфа). Закир Шакирович Шакиров . . . 97

ХРОНИКА

- И. Г. Галляудинов (Уфа). Проблемы тюркской археографии Урало-Поволжья . . . 99
 «Ареальная характеристика диалектной лексики казахских говоров Узбекистана» 100
 «Становление и развитие метода социалистического реализма в татарской совет-
 ской поэзии 1917—1941 годов» . . . 101
 «Развитие форм именных частей речи башкирского языка» . . . 102
 «Синтаксическая синонимия в современном казахском литературном языке» . . . 103
 «Азербайджанские пословицы и поговорки и их лексико-семантический анализ» 103
 Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1981
 году (№№ 1—6) . . . 105

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- K. M. Musayev (Moscow). Modern terminology of literary Turkic languages
 of the Soviet Union . . . 3

LANGUAGES IN CONTACT

- D. S. Setarov (Shiauliay, Lit. SSR). Turkic words in Russian horse references . . . 16

FOLKLORISTICS

- A. M. Adzhiyev (Makhach-Kala). Koumyk national songs-parodies . . . 33

DISCUSSIONS

- B. A. Serebrennikov (Moscow). Are the methods of research applied here justified? 38

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

- V. D. Arakin (Moscow). Simeon Grigorievich Tserunian . . . 44

REPORTS, SURVEYS

- M. I. Trofimov (Osh). Progressive labial harmony of vowels in the modern
 Uigur language . . . 48
 A. J. Alizade (Baku). Lexical-semantic and phonomorphological development
 of some derived nouns in the Azerbaijan language . . . 59
 M. Kh. Alimova (Bukhara). Classification of causative verbs in the Uzbek language 67
 E. A. Umarov (Tashkent). Pavet de Kourtel — lexicographer . . . 72

REVIEWS

- M. M. Kopylenko (Alma-Ata). «Развитие казахского советского языкознания» . . . 78
 R. J. Magerratova (Baku). «Азәрбајҹан дилинин изаһлы лугәти» . . . 82
 M. A. Akhmetov, V. Sh. Psianchin (Ufa). Р. Г. Сябагатов. Основные признаки
 предложения . . . 84
 Kh. F. Iskhakova (Moscow). «Языки народов Сибири» . . . 87

SCIENTIFIC LIFE

- G. I. Andreyeva* (Moscow). «Principles of creation of historical grammars and history of literary languages» 91

PERSONALIA

- M. Z. Jafarov, S. Lukianova* (Baku). *Mirza Azhdar ogly Ibragimov* 96
Z. G. Uraksin (Ufa). *Zakir Shakirovich Shakirov* 97

CHRONICLE

- I. G. Galiautdinov* (Ufa). Problems of the Turkic archeography of the Ural-Volga region 99
 «Area characteristic of dialect vocabulary of the Kazakh subdialects of Uzbekistan» 100
 «Formation and development of the method of socialist realism in the 1917—1941 Tatar Soviet poetry» 101
 «Development of the forms of nominal parts of speech in the Bashkir language» 102
 «Syntactic synonymy in modern Kazakh literary language» 103
 «Azerbaijan sayings and proverbs and their lexical-semantic analysis» 103
 References of the articles published in «Soviet Turkology» in 1981 (№№ 1—6) 105

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Ф. М. Ханбабаева, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 13/X-1981 г. Подписано к печати 7/V-1982 г. ФГ 09680. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,8 Уч. изд. л. 9,4.
 Заказ 6639. Тираж 2472. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.